

СОДЕРЖАНИЕ

4 ЮБИЛЕЙ
Алена КАРИМОВА
Уроки жизни Разиля ВАЛЕЕВА

12 ПОРТРЕТ ЭПОХИ
Марат САФАРОВ
*В переулках близ Сретенки
К 105-летию
Абдурахмана Абсалямова*

16 ПИСАТЕЛЬ И ЕГО МУЗА
Рустам ТУХВАТУЛЛИН
Творец Хисам и муза Роза

20 БУДЬ ЗДОРОВ
Альбина АБСАЛЯМОВА
*Техосмотр для «вечного
двигателя»*

24 КООПЕРАЦИЯ ТАЛАНТОВ
Эльвира ЕНИКЕЕВА
*Увлеченная молодежь на
форуме «Открытие талантов»*

26 МУЗЫКАЛЬНАЯ ШКАТУЛКА
Елена ХАДЕЕВА
*О чем рассказывают
автографы*

30 ПРОЗА
Равиль БУХАРАЕВ
Ханский водомет

36 ПОЭЗИЯ
Разиль ВАЛЕЕВ

38 ФЕЛЬЕТОН
Мирсай АМИР
Трезвый район

44 ВСТРЕЧА
Вячеслав НИКАДИМУС
Посвящение Марку Зарецкому

45 ПОЭЗИЯ
Марк ЗАРЕЦКИЙ

46 В ПЕРЕВОДЕ
Набира ГИМАТДИНОВА
Ангелы

56 ПРО ЧТЕНИЕ
Фарид ХАЙРУЛЛИН
*О новых книгах Айгель Гайсиной
и Андрея Абросимова*

57 КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

58 ВОСПОМИНАНИЕ
Рустем САБИРОВ
О Николае Беляеве

60 МНЕНИЕ
*Прощай, страна огромная...
К 25-летию распада СССР*

62 НОВАЯ ВОЛНА
Марат ШАКИРЗЯНОВ
«Делай ДОБРО, слушай «DABRO!»

66 СПОРТФОЛИО
Рустам ИМАМОВ
*Потери и обретения
Валерии Микши*

72 СПОРТФОЛИО
Инзиля ШАКИРОВА
Гимнастика – жизнь!

74 СВОИМИ ГЛАЗАМИ
Сергей ЦИХАНОВИЧ
*Страна, где сохранились чудеса,
или по дороге в Мандалай*

80 ПРЕОДОЛЕНИЕ
Марат ШАКИРЗЯНОВ
Ник Вуйчич в Казани

74

Номер, который вы, уважаемые читатели, держите в руках, во многом посвящен Памяти. Мы вспоминаем наших дорогих предшественников, уже ушедших из жизни, но оставивших глубокий след не только в литературе, но и во всех нас. Равиль Бухараев, Марк Зарецкий, Мирсай Амир, Абдурахман Абсалямов, Хисам Камал, Николай Беляев, с которым мы простились перед самым Новым годом, – все эти имена вы встретите сегодня на страницах журнала.

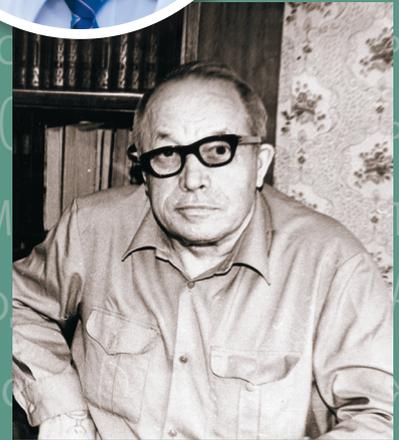
Вспоминая своих литературных наставников, Гариф Ахунов когда-то сказал: «Если мы хотим, чтобы прекрасные качества, переполнявшие наших учителей, воплотились во всей нашей молодёжи, нашей священной обязанностью должна стать неустанная пропаганда их творчества, чтобы и потомки наших потомков ясно слышали их одухотворённое слово. И только тогда мы сможем с чистой совестью утверждать, что с честью и любовью выполнили свой долг перед нашими старшими братьями, перед славными сыновьями Отчизны, перед её верными солдатами».

Бережно относиться к творческому наследию ушедших поколений, открывая его для идущих следом, – важная и очень ответственная задача.

Тему творческой дружбы и преемственности затрагивает в своем большом интервью и наш выдающийся современник – народный поэт Республики Татарстан Разиль Валеев: «Когда я вернулся в Казань после института, моими самыми близкими старшими друзьями стали академики Абрар Каримуллин и Миркасым Усманов, писатель Туфан Миннуллин. Я многому у них научился и благодарен судьбе, что она свела меня с ними».

Давайте и мы будем не только помнить, но и учиться у этих замечательных творцов.

Альбина Абсалямова

- > ЮБИЛЕЙ
- > ПОРТРЕТ ЭПОХИ
- > ПИСАТЕЛЬ И ЕГО МУЗА
- > БУДЬ ЗДОРОВ
- > КООПЕРАЦИЯ ТАЛАНТОВ
- > МУЗЫКАЛЬНАЯ ШКАТУЛКА

► Алёна Каримова

Уроки жизни РАЗИЛЯ ВАЛЕЕВА

Сегодняшний гость нашего журнала не нуждается в долгих представлениях и характеристиках. Его имя хорошо знакомо всем, кто любит татарскую литературу, всем, кто следит за культурной и политической жизнью в нашей республике. Среди наших читателей множество почитателей его писательского, политического, человеческого таланта. В этом интервью с Разилем Валеевым мы попытались дать его неформальный портрет «без галстука» – портрет творческого человека и неординарной личности.

– Разиль Исмагилович, говорят, что все самое главное в характере человека закладывается с раннего детства. Вы выросли в многодетной семье, были старшим из сыновей – это на Вас как-то повлияло?

– Да, нас в семье было восемь детей: шесть девочек и два мальчика. Разумеется, основы характера закладываются в семье. Когда много детей, они воспитывают друг друга, и это очень важная особенность многодетной семьи. У каждого свой характер, у каждого свои способности. Например, моя старшая сестра Разиля прекрасно играла на гармонии, хорошо рисовала. Она была очень активная, веселая, и в нашей семье

Студенческая семья. Разиль с сурпугой Алией и дочерью Сююмбикой. 1969 г.

была настоящим «культмассовиком». Организовывала домашние концерты. Это ее «вина» в том, что я написал первое стихотворение. Я тогда учился в четвертом классе.

– Расскажите, пожалуйста, как это произошло.

– Наступало 8 Марта. Мы жили в глухой деревне, это был тогда Шереметьевский район, города Нижнекамска еще не было. В сельском магазине невозможно было купить открытки... а маму нужно было поздравить с праздником. Разиля нарисовала прекрасный рисунок, цветок – сама сделала открытку. И говорит мне: «Напиши стихотворение!» Я сначала отказывался, ведь я никогда ничего подобного не делал, но она меня убедила, что все получится. И вот я, десятилетний мальчик, сел и написал стихотворение. Когда мы подарили маме эту самодельную открытку, она так обрадовалась! Я был очень удивлен и сделал для себя открытие: оказывается, стихотворением можно обрадовать человека. Я не помню, что именно тогда написал, и думаю, что ничего особенного в том

Когда мы подарили маме эту самодельную открытку, она так обрадовалась! Я был очень удивлен и сделал для себя открытие: оказывается, стихотворением можно обрадовать человека.

стихотворении не было, но вот это ощущение, что твоё творчество может дарить радость другим людям, оказалось для меня очень важным и побудило писать дальше. Я начал посвящать стихи своим друзьям, девочкам и мальчикам, писал о разных событиях, которые происходят в деревне. Причем не только восхвалял, но и критиковал тоже.

– Сатиру писали в стихах?

– Не только. Когда я учился в шестом классе, я написал статью, заметку об одном человеке, который, по рассказам моей матери и наших соседей, когда-то был дебоширом и совершал неприглядные поступки, а сейчас начал читать проповеди и учить людей уму-разуму. Моя мама очень удивлялась, как он изменился. Я написал об этом. Я его даже и не особенно критиковал, просто написал, что этот человек в молодости был таким, а теперь вот совсем другой. Выразил свои эмоции, свое удивление. И на следующий день направил свою заметку в районную газету в Шереметьево. А они взяли и вдруг опубликовали мой текст, хотя мне было тогда всего 12-13 лет. Еще через день вечером сыновья того человека, о котором я написал, меня сильно поколотили. Это был мой первый «гонорар». И тогда я понял, что за написанное не только хвалят, но иногда и бьют. Этот урок я тоже запомнил. Хвалишь кого-то, и тебя хвалят, ругаешь кого-то – тебя «бьют». Это и по сей день так.

– Но Вы не испугались и выбрали для себя стезю поэта, писателя.

– Наоборот, мне придало это сил. Ведь раз люди реагируют на то, что ты пишешь, значит, это важно. Я никогда не был слабаком: занимался спортом, боролся на сабантуях, даже становился Батыром. Так что мог постоять за себя. В деревне, как и везде, верховодят те, кто умеет драться, бороться, побеждать. Конечно, я не всегда выходил победителем, но эта закалка мне пригодилась.

– Уметь постоять за себя важно и в городе, и в деревне. Но все же деревенская жизнь идет по своим законам...

– Старые татарские деревни – это вообще государства в миниатюре.

Так повелось со времен Казанского ханства. После взятия Казани большинство тех, кто остался жив, переселились в сельскую местность, основали деревни, поэтому многие татарские деревни имеют в своей основе городскую культуру. Почему так много рождается там деятелей культуры, искусства, ученых? Это отголоски бывшей городской культуры. И наша деревня была таким мини-государством. Был там свой «президент» – самый авторитетный человек, к мнению которого все прислушивались. Был свой идеолог – мулла, который давал советы, наставлял людей. Был свой композитор, который играл на баяне, свой писатель, свой мыслитель, философ... Свой шут, клоун – как и везде. Были, кстати, и свои границы. Тогда на въезде в деревню стояли ворота, и кто угодно не мог свободно туда попасть. Тот, кто жил с краю, отвечал за то, чтобы ненужные люди в деревню войти не могли. Тогда чужой человек не мог зайти без спроса, за это его могли побить.

– Существует давняя традиция воспринимать поэта как человека возвышенного и мечтательного, «не от мира сего». Вы же умеете за себя постоять, твердо стоите на ногах. Как эти черты сочетаются в Вашем характере?

– На самом деле в каждом человеке живет несколько человек, несколько личностей. Как сказал Уолт Уитмен: «Я широк и вмещаю в себе множество разных людей». И Хади Такташ написал: «Во мне живут два я». Сильный физически человек вполне может иметь нежную, чувственную натуру. В зависимости от того, что именно я делаю в данный момент, во мне ярче проявляются определенные стороны личности. От мамы мне передалась эмоциональность. В нашем роду со стороны матери все были творческими людьми. В разных областях. Братья моей мамы Фаиз и Раиф были прекрасными музыкантами, сами изготавливали гармони, ремонтировали их. Мама очень любила литературу, просила меня читать вслух, когда готовила еду. Нас было восемь детей,

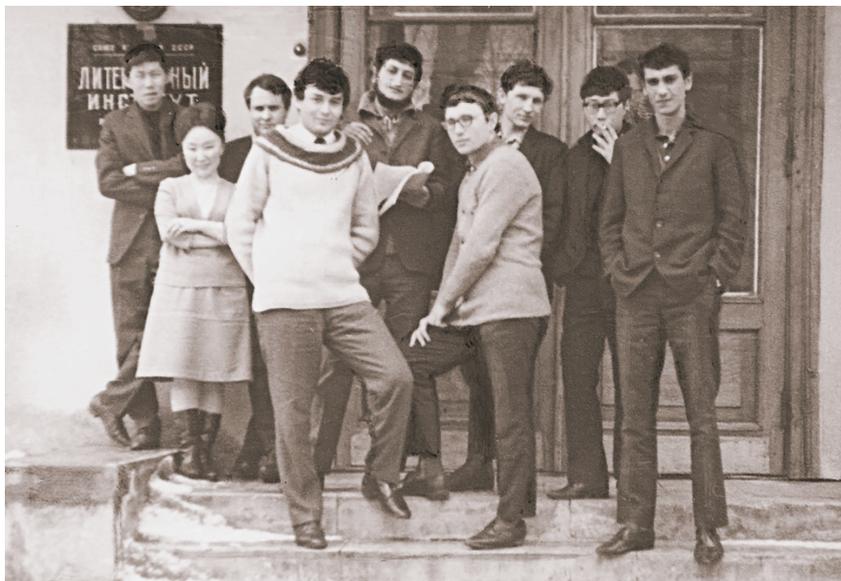

Гармонист Разиль. 1962 г.

мама, папа, еще приходили дедушка и бабушка – готовить на двенадцать человек каждый день было очень непросто. Пока она готовила, я сидел на печке и при свете керосиновой лампы читал ей вслух романы Абдурахмана Абсалямова – «Орлята», «Газинур» и другие. Электричества тогда еще не было. Позднее, когда вырос, переехал в Казань и работал в журнале «Ялкын», я пошел к писателю домой, чтобы взять интервью. И сказал ему: «Абдрахман ага, я на вас в большой обиде!». Он удивился: «Почему?» Я заявил, что, непрерывно читая его романы, чуть не ослеп и теперь хожу в очках! Так и сказал: «Это вы виноваты!» Он рассмеялся.

– А вы с юности в очках?

– С девятого класса. Наверное, дело в керосиновой лампе. Мне передалась мамина любовь к литературе. Особенно она любила Хади Такташа. Мне было 4 или 5 лет, а я его поэму «Мукамай» уже знал наизусть. Во время праздников меня ставили на табуретку и просили ее прочесть. Это и сегодня мой самый любимый поэт. Тукая я тогда осилить не мог, он был слишком сложным для меня. Детские стихи «Шурале», «Водяная» и подобное мы, конечно, знали, но

Студенты у дверей литинститута. На переднем плане в очках Разиль Валеев. 1967 г.

«взрослые» его произведения я начал понимать, будучи студентом, и до сих пор его осваиваю.

При каждой встрече Минтимер Шарипович Шаймиев говорит мне: «Я читаю Тукая и каждый раз открываю его заново». Я, да и многие, также. Тукай – поэт сложный, и осваивать его можно всю жизнь.

– А как Вы попали в литинститут?

– Я сначала поступил в Казанский государственный университет на отделение журналистики и проучился там два года. Мечтал о литературном институте, но понятия не имел, как поехать в Москву, как сдать там экзамены... В наш Казанский университет тоже был большой конкурс – 12 человек на место, но мне удалось поступить. Я благополучно проучился два года, а после второго курса направил подстрочники своих стихов в литературный институт. Мне посоветовал это сделать поэт Ильдар Юзеев. Пройдя творческий конкурс, я решил, что уже поступил. Понятия не имел, что нужно

еще сдать экзамены, и решил забрать документы из Казанского университета. Если бы я не сдал экзамены в литинститут, то просто бы «остался на улице». Но я не знал об этом. И пошел с обходным листом в деканат.

Меня направили на кафедру журналистики, где сидел Гази Кашшаф, ученый и друг Мусы Джалиля. Он работал тогда доцентом. Я сказал: «Гази ага, я решил поехать на учебу в Москву». Он посмотрел на меня с удивлением: «В Москву? Что ты там забыл? Это же Казанский университет! Помнишь, на собеседовании, когда ты поступал, я спросил тебя, почему ты хочешь к нам поступить? Ты ответил, что здесь учился Ленин, здесь учился Толстой. Почему же ты сейчас хочешь уйти?». Я подумал немного и ответил: «Но ведь Ленин ушел и Толстой ушел». Гази ага только рукой махнул.

Мне почему-то не очень понравилось тогда в Казани. Нас пичкали одной историей партии. Ну, и мечты были совсем другие, я знал, что су-

ществует литературный институт, где я хочу учиться. Так я поехал в Москву. Сдал экзамены, поступил в литинститут. Хотя Казанский университет в моей жизни еще сыграл свою роль, спустя годы я защитил там кандидатскую диссертацию по истории татарской книги.

– Я знаю, что в литинституте Вы были в семинаре у Льва Ошанина?

– Да. Я помню, как он в первый раз пришел к нам на творческий семинар и поздоровался: «Здравствуйте, уважаемые гении! Я знаю, что все вы – гении, а я обычный советский поэт. Пишу стихи и песни. Будем знакомы. На первом курсе почти все наши студенты – гении, когда же они заканчивают литературный институт, то почти все становятся просто поэтами, как и я. Я не буду вас учить писать стихи. Не смогу. Цель у нас не такая. Я постараюсь рассказать вам, как не надо писать. Остальное зависит от вашего таланта и старания». Это я хорошо запомнил.

Еще запомнился мне один преподаватель по фамилии Еремин. Он преподавал, кроме литинститута, еще и в духовной семинарии и был очень интересным человеком. Вел у нас спецсеминар по творчеству Пушкина. Однажды утром он пришел к нам очень хмурый и заявил: «Уважаемые студенты! Перед тем как прийти к вам, я всю ночь читал Пушкина. И полностью в нем разочаровался. Пушкин – дряннейший поэт!». И начал читать пушкинские стихи. Потом воскликнул: «Разве можно такого поэта назвать классиком русской литературы, солнцем русской поэзии?! Ведь это очень посредственно. Я разочарован. У меня абсолютно нет желания сегодня проводить с Вами занятие. Я ухожу.» И ушел. Мы в шоке. Что это такое? Профессор говорит такое о Пушкине! Немыслимо! Мы начали

Директор Национальной библиотеки Разиль Валеев встречает читателей. 1992 г.

горячо спорить между собой, поехали в общежитие, взяли в библиотеке книги Пушкина и всю ночь читали его стихи. И ругали его тоже.

Наутро Еремин явился в литинститут со словами: «Дорогие мои! Я снова всю ночь читал Пушкина! Пушкин – гениальнейший поэт!». И начинает читать прекрасные стихи Пушкина. Вот такие были у нас иногда занятия.

Вообще, преподаватели у нас были очень хорошие. Не знаю почему, но руководитель творческого семинара Лев Ошанин относился ко мне почти как к сыну. Он помогал мне всегда и во всем. Я даже был удивлен такой теплоте и пытался понять, чем заслужил такую сердечность с его стороны. Во время войны Казань и Чистополь приютили его и его семью. Возможно, он считал, что таким образом возвращает долг татарскому народу. Он вообще очень хорошо всегда отзывался о Татарстане, хорошо знал татарских писателей.

Когда учился на первом курсе, я женился, и у нас родилась дочка Сююмбике. А с ребенком жить в общежитии не разрешалось. Я отправил жену с дочкой к родителям в Узбекистан, а сам принялся искать жилье. Стипендия у нас была тогда 28 рублей. Я нашел какую-то развалюху, дачу в Подмоскowie на станции Перловская за 30 рублей в месяц. Потом начал искать работу, на это ушло два месяца, я пропустил много занятий, и меня лишили стипендии. Однажды встретил на улице Льва Ивановича, и он, зная о моем бедственном положении, хотел дать мне 200 рублей. Я отказывался, и он стал меня уговаривать: «Возьми! Купишь подарок жене, дочурке!». Я ответил: «Лев Иванович, я не возьму, потому что не смогу вернуть». Он настаивал: «Вернешь, когда разбогатеешь!», сунул деньги мне в руки и ушел.

Я поступил на работу на завод АЗЛК, который выпускал машины марки «Москвич», разнорабочим кузнечного цеха. Ходил в ночную смену – с вечера до утра. Там стоял невообразимый грохот – работали мощнейшие прессы, и хотя все было в наушниках, это не очень помогало... После ночной смены на лекциях в институте я, конечно, спал. Потом работал на макаронной фабрике. Но так или иначе все наладилось. Когда я учился на четвертом курсе, у меня вышла первая книга «Синие ракушки», и я получил приличный гонорар. Я побежал с деньгами к Ошанину:

– Помню, что меня даже чуть не исключили из литинститута за то, что в 1968 году на съезде писателей Татарстана в помещении нынешнего театра им. К.Тинчурина (тогда – театр им. Г.Камала) мы с балконов разбрасывали листовки с требованием открыть журнал «Идель».

– Лев Иванович, у меня вышла книга! Я возвращаю Вам свой долг!

– Какой долг?

– Разве Вы не помните, когда я учился на втором курсе, вы дали мне 200 рублей?

– И что я тогда сказал тебе?

– Сказали: «Вернешь, когда разбогатеешь».

– Ты, наверное, не расслышал, Ра- зиль. Я сказал: «Вернешь, когда станешь богаче меня».

Так он сказал, повернулся и ушел. Я очень благодарен ему, он не раз выручал меня, когда у меня не было денег на билеты, чтобы съездить домой... помогал мне с публикациями, когда я вступал в Союз писателей, он дал мне рекомендацию, написал рецензию, когда меня выдвинули в кандидаты на получение премии Тукая. Мы очень дружили. Каждый раз, когда бывал в Москве, я заходил к нему, и он всегда был рад меня видеть. И я это ценил.

Вообще, с самого детства я стремился быть рядом с людьми, которые умнее меня, сильнее меня, потому что у посредственности учиться нечему. И когда я вернулся в Казань после института, моими самыми близкими старшими друзьями стали академики Абрар Каримуллин и Миркасым Усманов, писатель Туфан Миннуллин. Я многому у них научился и благодарен судьбе, что она свела меня с ними. Я не избегал никого, общался со всеми, но старался быть ближе к тем, кто умнее и сильнее меня.

– Преемственность поколений для культуры – необходимое условие ее развития. А сегодня среди молодежи есть кто близок Вам по духу, с кем Вы дружите?

– Я с удовольствием общаюсь со своими ровесниками и с теми, кто моложе меня. Мне интересно с Гараем Рахимом, Радифом Гаташем, Марселем Галиевым, Ркаилом Зайдуллоу,

Слева направо: Разиль Валеев, Роберт Ахметзянов, Шамси Хамматов, Радиф Гаташ. 1980-е годы.

например. Это очень талантливые поэты, хотя и с непростым характером. Очень своеобразен Газинур Мурат. Если совсем молодых брать: Рузаль Мухамметшин, Рустем Галиуллин. О еще более молодых поэтах и поэтессах даже не говорю: там целая плеяда прекрасных авторов.

– Вы следите за творчеством молодых?

– Конечно, мне это интересно. Я рад, что у них целое сообщество, что они близки к вашему журналу. Ваш журнал тоже мне дорог.

– Вы активно боролись за то, чтобы он появился.

– Помню, что меня даже чуть не исключили из литинститута за то, что в 1968 году на съезде писателей Татарстана в помещении нынешнего театра им. К.Тинчурина (тогда – театр им.Г.Камала) мы с балконов разбрасывали листовки с требованием открыть такой журнал. Перед этим в общежитии университета всю ночь от руки писали их и переписывали. Нас было тогда человек десять активистов. К сожалению, у меня не осталось ни одного экземпляра, а было бы интересно сейчас их найти.

Об этой нашей «политической акции» вскоре стало известно и в литинституте, и меня вызвали к ректору Пименову. Он сильно меня отругал. Я запомнил его слова: «Ты не должен

заниматься политикой, ты должен заниматься поэтикой».

– Судя по Вашей биографии, Вы его так и не послушались. И всю жизнь занимаетесь политикой.

– Тогда меня опять-таки защитил Ошанин. Меня на три месяца лишили стипендии, но оставили в институте. Кстати, ситуация с опасностью отчисления позже повторилась. У нас был такой профессор Водолагин. Бывший довоенный секретарь Обкома партии Сталинграда по идеологии. Он преподавал у нас историю, и на одной из лекций начал говорить, что крымские татары – предатели. Я встал и сказал: «Больше я ваших лекций посещать не буду». Встал и ушел. За мной вышел бурятский поэт Намжил Нимбуев, который жил со мной в одной комнате в общежитии, и несколько других ребят – прибалты, поляк... почти полгруппы вышли. И это меня спасло. Иначе отчислили бы. Хотя нового разговора с Пименовым я, конечно, не избежал.

Наверное, с этого и начались мои занятия политикой. Живя в деревне, в детские годы я не видел ни одного русского человека и не слышал вживую русской речи. Мы все говорили только по-татарски. Когда я после сельской восьмилетки приехал учиться в Нижнекамск, многое было странным для меня. Вот, например, все говорили «русская береза». Но для меня дерево не имело нацио-

нальности. У нас в татарской деревне росли тоже березы – разве они были русскими? В общей стране все должно быть общим, считал я. И таких примеров можно привести много...

Я за всю свою жизнь никогда не выступал против какого-либо народа, какого-либо языка... Иначе мне было бы не место в Комитете Госсовета по национальным вопросам. Каждый народ имеет право на полноценную жизнь, на свой родной язык, каждый народ велик. Как представитель татарского народа я должен защищать интересы татарского народа, не принижая при этом других.

– Вы пишете по-татарски. А как происходило обсуждение Ваших стихов на семинаре в Москве?

– Творчество каждого студента обсуждали на семинаре два-три раза в год. Я давал на обсуждение оригиналы стихов с подстрочниками. На этот семинар обязательно приглашали поэтов, писателей, владеющих татарским языком: Михаила Львова, Виля Ганиева, Ямиля Мустафина, других. Кто-то приезжал из Казани. Гарай Рахим в то время работал в Москве, в Союзе писателей России. Это был полноценный разбор, анализ стихов, серьезное обсуждение.

– А с чего началась Ваша политическая карьера?

– С библиотеки. Когда я начал работать в библиотеке (тогда еще она не была национальной, была Республиканская научная библиотека им.В.И.Ленина), у нас было более трех миллионов единиц фонда: книги, фолиантов, газет и т.п. И четверть всего этого богатства гнила в сырых подвалах. Нам просто позарез было необходимо дополнительное помещение. Я обращался в обком партии – реакции никакой. Мы с библиотекарями выходили на улицу с плакатами – тоже не было никакого эффекта.

Тогда мы решились на забастовку. Эта забастовка была уникальной: мы не перестали работать, но отказались от своей зарплаты. Библиотекари получали тогда очень маленькие деньги – самый нищий народ отказывался от заработной платы! Меня пригласили в Обком партии. Сказали: «Ну и что?! Не получаете и как хотите! Вам только и вред». К нам начали приезжать московские журналисты. Приезжал Любимов со своей передачей «Взгляд». «Московские новости» рассказали о нас на двенадцати языках. Приезжали журналисты из Италии, из Франции, из Англии. Весь мир о нас узнал. Получился большой резонанс, и меня пригласили уже к Первому секретарю обкома партии. Я потребовал, чтобы нам передали часть здания обкома комсомола, и мы его получили. Это улучшило наше положение, но не решило задачу до конца.

Тогда существовала организация «Народный фронт», и одним из ее активистов был Рашид Ахметов. Они предложили мне выдвинуться в депутаты. Уговорили коллектив библиотеки поддержать меня. Главной моей задачей было помочь библиотеке сохранить ее фонды, в которых имеются редчайшие рукописные книги, даже XIV века. Так я стал депутатом. Мне удалось получить еще одно помещение – здание бывшего детского сада, получили полностью все здание обкома комсомола.

Начав работать в Верховном Совете, я, конечно, участвовал и в создании Декларации о государственном суверенитете. Было представлено пять вариантов декларации, и один из них был наш с Дамиром Сиразиевым – депутатом и тогдашним главным режиссером театра им. К.Тинчурина. Несколько статей из нашего проекта вошло в окончательную Декларацию о государственном суверенитете. Потом Конституция, потом вопросы,

В Национальной библиотеке. Слева направо: Сююмбика Зиганшина, Ирек Хадиев, Разиль Валеев, Лилия Залаялова. 2015 год.

связанные со статусом в республике татарского языка, и так далее... Интересы культуры, образования. Я думаю, что после первого раза не буду больше баллотироваться, но оставались нерешенными множество проблем, и библиотека снова выдвинула мою кандидатуру. Не все проблемы, к сожалению, решены. Несмотря на многолетнюю борьбу, новое здание библиотеки до сих пор не построено. Обещали и обещали, но пока воз и ныне там. Обещают и сегодня. Будем надеяться.

– Разиль Исмагилович, хочу спросить Вас еще об одной важной для республики, для татарской литературы организации: Татарском ПЕН-центре, президентом которого Вы являетесь. Кому пришла в голову идея о его создании?

– Это была идея писателя Миргазизяна Юнуса. Он жил в Москве, объездил весь мир, все океаны – работал первым помощником капитана дальнего плавания, был человеком масштабного мышления, знал всю мировую литературу. Он предложил создать Татарский ПЕН-центр, чтобы татарская литература имела возможность выйти, так сказать, в «большой мир». Миргазизян Юнус хотел, чтобы мы вошли в Международный ПЕН-клуб, начали общаться с литераторами всего мира, ездить на форумы,

издавать татарскую литературу в переводе на иностранные языки. Туфан Миннуллин был сначала категорически против идеи создания новой организации, но потом, когда стало ясно, что ПЕН-центр никак не является оппозицией Союзу писателей, а, наоборот, дополняет его, согласился даже возглавить Татарский ПЕН-центр. И это важный момент: ПЕН-центр не конкурирует с Союзом писателей, у него совершенно другие задачи. Нас поддержали Амирхан Еники, Нурихан Фаттах и многие другие писатели. В 1996 году мы поехали на форум в Мексику, где участвовали 140 стран. Нашу кандидатуру поддержал Русский ПЕН-центр, а также эстонский и финский, и нас единогласно приняли в Международный ПЕН. С тех пор мы участвуем в его работе. Как минимум два издания в год у нас выходит на иностранных языках: в основном на английском, иногда и на турецком. Эти книги расходятся по всему миру. Мы каждый год участвуем в международных писательских форумах.

Еще одной из функций ПЕН-центра является защита писателей, попавших в трудные жизненные условия. Если необходимо, мы обращаемся в Прокуратуру, в другие государственные органы. К великому счастью, у нас в республике такие случаи редки. В целом же внутри республики у нас активно работает Союз писателей,

а мы больше ориентированы на международные связи.

– Вы являетесь членом Правления СП РТ. Как вы оцениваете работу Союза после съезда? Идет ли он прежним курсом или что-то изменилось?

– Особых изменений курса я пока не вижу. Наверное, еще рано оценивать: идет период становления нового Правления, нового руководства союза.

Мне кажется, что сегодня необходимо всем творческим союзам собираться вместе, объединяться, вести более масштабную работу. У нас очень много общих проблем. Проблема номер один – гонорары. Социальное положение творческих людей. Если каждый будет бороться не в одиночку, а семь-восемь творческих союзов начнут действовать сообща, я думаю, их услышат. Я неоднократно говорил об этом.

Союзу писателей необходимо установить также более тесные контакты с руководством республики, с теми госорганами, которые помогают решать наши проблемы: с Министерством культуры, Министерством образования, Аппаратом Президента, Кабинетом министров. Просто сидеть и ждать манны небесной бессмысленно. Если самим не работать, никто не придет и не принесет ничего на блюдечке с голубой каемочкой.

– А как в целом Вы оцениваете перспективы литературного процесса в республике?

– Я стараюсь быть оптимистом. Хотя все время оставаться оптимистом трудно. Читателей у нас все меньше и меньше. Пишущих все больше и больше. И даже те писатели, которые пишут на высоком профессиональном уровне, не получают достойного поощрения. Ни материального в виде гонораров, социаль-

ных благ, ни даже морального зачтению. Конечно, республика старается помогать. Вот мы добились повышения гонорарной ставки в Татарском книжном издательстве. И все равно это очень маленькие суммы. Наш союз писателей финансируется республикой – и это очень важно. Во многих других республиках ситуация гораздо хуже, чем у нас.

Но говорят: спрос порождает предложение. А мы отучили молодежь читать. Она ушла в Интернет, где очень много мусора. И бумажные книги, которые у нас выходят, далеко не всегда должного уровня. Наши лучшие писатели не имеют особого рвения писать, если понимают, что получают за это копейки. Они вынуждены работать где-то еще, а писать в свободное от работы время, урывками – литературное творчество уходит на второй план. Человек, измотанный на основной работе, непрерывно решающий бытовые проблемы, пишет все меньше и меньше. И все больше скатывается на любительский уровень. Постепенно наша литература становится самодельной. Это очень опасно. А те, у кого есть деньги, могут себе позволить издавать всякую белиберду. Так мы портим вкус читателя. Люди начинают думать, что, раз напечатано на хорошей бумаге таким тиражом, значит, такие и должны быть стихи.

– А Вы сами что читаете в последнее время?

– Вы знаете, чем старше я становлюсь, тем все с большим удовольствием читаю познавательную литературу, историческую, нон-фикшн.

– Поделитесь, пожалуйста, с нами Вашими творческими планами.

– Я никогда не пишу по плану. Планы у меня на работе. Каждое утро я встаю в пять-шесть часов и

составляю себе график: что я должен сегодня сделать. В Госсовете у нас есть планы на месяц, на квартал, на год. А что касается творчества, тут все складывается само. Коплю мысли, впечатления. Уже более 20 лет я веду дневник: записываю, что происходит в республике. У меня есть преимущество по сравнению с другими писателями: никто из них так долго не находился в самой гуще всех этих событий. Здесь всего в достатке: драмы, комедии, трагедии, фарса. Я думаю, что опишу это. Я уже начал писать.

– Роман?

– Не знаю, что это будет. Роман-хроника, трагифарс... Жанр пока не знаю. Но это только начало, всех секретов раскрывать не буду. Стихи я пишу редко, когда они сами просятся на бумагу. Мне кажется все-таки, что высокая поэзия больше свойственна молодости. Пишу пьесу. Завершить пока ее не хватает времени. Когда уходишь с головой в работу, потом тяжело настроиться на творчество. Наверное, сейчас у меня больше период накопительный. Кто только не приходит ко мне, и чего только не рассказывает – столько проблем, столько трагедий. Я каждый день встречаюсь с людьми, перед моими глазами столько судеб. Я, будучи депутатом, стараюсь помогать им. И, как писатель, понимаю, что это очень богатый, драгоценный жизненный материал. Сейчас меня больше тянет к прозе и драматургии.

– Разиль Исмагилович, позвольте от имени всей редакции и читателей журнала «Идель» поздравить Вас с юбилеем и пожелать здоровья, вдохновения, исполнения всех ваших творческих задумок. Мы будем ждать новых Ваших произведений и книг. ■

► Марат Сафаров

В ПЕРЕУЛКАХ БЛИЗ СРЕТЕНКИ

К 105-летию Абдурахмана Абсалямова

Запутанное ожерелье уютных московских переулков. Северная часть исторической Москвы. Московские улицы, щедро усыпанные снегом. Зима 2016-2017 наступила рано – еще в октябре. Теперь уже холод, мороз, сумрачные оттепели – на несколько месяцев до робкой весны. А какой была погода в городе 80-90 лет назад? Это можно узнать из старых метеосводок, из крупиц воспоминаний, из пожелтевших газет.

Неизбежен ход времени и смена поколений. Когда-то по московским улицам ходил-спешил татарский мальчик, юноша, начинающий литератор. Разные маршруты были у него, но один – основной, определивший жизнь. Старая Москва, еще даже не доведенная, а совсем неведомая, загадочная – 1920-х гг.

И сейчас стоит в Ащеуловом переулке примечательный дом №9 постройки 1904 года, спроектированный архитектором И.В. Михай-

Фото из архива автора и семьи Абсалямовых

Дом Асадуллаева, где писатель учился в школе. Ныне – Центр Татарской культуры г. Москвы.

Дом в Ащеуловом переулке, где жила семья Абсаямовых.

ловским на основе здания XVIII века. До революции дом являлся доходным, а впоследствии был разделен на коммунальные квартиры. Здесь жила семья Абсаямовых – недавних выходцев из деревни Старое Аллагулово Пензенской губернии.

От многолюдной Сретенки до восточных кварталов Замоскворечья и сейчас не близка дорога, а в старой Москве надо было на извозчике или трамвае пересечь весь центр города; по мосту перебраться в еще сохранявшие купеческий уклад Пятницкую, Новокузнецкую, Большую Татарскую. Сколько времени уходило на этот каждодневный путь из дома до классов Дома Асадуллаева? Так прошло детство Абдурахмана Абсаямова. И хотя ровно 105 лет назад будущий классик татарской литературы родился в небольшой мишарской деревне, истоки его большой литературной судьбы скрыты в московских домах и переулках.

Цитата из повести его современника Амирхана Еники «Вождан» («Совесть», 1968): «...все специалисты по каракулю были мишарями, специально приглашенные из окрестностей Москвы и Ленинграда... Маматов, Байтираков, Ишмаметов, Ширинский – фамилии, которые уже подсознательно вызывают уважение».

Это мир, где прошло детство Абдурахмана Абсаямова, и все перечисленные фамилии ему были известны и близки.

Жили татарские меховщики в разных частях города. Сафа Абсаямов – близ Сретенки. Нури Ширинский – в Новоалексеевском, неподалеку от Ростокинского комбината. Фатих Акбулатов – в 1-м Басманном переулке. Однако они часто встречались и после работы, общались и их семьи.

Совсем недавно показывал я зрителям вечера в библиотеке Дома Асадуллаева ветхую групповую фотографию начала 30-х гг.,

где в разных углах снимка запечатлены отец будущего писателя Сафа Умерович Абсаямов и мой прадед Нури Ширинский – опытные московские меховщики с богатым дореволюционным опытом, пытавшиеся выжить в новые шумные времена.

Фото не идиллическое, а страшное. В центре его одна из фигур обезглавлена: из прочного картона старательно вырезана голова человека, предавшего в 1937 году своих товарищей по Ростокинскому меховому комбинату. Вырезал сын одного из репрессированных, вот таким образом пытавшийся заглушить горечь потери...

И Нури Ширинский, и Сафа Абсаямов, и Акбулатов, Сакаев, Ишмаметов, Байков – земляки, друзья, честные люди, для них и их семей рубежом жизни стал 1937 год.

Но были и другие московские воспоминания, согревавшие всю жизнь писателя. Детство, учителя, которых Абдурахман Абсаямов

Московские меховщики. Сафа Абсалямов – крайний справа во втором ряду. Начало 30-х гг. XX века.

помнил и которым посвятил свой прозрачный, лиричный роман «Зеленый берег».

Именно в татарской общине Москвы 1920-х-1930-х гг., в исторических стенах Дома Асадуллаева Абдурахман Абсалямов сформировался как литератор. На его глазах складывалась татарская советская культура. В 1923-1929 гг. Абсалямов учился в татарской школе им. Нариманова в доме Асадуллаева, где директором была первая женщина-математик из татар, выпускница Сорбонны Сара Шакулова.

Последних свидетелей татарской Москвы этой эпохи удалось застать. Как известно, Абсалямов посещал молодежный литературный кружок при татарской библиотеке в Доме Асадуллаева, которым руководил Муса Джалиль. Участница этого литературного кружка, легендарный мемуарист Рауза Кастрова (1911-2012) вспоминала об особой неформальной и творческой атмосфере, которую создавал

Муса Джалиль, о его стремлении обучить начинающих авторов богатству татарского литературного языка, ведь большинство из них составляли мишари или касимовские татары. В этом кружке занимался и земляк Абсалямова, уроженец татарской деревни Усть-Рахмановка Пензенской губернии – поэт Ахмет Симаев (1915-1944). Как известно, Ахмет Симаев в годы войны станет соратником Джалиля по антифашистской деятельности и будет казнен с ним в Берлине в один день – 25 августа 1944 года.

Из воспоминаний Абдурахмана Абсалямова:

«Мы были молоды и чуть-чуть наивны. Нам всем хотелось писать стихи и обязательно, как Такташ. Он был уроженцем наших мест, и мы им гордились. Мы говорили на своем, мишарском диалекте, отличающемся от казанского говора и, конечно, от литературного татарского языка. Такташ же писал почти «по-нашему», и это, как

нам казалось, получалось здорово. По своей наивности мы не думали, что большой и талантливый поэт очень умело использовал диалект, не нарушая литературные нормы. Мы от души повторяли отдельные свои мишарские слова и не отдавали себе отчета, что для настоящей поэзии мало простого умения удачно рифмовать слова. К нашей счастью, руководитель нашего

Легендарная Магинур Файзуллина – учительница юного Абдурахмана.

Музыкальный кружок в татарской школе им. Нариманова. Абсалямов – первый слева. 1920-е гг.

кружка поэт Муса Джалиль был очень внимательным к настоящим писателям и много сил тратил на наше воспитание...»

И Литературный институт, где первым татарским студентом стал именно Абдурахман Абсалямов, и долгий фронт, и его послевоенные казанские десятилетия, наполненные литературной славой и народной любовью, и переполненные залы по всему Татарстану, где демонстрировался сериал, снятый по роману «Белые цветы». И все это часть нашей культуры, как и замечательная документальная книга Альбины Абсалямовой «Никогда не угаснет. История жизни и творчества писателя Абдурахмана Абсалямова, рассказанная его внучкой», наполненная бережно собранными воспоминаниями, редкими фото, опубликованная несколько лет тому назад в Казани и ставшая одной из моих настольных книг.

Для меня литературный мир Абдурахмана Абсалямова особый.

Его герои, сюжеты, тонкие мудрые диалоги, имя, знакомое мне и вне литературной истории, в теплых семейных преданиях. 5 лет назад, в декабре 2011 года, в стенах библиотеки Дома Асадуллаева в Замоскворечье все сложилось воедино – отмечалось 100-летие Абдурах-

мана Абсалямова. Началась новая дружба, новые вдохновения и темы. В этом году довелось побывать в казанском кабинете Абсалямова, увидеть стол, за которым родились романы-символы татарской литературы. Но это уже другой сюжет. ▀

Абдулла Гумеров, Абдурахман Абсалямов, Сибгат Хаким. Начало 30-х гг. XX века.

► Рустам Тухватуллин

Творец ХИСАМ и муза РОЗА

1 ноября умер Хисам Камал – последний из Татарстана писатель-участник Великой Отечественной войны, лауреат Тукаевской премии, Народный писатель Татарстана. А через двадцать дней умерла его жена и муза – Роза апа, всю жизнь ухаживавшая за мужем – инвалидом войны. В последние годы Хисам Камал был прикован к постели, почти никого не принимал, так как не хотел, чтобы его видели прикованным к постели. Мне все-таки посчастливилось несколько раз побывать у них, и мне рассказали историю жизни Хисама Камала – очень интересную и трудную.

В архиве моего отца – известного татарского писателя-фронтовика Рафаила Тухватуллина – особое место занимает переписка с писателями-фронтовиками: Махмутом Хусаином, Саматом Шакиром, Хисамом Камалом. Это поколение писателей, узнавших тяготы и ужасы войны в юном (18-19 лет) возрасте. Они рано повзрослели, в боях получили тяжелые ранения, а Хисам Камал и Рафаил Тухватуллин стали инвалидами войны. Они оба воевали в артиллерии связистами, и оба свой последний бой приняли при освобождении Прибалтики, оба лежали в госпитале в Латвии.

Прочитав в архиве отца удивительно добрые письма Хисама Камала Рафаилу Тухватуллину, я захотел больше узнать о первом. Ведь он, будучи инвалидом войны, стал

Народным писателем Татарстана, лауреатом Тукаевской премии, а о нем мало что известно. Узнав через Союз писателей его адрес и телефон, я позвонил и представился сыном Рафаила Тухватуллина. Трубку взяла Роза апа – жена Хисама абый. Она сказала, что Хисам абый прикован к постели, состояние у него тяжелое. Я спросил, не мог бы Хисам абый рассказать о дружбе с моим папой. Роза апа передала трубку Хисаму абый, и он согласился рассказать, а Роза апа согласилась записать его воспоминания. Через месяц я заехал к ним домой. Дверь открыла Роза апа – невысокая старушка с тихим добрым голосом. Роза апа уже не может выходить на улицу, у нее повреждена спина, но она по-прежнему продолжает ухаживать за своим лежачим мужем. Хисам абый при-

ветливо разговаривал со мной. И все время разглядывал меня, и его глаза и кончики губ светились доброй улыбкой. Я понял, что он разглядывает во мне черты Рафаила Тухватуллина. Они разрешили мне сфотографировать их. Я им рассказал про нашу семью, о последних годах жизни папы, показал фотографии, в том числе и фотографию 1956 года, на которой изображены молодые Хисам Камал, Рафаил Тухватуллин, Гумар Баширов. Также я показал газеты «Альмет таннары» и «Знамя Труда» с недавно опубликованными рассказами папы. Вдруг Роза апа из соседней комнаты вынесла стопку книг Хисама Камала и сказала, что они дарят эти книги мне. Я был поражен, ведь писателям трудно подарить даже одну свою книгу, а тут они дарят мне 15 книг, ведь они видят меня впервые в жизни. И Хисам абый дрожащей рукой поставил на книге автограф. Потом на кухне Роза апа сказала, что Хисам слишком скромный человек. В свое время Гариф Ахунов сказал: «Хисам, давай я напишу про тебя». Но Хисам абый не разрешил. Роза апа думала, что он сам собирается

написать о себе. Не написал. И Роза апа рассказала мне историю жизни его деда, отца и самого Хисама Камала. Она, прожившая с ним 54 непростых года, стойко переносившая все тяготы жизни, переживает, что из-за излишней скромности Хисама Камала читатели мало знают о нем – Народном писателе Татарстана.

Ниже я вкратце попробую изложить то, о чем поведала мне на кухне Роза апа...

Дед Хисама Камала, который жил в Кам-Исмагилово, был отцом пятерых детей, пошел в услужение к русскому барину, поместье которого находилось в деревне Микулин Бугульминского уезда. Отец Хисама Камала Нуретдин помнил, как жена барина при первой встрече вынесла им на тарелке куски хлеба на угощение. Дед работал у барина кучером. Барин был земским начальником, у него было большое хозяйство, много лошадей, коров, свиней, домашней птицы, и барин доверил Нуретдину вести хозяйство. В подвалах усадьбы было организовано производство мороженого. Сам барин уезжал в поездам, часто играл в карты, порой выигрывал тройки лошадей.

Нуретдин, будущий отец Хисама Камала, подружился с сыном барина, они вместе играли. Когда пришло время отдавать сына барина в школу, тот заявил, что без своего друга Нуретдина он не пойдет учиться. Так они и учились вместе в церковно-приходской школе. Обучение было на русском языке, потому-то Нуретдин хорошо выучил русский язык.

Когда сестры Нуретдина выросли, дед снова переехал в Кам-Исмагилово и выдал их там замуж. Барин хорошо заплатил деду за добросовестную работу, дал ему трех коров, лошадь. Когда в деревню приезжали гости, в качестве переводчика звали Нуретдина, ведь он хорошо разговаривал и писал по-русски. Когда Нуретдин вырос, его забрали в царскую армию. Он служил под Киевом, сначала кавалеристом, а после прибавки в весе его перевели в артиллерию. Во время службы видел царя Николая II.

Нуретдин участвовал в Первой мировой войне, получил Георгиевский крест за то, что в бою смог меткой стрельбой уничтожить много солдат противника. Перед революцией после одиннадцати лет службы

Из-за излишней скромности Хисама Камала читатели мало знают о нем – Народном писателе Татарстана.

Конференция молодых писателей СССР. Сидят, слева направо: Р. Тухватуллин, Г. Баширов, Х. Госман, Р. Шайхетдинов. Стоят: Х. Камал, Ш. Хусаинов, Ю. Малевинский. Москва, январь 1956 г.

он был демобилизован и вернулся в Кам-Исмагилово, женился. Родились пятеро детей. Жили они в небольшом каменном доме с двумя окнами, построенном его отцом.

В 1926 году родился сын Хисам. Когда началась коллективизация, Нуретдин долго не вступал в колхоз, летом занимался изготовлением колес для телег, а также самих телег и саней для лошадей. У него были простые самодельные станки для обработки дерева и даже своего рода токарный станок для обточки ступиц колес, в котором вращательное движение деревянной заготовки придавалось навитым на заготовку кожаными ремнями. При нажатии ногой на педаль ремень передвигался вниз и вращал заготовку в одну сторону, а при отпуске педали ремень двигался вверх за счет пружины из длинной деревянной жерди, и заготовка вращалась в другую сторону. Зимой он плел лапти, а также торбы для посева

зерна. Но прокормить многочисленную семью было очень трудно.

Детство в 30-е годы было тяжелым. Когда Нуретдина забрали на железную дорогу работать кочегаром, маленькому Хисаму приходилось даже ходить по окрестным деревням и просить милостыню. Весной, когда снег на холмах таял и стекал вниз сплошным потоком, перекрывая дорогу, взрослые перекидывали маленького Хисама через ледяной поток, чтобы мальчик мог идти собирать милостыню, не промокнув. Когда Хисам подрос, он начал работать в колхозе конюхом. С началом войны по разнарядке был направлен в лес на заготовку дров для паровозов, где и подорвал здоровье: мороз, а теплой одежды нет, на ногах лапти.

В 1943-м году семнадцатилетнего Хисама забрали в армию. Воевал Хисам в артиллерии связистом. В первых же боях он получил ранение в ногу. После лечения в госпитале

он снова попал на фронт. В боях за освобождение Прибалтики вновь был тяжело ранен в другую ногу. В госпитале в Латвии ему ампутировали ногу. Через некоторое время началась гангрена, ему еще раз оперировали ногу. Вновь началась гангрена, в третий раз ногу отрезали. Рана долго не заживала, туда затапливали бинты. Чтобы облегчить боли, Хисаму кололи морфий. Но, чтобы не было привыкания, через некоторое время прекратили. Не в силах терпеть боль, Хисам требовал морфия. Тогда русская восемнадцатилетняя медсестра по имени Ася заворачивала его, своего ровесника в одею, выносила во двор госпиталя и укладывала в телегу с сеном. На свежем воздухе Хисам успокаивался...

Когда рана подзажила, его отправили в Казанский госпиталь долечиваться. В Казани он окончил курсы бухгалтеров. К этому времени война уже кончилась. Постоянно находиться в госпитале было нельзя. Велели ехать в Бугульму и поступать в педучилище, там один раз в день кормят (возвращаться домой лишним ртом в то голодное время Хисам не хотел). До Бугульмы безногий, но сильный духом человек добрался самостоятельно и жил и учился там четыре года. Затем вернулся в Казань и стал студентом педагогического института, в то время и начал писать стихи.

Во время учебы в институте активно посещал литературный кружок при редакции газеты «Молодой сталинец» (ныне газета «Молодежь Татарстана»). Его первые стихи напечатаны на страницах этой газеты. Потом он начал печататься в журнале «Казань утлары» и в других периодических изданиях. А в 1955 увидела свет первая книга молодого поэта «Снова в строю». На следующий год вышел сборник стихов «Вишневая гора».

Ильдар Юзеев, будущий Народный поэт Татарстана, так вспоминал об этих годах и о Хисаме Камале:

«Почему-то он сторонился общения с людьми. Мы, пришедшие в институт со школьной скамьи, шумим, смеемся, а он сидит, читает книгу, обхватив голову руками. О его сложной биографии, тяжелых годах мы узнали позже... Но он не рассказывал об этом. Если даже очень попросишь, он только отмахивался: «Ну о чем там рассказывать?» – и продолжал идти, склонив вниз голову. И однажды рассказал. И не только нам, но и всем своим читателям, рассказал стихами».

На юнорары от своих первых книг Хисам решил построить деревянный дом для родителей, братьев и сестер в Кам-Исмаилово. Вместе с отцом Нуретдином Хисам, сидя на земле, пилил двуручной пилой лес. Первую партию из тридцати бревен у них украли. После этого они стали охранять по ночам заготовленные бревна. Саиди абый, младший брат Хисама Камала, вспоминает, как было страшно оставаться одному ночью в темном лесу, как он зарывался в кучу из веток и листьев... Дом этот до сих пор сохранился, там сейчас живет сестра Хисама Камала. А старый каменный домик в два окна, построенный еще дедом Хисама Камала, служит клетью.

Роза апа Камалова:

«Я окончила исторический факультет Казанского педагогического института в 1952 году. Хисам в этом же институте окончил факультет татарского языка и литературы. Хисам учился в одной группе с моей сестрой Резедой и Ильдаром Юзеевым. И после окончания института Хисам вместе с Ильдаром продолжали приходить к нам. Так мы и начали встречаться. А в январе 1959 года поженились. Вот уже 54 года живем вместе. Вырастили двух сыновей. Старший Зуфар окончил КАИ, его двое сыновей тоже окончили КАИ. Младший наш сын Айдар окончил радио-физический факультет КГУ, его дочка, окончив Московский институт, уехала в Америку и там вышла замуж. Сейчас растит двух детей и продолжает учебу в Америке».

После окончания института Хисам Камалов начинает работать в издательстве «Таткнигоиздат». Ему пришлось много жить на съемных квартирах, порой он оставался ночевать в ка-

бинете на работе. Через несколько лет ему дали комнату в двухкомнатной квартире по улице Островского, это было удобно, так как работал он в Таткнигоиздате, который находился тогда на Баумана. Вторую комнату в этой двухкомнатной квартире дали Ильдару Юзееву. К ним часто в гости приходили друзья – Гариф Ахунов, Рафаил Тухватуллин и другие. В Таткнигоиздате Хисам Камал работал тринадцать лет, издал первые книги многих молодых писателей и поэтов: Альберта Хасанова, Айдара Халима, Фаила Шафиуллина, Роберта Батуллы.

Когда в семидесятые годы начали строить КамАЗ, Хисам Камал поспешил туда. Там он знакомился с людьми, с руководителями, со стройкой. Он, в отличие от некоторых, не требовал себе машину, а опираясь на свои костыли, исходил вдоль и поперек шантскую стройку. Свои впечатления он отразил в поэме «Улыбки судьбы» и в сборнике стихов, посвященных судьбам строителей «КамАЗ»а, их чувствам и мыслям, горестям и радостям.

Всего за творческую жизнь Хисама Камала было издано много книг. Он стойко перенес все жизненные тяготы, добился больших творческих высот. И всегда рядом с ним была его любящая, заботливая жена, его муза – Роза. Когда я шел к ним в гости, то ожидал чувства сострадания, жалости. Но когда уходил, меня переполняло чувство душевной теплоты, которым я напитался от супругов, а также восхищения этими сильными, красивыми и очень скромными людьми. И еще я почувствовал, как они уважают моего отца – Рафаила Тухватуллина как писателя и как человека. ■

► Альбина Абсалямова

ТЕХОСМОТР для «вечного двигателя»

Рубрика, посвященная актуальным вопросам современной медицины, пользуется у наших читателей большой популярностью. Всех без исключения волнуют вопросы: как дольше оставаться здоровым и полным жизненных сил, как перейти от активной молодости к активному долголетию? Эти вопросы мы задали кандидату медицинских наук, кардиохирургу МКДЦ Мурату МУХАРЯМОВУ.

...Мне близка такая параллель: сердце можно сравнить со спортивной машиной. Как и в автомобиле, в сердце есть двигатель – сама сердечная мышца, так называемый миокард; есть клапаны; электронная система управления, то есть проводящие пути, которые регулируют ритм сердца, а также топливная система, снабжающая автомобиль бензином. Это так называемые коронарные сосуды, по которым кровь попадает в сердце, ведь ему самому, чтобы пе-

регонять кровь, энергии нужно очень много.

Сердце и головной мозг нуждаются в большом количестве кислорода и питательных веществ каждую секунду нашей жизни. Это самые чувствительные к нехватке кислорода органы. Если сердцу перестает хватать кислорода, разовьется инфаркт, если головному мозгу – инсульт. Поэтому очень важно, чтобы все системы в нашем «автомобиле» работали слаженно, ведь даже небольшие по-

ломки могут привести к катастрофе.

Сердце здорового человека ежеминутно сокращается от 60 до 100 раз. Это тонкий саморегулирующийся процесс, и очень часто человек со здоровым сердцем доживает до самого преклонного возраста. Но случается и так, что в этой «машине» ломаются детали. И сегодня мы находимся в своеобразном автосервисе, в котором машину можно починить.

В МКДЦ есть специалисты любого профиля, которые могут вернуть

в норму электронику, починить топливную систему, привести в порядок систему клапанов, наладить работу двигателя. Патологии сердца, мозга, крупных головных сосудов можно полностью охватить всеми необходимыми медицинскими мероприятиями, как диагностическими, так и лечебными, как консервативными, так и хирургическими.

Всем известно, что автомобиль должен проходить ежегодный техосмотр в специальном сервисе, в противном случае машина снимается с гарантии. В здравоохранении такого нет: с гарантии вас никто не снимет, лечить будут всегда, независимо от того, насколько внимательно пациент следил за своим здоровьем, но среди тех, кто этого не делал, риски заболеваний гораздо выше.

Задумайтесь: мы бережем наши автомобили, сдуваем с них пылинки, но часто забываем следить за собственным организмом, хотя именно он – самая дорогая и совершенная машина, которая у нас есть.

Случаются драматические варианты развития жизненного сценарий, когда человек внезапно сталкивается с заболеванием, о котором даже не подозревал. Оно угрожает его жизни в считанные часы или даже минуты. Как правило, внезапные заболевания связаны с патологией сердца или сосудов: очень быстро может развиваться инфаркт, расслоение аорты, тромбоэмболия легочной артерии, острое нарушение мозгового кровообращения. Все эти состояния могут погубить человека буквально на месте, прервать его жизнь на фоне относительного благополучия, когда он не успевает не то что попасть в больницу, а даже вызвать скорую помощь...

**За 10 лет в МКДЦ
ВЫПОЛНЕНО**

42 746

операций, из них

57% –

ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНЫЕ

15 092 –

операции на сердце

5 650 –

аорто-коронарное

шунтирование сосудов

сердца

3 390 –

замена клапанов сердца

5 127 –

стентирование сосудов

сердца

Современная медицина способна выявить предпосылки всех этих и многих других болезней, но для этого человек должен попасть к врачам. Для того чтобы застраховаться от внезапных поломок, от того, чтобы на трассе «не стукнул движок», нужно периодически мониторить и работу «двигателя» человека. В этом и есть основная идея клинической и профилактической медицины. Да, в нашем центре ежедневно, в режиме 24/7, спасается большое количество пациентов. Но до ситуации, когда требуется срочное вмешательство, лучше все-таки не доводить...

Я рад, что с каждым днем все больше людей понимают: гораздо дешевле вовремя обратиться к врачу, чем после расхлебывать последствия. Все больше людей стремятся сохранить активный образ жизни на максимально длительное время, чтобы человек, несмотря на возраст, мог заниматься спортом, оставаться работоспособным, полным сил, ведь все это в конечном счете определяет качество жизни. Достаточно посмотреть на набережную Казанки, где мы видим людей, которые занимаются бегом, катаются на велосипеде, гуляют с детьми. Уровень заботы о здоровье растет. Мы наблюдаем все меньше курящих, тех, кто не следит за своим питанием. И с каждым днем эта тенденция будет только усиливаться.

Да, пока мы не наблюдаем данных относительно серьезного снижения заболеваемости сердечно-сосудистыми заболеваниями или нервной системы в связи с изменением образа жизни. Прошло еще не так много времени с момента качественного скачка в уровне самосознания об-

щества, однако смертность от сердечно-сосудистых заболеваний постепенно идет на спад. 2015 год в Республике Татарстан был посвящен борьбе с сердечно-сосудистыми заболеваниями, много лет работает федеральная программа – национальный проект «Здоровье», по которому государство уделяет большое внимание высокотехнологичной медицине – той, которой мы сейчас занимаемся. Таким образом, тяжелые осложнения нам удалось если не победить, то хотя бы взять под контроль. Уверен: не далек и тот год, когда наша статистика зафиксирует снижение заболеваемости, то, что сейчас происходит в западных странах, ведь там обратили внимание на эту проблему значительно раньше.

Чем благополучнее живет человек, тем более активный и здоровый образ жизни он ведет. Но тут возникает вопрос: что первично, а что вторично, может быть, он и стал благополучным потому, что начал заботиться о своем здоровье, задумался, кто он, как живет, как долго он планирует жить. Социальный статус ведет к здоровью или наоборот? Философский вопрос...

В работе хирурга уникален каждый случай. Приведу недавний пример: мужчина сорока пяти лет, двое детей, тяжелая нервная работа. Много стрессов, он часто употребляет алкоголь, курит, нервничает, питается чем и где попало, и вот результат – острая боль в грудной клетке. Он падает прямо на улице, практически теряет сознание, прохожие вызывают скорую, она привозит его к нам. В первые же минуты после поступления появляется подозрение на расслоение аорты, которое очень быстро подтверждается при помощи имеющихся у нас современных инструментов

диагностики – это и компьютерная томография, и ультразвуковые исследования, и лабораторные тесты. Выясняется, что аорта – наш самый крупный сосуд, который выходит из сердца, как ствол дерева, и дальше делится на ветви, которые несут кровь во все наши органы, конечности, в мозг, расслоился, как капустный лист. Причины озвучены выше: повышенное давление, неправильное питание, вредные привычки. Аорта – самый большой сосуд, и этот пример показательный, но то же самое может произойти и с другими сосудами. Как быть? Не делать операцию нельзя, сосуд может разорваться, разовьется массивное внутреннее кровотечение, и, к сожалению, тогда медицина будет бессильна. Но если человека успевают доставить в медицинское учреждение, он берется на операционный стол, выполняется сложная операция – протезирование аорты, сосуд меняется на искусственный, синтетический. Поскольку этот сосуд основной и по нему кровь идет во все органы и системы, нужно подключить очень сложное оборудование, которое будет работать вместо сердца и легких, нужно полностью остановить сердце, осушить его от крови для того, чтобы выполнить операцию и заменить аорту.

Результаты лечения артерий, заболеваний клапанов сердца в МКДЦ сегодня соответствуют таковым в Западной Европе, США, Канаде, Японии. Мы работаем по

международным стандартам. Но этой операции можно было бы избежать! Достаточно было вовремя задуматься о состоянии своего здоровья, обратиться к специалисту, начать контролировать артериальное давление, уровень сахара и липидов (жиров) в крови, убрать факторы риска, модифицировать диету, начать прием соответствующих препаратов. Если вовремя осуществить все это, осложнений удастся избежать. Техосмотр позволяет предотвратить поломки вовремя.

Да, люди часто очень заняты, они откладывают «на потом» визит к врачу, мол, сегодня у меня важное совещание, завтра – командировка... «А послезавтра – операция», – так мне хочется ответить.

Если вовремя не пройти техосмотр, это совещание станет последним. Важно правильно расставить приоритеты. Очевидно, что наше здоровье зависит от нас. Что может быть важнее? Тем более каких-то титанических усилий для того, чтобы изменить прогноз на свою собственную жизнь, не надо. Надо просто подняться, прийти к специалисту, последовать его рекомендациям и их придерживаться. Это многократно снизит риск, а времени займет очень немного.

Приведу еще один пример. Молодой мужчина тридцати лет, закрученный в своей работе, тоже отец двоих прекрасных детей, не обращал внимания на то, что периодически у него возникает слабость, одышка. Все это он списывал

Для того чтобы застраховаться от внезапных поломок, от того, чтобы на трассе «не стукнул движок», нужно периодически мониторить и работу «двигателя» человека.

Люди часто очень заняты, они откладывают «на потом» визит к врачу, мол, сегодня у меня важное совещание, завтра – командировка... «А послезавтра – операция», – так мне хочется ответить.

на усталость и продолжал активно работать. Потом он попал в автомобильную аварию, в которой, к счастью, сильно не пострадал, но вскоре заметил, что одышка стала еще сильнее, то есть авария спровоцировала более агрессивное течение заболевания – кардиомиопатии. Когда он был доставлен в МКДЦ, его сердце сокращалось наверное на треть от своих возможностей. Этого не хватало для нормальной жизни. Когда мы взвесили все данные, которые получили после диагностического обследования, с сожалением были вынуждены констатировать, что прогноз крайне неблагоприятный, то есть совсем скоро он может умереть.

Самое лучшее решение, которое может радикально изменить течение ситуации у таких пациентов, – это трансплантация сердца. Но осуществить это непросто, ведь надо дождаться, когда появится донор, орган которого подойдет конкретно этому человеку. У нашего пациента ситуация была настолько тяжелой, что мы боялись, что он может не дожить до операции по трансплантации, поэтому решили на то, чтобы имплантировать ему специальное устройство, которое будет работать вместо сердца. Оно имплантируется внутрь грудной клетки и только тоненький проводочек связывает его с батареей, которая находится снаружи. Эту батарею пациент постоян-

но носит с собой – как, например, небольшой ноутбук. Операция эта достаточно тяжелая, оборудование сложное, но она позволила человеку прожить год с этим «пламенным мотором» внутри грудной клетки. Да, он вынужден был везде ходить с этой сумочкой, но это гораздо лучше, чем вообще никуда не ходить! А через год в плановом порядке ему была выполнена трансплантация, и сейчас он уже без сумочки, а с новым донорским сердцем ходит, хорошо себя чувствует, вернулся к полноценной жизни.

Такого, что заболевание случается исключительно на ровном месте, не может быть. Да, это неожиданность для человека, но на самом деле причины, которые к этому привели, могут быть выявлены заблаговременно. Сегодня уровень развития технологий таков, что мы можем детально изучить происходящие в организме процессы и оказать на них воздействие, чтобы избежать катастрофы. В МКДЦ для этого все возможности сегодня есть. ■

► Эльвира Еникеева

УВЛЕЧЕННАЯ МОЛОДЕЖЬ НА ФОРУМЕ «ОТКРЫТИЕ ТАЛАНТОВ»

ФОРУМ «ОТКРЫТИЕ ТАЛАНТОВ» – это площадка для экспертизы, анализа решений и подходов в сфере развития человеческого капитала и управления талантами в Республике Татарстан и Российской Федерации. Главная тема 2016 года: «Люди. Идеи. Решения – с наивысшим потенциалом!». В этом году Форум проходил с 15 по 16 декабря в стенах Германо-российского института новых технологий (ГРИНТ).

Для молодежи этот Форум стал отличным шансом представить собственные проекты, услышать экспертное мнение, а также провести работу над ошибками и получить обратную связь от аудитории.

МАРИНА МИЩЕНКО, ученица 7 класса школы №25 (г. Набережные Челны):

«Этот Форум необыкновенный, он создает такие площадки, на которых ты полностью раскрываешься, прорабатываешь свои «харды» и «софты», то есть узнаешь о тех возможностях, о которых даже не догадываешься. Этот Форум помогает нам выйти на нужный путь

и определиться с целью. На Хака-тоне мы отработывали работу в командах, способы понимания друг друга и донесения своих идей друг-другу».

В рамках Форума прошли различные дискуссионные площадки и специализированные мероприятия. Важным событием стала дизайн-сессия, направленная на «упаковку» проектных решений талантливой молодежи и наставников, их подготовку к представлению на публичной экспертизе, а также защите на финале конкурсов и олимпиад государственной программы «Стратегическое управле-

сначала расширять до Поволжья, затем до российского масштаба. Это отличная площадка для нетворкинга, возможность для молодежи продвигать свои проекты. Я действительно рад победе, и мы с командой не будем останавливаться на достигнутом. В дальнейшем мы планируем создавать предприятие: зарегистрировать его юридически, подавать документы на патент. Наш проект будет развиваться».

ние талантами в РТ на 2015-2020 годы».

Важной частью Форума стало оглашение результатов Республиканской премии в области развития талантов «Открытие талантов» и финала Республиканского конкурса «Чемпионат научных состязаний». В ходе торжественной церемонии награждения были объявлены и награждены победители и призеры.

ВАЛЕРИЙ АКИМОВ, автор проекта Flexupod join, победитель в номинации «Прорыв года» в инженерно-техническом направлении:

«У моего партнера и наставника Айруса Рохана остеохондроз. И он придумал, как же ему увеличить свои возможности с помощью гаджета: решением стало устройство – флексипод. Это держатель, который крепится и на тело и на любую другую поверхность и расслабляет шею, не напрягает спину и руки. С помощью флексипода можно общаться в скайпе, в перископе, смотреть фильмы, снимать свои блоги, не испытывая затруднений. В будущем мы планируем выходить на международный рынок, продать за следующие 2 года более 5 миллионов экземпляров».

ДАНИЛ ВАРАКСИН, автор проекта «Easy motion», победитель Конкурса «Чемпионат научных состязаний»:

«Мы с командой работали три месяца после Молодежной школы талантов, это был нелегкий труд. Мы приходили к новым решениям с помощью экспертов, за что хочется сказать им большое спасибо. Вообще спасибо за Форум в целом – это отличная площадка для развития. Такие организации, как Университет Талантов, очень помогают раскрыть себя. Я думаю, стоит его масштабировать».

РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ФОРУМ «ОТКРЫТИЕ ТАЛАНТОВ»

– это не просто классический Форум, это интеллектуальное событие, позволяющее объединить всех представителей талантливой молодежи, наставников, экспертов, представителей компаний и предприятий Татарстана для того, чтобы обеспечить успешное сегодня и надежное завтра. ▀

► Елена Хадеева

О ЧЕМ РАССКАЗЫВАЮТ АВТОГРАФЫ

Краткий экскурс по Книге почетных гостей Казанской консерватории

Любой музей в любой стране мира дорожит имеющимися у него подлинными документами. Это не только предметы интерьера или одежды, но и дарственные надписи на книгах от их авторов, программки концертов с автографами исполнителей, страницы рукописей, письма.

Великая Благодарность
дому семье!

Казанской консерватории
восторженно,

С. Убашидзе

В автографах всегда есть ни с чем не сравнимая подлинность. Так, в скромной обстановке Царскосельского лица особенно трогательно воспринимаются исписанные рукою Пушкина, Кюхельбекера, Пущина листки рукописной газеты с веселыми рисунками и карикатурами. В музее-квартире Римского-Корсакова в Петербурге или в клинском доме П.И. Чайковского поражает огромное количество дарственных надписей на книгах, нотах и памятных поздравительных лентах, снятых с лавровых венков, преподнесенных авторам их почитателями. Вчитываясь в написанные в разные годы разными людьми строки, невольно восстанавливаешь связь времен, ощущаешь и

свою сопричастность событиям далекого прошлого. Памятные записи сообщают немало интересного и о самом человеке: его характере, настроении, отношении к тому, кому адресована надпись. Интересны и сами подписи, их графика: ровность или порывистость, убористость или широта.

Сегодня отзывы, как правило, пишут в интернете. За ровными буквами светящегося экрана невозможно разглядеть человека: под масками совершенно разных «аватарок» может скрываться один и тот же автор, ведущий диалог с самим собой и выполняющий специальное задание. Совсем иное впечатление рождается, когда, листая книгу отзывов, стараешься воссоздать реальную картину происшедшего.

Есть Книга почетных гостей и в Казанской государственной консерватории. Это по-своему уникальное собрание автографов выдающихся людей, которые так или иначе оказались связаны с жизнью и деятельностью вуза. Начало записей датировано 8 июня 1996 года. На первой странице книги – пространная запись первого президента России Б.Н.Ельцина. Он присутствовал на церемонии открытия Большого, тогда еще консерваторского концертного зала в крайне напряженный период своей жизни: 16 июня 1996 года были назначены выборы президента России, и это были единственные выборы в новейшей истории, когда для определения победителя потребовался второй тур. Текст президентской записи простой и восторженный: «Как президент России, как строитель по специальности, как зритель и слушатель скажу – ЭТО ПРЕКРАСНО!!! <...> Спасибо за чувство возвышенного после увиденного и услышанного!»

8 июня 1996г.

Как Президент России,
как строитель по специальности
как зритель и слушатель скажу

ЭТО ПРЕКРАСНО!!!

Низкий поклон всем, кто хоть
как-то участвовал в создании
этого храма искусств!

Пожелания всем будущим
мастерам, кто будет насцене-удачи.

С праздником культура

Татарстана!

Спасибо за чувства возвышающего
посла, увиденного и услышанного!

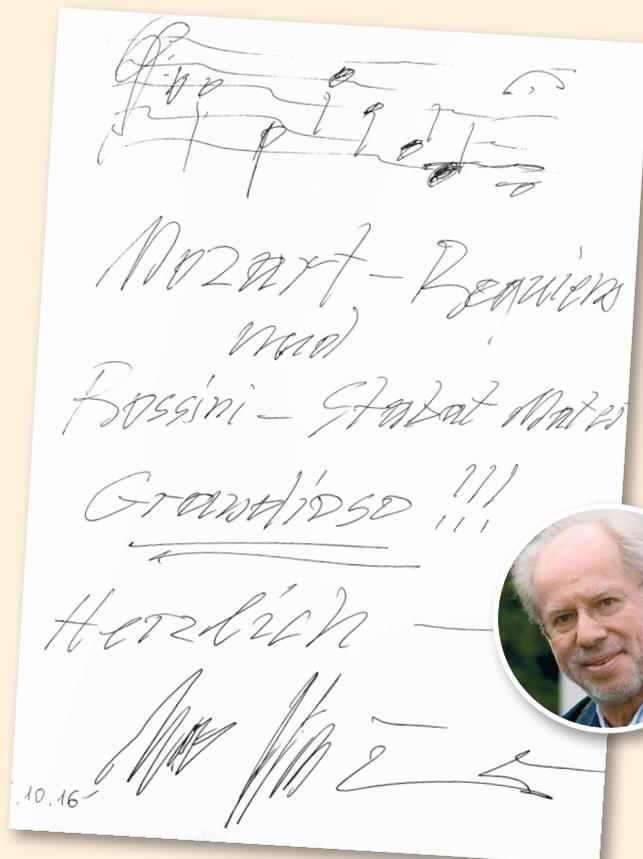

Добрые пожелания от политических деятелей разного уровня – председателей Госсоветов, руководителей отделов и министерств культуры республик и областей – занимают значительное место на страницах книги почетных гостей. Авторы «покорены талантом, душой и красотой артистов – жемчужиной народов Татарстана» (председатель Госсовета Удмуртской республики А. Волков); «я понял, что такое ХРАМ ИСКУССТВА!» (А. Чубайс). «Благодарен нашим людям, которые в тяжелое перестроечное время так смело и умело, так скоро и красиво воплотили идею в прекрасный храм искусств», – написал первый президент РТ Минтимер Шаймиев.

В реплике выдающегося пианиста, народного артиста СССР Николая Петрова звучит некоторая досада: «Глядя на это чудо, меня охватывает грусть. Такого зала [Большой концертный зал им. С. Сайдашева – Е.Х.] у нас в Москве, скорее всего, не будет никогда. А вдруг??? Дай Бог счастья всем тем, кто вложил в это роскошное здание свои силы, энергию, жизнь». «Потрясающую акустику» зала отметил вице-президент фирмы «Бехштейн» (Берлин) Леонардо Джуричич: «Вы действительно можете ощущать себя очень счастливыми, поскольку мало кто знает сегодня, как создать такой зал с такой акустикой. «Браво» всем, кто работал над этим проектом».

Восхищение убранством и акустикой Большого концертного зала звучит в отзывах выступавших в нем прославленных музыкантов: народной артистки СССР Ирины Архиповой и легенды советского джаза Олега Лундстрема (архитекторов по образованию), выдающегося пианиста Михаила Плетнева, руководителя московского камерного хора Владимира Минина, а также зарубежных органистов Атиса Степиньша (Латвия), Людгера Ломанна и Эльке Фёлькер (Германия), Габриэля Маргьери (Франция) и других.

«Мое восхищение было огромным, когда я открыл для себя Казанскую консерваторию, в которой есть все для получения музыкального образования на самом высоком уровне», – написал французский органист Мишель Шапюи. Титулярный органист Сикстинской папской музыкальной капеллы Ватикана Хуан Парадель Соле назвал консерваторию «прекраснейшим учебным заведением, в котором действительно дышится воздухом культуры, воздухом музыки. <...> Это учебное заведение, где не только изучают музыку, но и учатся жить». «Большого и успешного будущего на благо доминирования истинной культуры» пожелал консерватории

Благодарен нашим людям,
 которые в наше - переходное
 время - так смело и умело, так
 скоро и красиво выстроили
 идею в прекрасный храм
 искусств. Великолепное зодчество
 еще больше кружит голову
 наших современников.
 Олег Янченко
 12.07.2011.

блистательный органист и композитор Олег Янченко – его изящный автограф с элегантными буквицами напоминает стиль писем XIX века.

Не менее живописен автограф еще одного выдающегося музыканта – Виктора Афанасьева, начальника оркестровой службы вооруженных сил РФ. Его длинная стремительная роспись подобна пулеметной очереди, а строчки, как ряды кружева, симметрично спускаются по странице.

Слова благодарности во многих отзывах обращены к ректору консерватории Рубину Абдуллину и проректору по концертной работе Елене Хакимовой: «Восхищён всем, что вы делаете. Консерватория – прекрасна, Зал – потрясает» (зав. отделом фестивалей и конкурсов Международного союза музыкальных деятелей А.Скрябин); «фантастически теплый прием и сердечное отношение» сделало «особенным и запоминающимся мой визит в Казань» (Людгер Ломанн). Теплые слова высказали на страницах книги один из лучших скрипачей планеты Виктор Третьяков, солистки Большого театра Альбина Шагимуратова и Марина Мещерякова, заслуженный артист Армянской ССР органист Ваагн Стамболцян.

Половину книги занимают недавние телеграммы и поздравления консерватории с 70-летним юбилеем. Дирижер и органист Лео Кремер считает сотрудничество с Казанской консерваторией «настоящим чудом»: «Сложно подобрать слова, чтобы описать, что значит для меня этот совместный путь

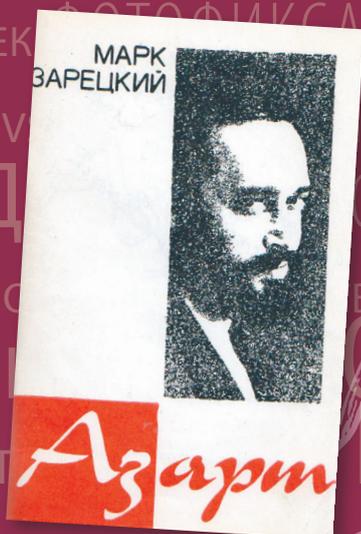
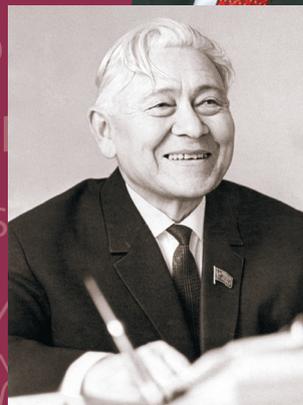
<...> Это подарок небес! Мы начинали с самого малого, сейчас же мы без преувеличения все равно, что мощный корабль в океане музыки в Европе. <...> Музыка – как ничто иное способно наводить мосты в этом мире, преодолевая все границы». Под стать словам и автограф Кремера – размашистая музыкальная фраза из Реквиема Моцарта с неудержимым возгласом «Grandioso!!!» и трогательной припиской на немецком: «Herzlich» («сердечно»).

Почти все записи 2016 года связаны с именем Софии Губайдулиной. Юбилей композитора в Казанской консерватории был отмечен двумя музыкальными событиями: творческой встречей с композитором в истори-

ческом здании нашего вуза и III Международным конкурсом пианистов имени Софии Губайдулиной. Впечатления членов жюри конкурса запечатлелись в памятных записях солистки Московской филармонии Екатерины Мечетиной, профессора МГК им. Чайковского Юрия Слесарева, профессора Лондонской Королевской академии музыки Рустема Хайрутдинова, почетного доктора музыки Богуслава Давидова (Польша).

Но, пожалуй, самая лаконичная и одновременно самая емкая запись принадлежит самой Софии Асгатовне. Некогда Альфред Шнитке сказал о ней: «Ее суть – тайна. И потому она – явление». Эта загадочность, этот Космос своей души композитор лишь отчасти приоткрывает в своих сочинениях. Но до конца постигнуть всю глубину ее духовности невозможно. Взгляните на автограф – в нем та же загадочность, что и в музыке и в речи Губайдулиной: изящный росчерк буквы «С», повторенный в конце и легко «повисший» сверху. Ее подпись словно парит, длина свидетельствует о способности глубоко погружаться в проблему, ровность и изящество – признак творческого мышления и оптимизма. Оптимизма человека, который испытал страдания и победил их. Теплота, сердечность и глубокое уважение к консерватории, в которой сформировалась личность композитора, запечатлелись в словах композитора, вписанных в книгу почетных гостей: «Великая благодарность дому сему! Казанской консерватории восторженно. С.Губайдулина». ■

- > ПРОЗА
- > ПОЭЗИЯ
- > ФЕЛЬЕТОН
- > ВСТРЕЧА
- > В ПЕРЕВОДЕ
- > ПРО ЧТЕНИЕ
- > КНИЖНЫЕ НОВИНКИ
- > ВОСПОМИНАНИЕ

► **Лидия Григорьева**

24 января. Грустная дата... Пять лет назад в этот день скоропостижно ушел из жизни выдающийся поэт, публицист, мыслитель, общественный деятель, лауреат Государственной премии РТ им. Г. Тукая — Равиль БУХАРАЕВ (1951–2012). Мы начинаем публикацию незавершенного романа Бухараева «Ханский водомет».

«ХАНСКИЙ ВОДОМЕТ» — таково название незавершенного романа известного писателя, поэта и мыслителя Равиля Бухараева. Для публикации в журнале я выделила две главные — любовные — линии романа.

Обе любовные истории развиваются в Средние века. Одна из них европейская. Это переписка архитектора Пьетро Салари, ученика и помощника строителя московского Кремля Джакомо Феорованти, со своей венецианской невестой, которая ждала его возвращения из далекой и якобы дикой Руси в доме своего дяди на площади Сан-Закария.

История их любви реальна. Равиль даже показывал мне в Венеции большое палаццо, в котором, по его догадкам, могла обитать юная мадонна Беттина. А вот идея их возможной переписки — целиком плод воображения писателя, влюбленного в своих героев.

Вторая история любви развивается в Казани, где на пути влюбленного архитектора и строителя Хасана встают вполне реально возможные препятствия, связанные с обычаями и традициями тех давних времен.

И как всегда у Равиля Бухараева, по ходу повествования тексты заполняются реальными историческими фактами, событиями и яркими деталями минувших времен.

Придется иному читателю заглянуть в энциклопедию, чтобы расширить свои знания о тех далеких временах, когда итальянские мастера строили не только московский Кремль, но и — по гипотезе Равиля Бухараева — имели прямое отношение к строительству башни Сююмбике.

Эта дерзкая научная гипотеза была высказана автором еще в середине девяностых в его альбоме «Казань — зачарованная столица» и была подвергнута со стороны историков как критике, так и одобрению. Иначе почему бы в 2011 году Академия наук Татарстана присвоила ему почетное звание доктора исторических наук по совокупности исторических публикаций?

Но в данном тексте мы имеем дело не с научными исследованиями, а с художественным текстом огромной лирической силы — силы бессмертной любви, продлеваемой до бесконечности поэтами и прозаиками в художественных текстах.

*Лондон
30 декабря 2016*

Равиль Бухараев

ХАНСКИЙ ВОДОМЕТ

lanua certa poli duc mentem dirige vitam:
quae peragam comissa tuae sint omnia curae¹.

Джованни Беллини, 1488,

надпись на алтарном триптихе в венецианском храме Деи Фрари в Венеции

My love is faren in a land.
Alas, why is she so?
And I am so sore bound,
I may not come her to.

Anonimus, circa 1500

«Сколь же тяжко, сколь невыразимо скорбно блаженство писать к вам, преславная госпожа и сестра моя, мадонна Беттина! Одному лишь Создателю ведомо, попадутся ли на глаза вам эти строки, воистину выстраданные горчайшею кровью сердца и пустынными терзаниями истомленного чужбиною духа. Но если — о, если! — претерпев претягостный и преопасный путь через непролазные снега и дикие чащи Гипербореи, — и, разумею, никак не озадачив своим нечаянным появлением столь счастливого вашей любовью и верностью и, отмечу, весьма почитаемого мною за коммерческие дарования и прочие добродетели супруга вашего, мессира Руджиери, — итак, ежели эти доставленное из-за края Ойкумены исповедальное и, как знает Создатель, неприятное письмо все же явится перед вашим дивным голубым взором, будьте же милосердны

и удостоите их благосклонного труда прочтения, ибо это все, чего жду я от вашей небесной чистоты и ангельской кротости, и это все, на что смею я уповать в своем трудном смирении невольного изгнанника...

Помилуйте же меня христианскою своею добротою и, оберегая свое добронравие от праздно-молвы, но не казня будничным забвением, не откажите мне в скудной радости упований на сестринское участие, о мадонна Беттина, — не лишайте меня сей печальной радости исповедаться пред вами потому лишь, что столь долгие, нескончаемые и полные всяких превратностей годы миновали со времени наших невинных встреч в вашем благословенном отечестве — бо-жественной и преизобильной Венеции, сем царстве соразмерных отражений, геометрических вод и колдовского лунного света...

¹Верный путь, ведущий в небеса: направляй мой разум, руководствуй моей жизнью, да будет все, творимое мною, вручено Твоему попечению.

Не удивляйтесь же и тому, что уподобления и образы, более свойственные искусственным в стихоплетении поэтам, сходят ныне и с моего пера, с этого орудия ремесленника и строителя, каковое годно было разве что на исполнение чертежей и вычерчивание контуров, предназначенных для глаз грубых и бестолковых мастеровых. Нет, не искра Божья, но искренность, подобная скудной, но и благодатной тени в сверкающий солнцем итальянский полдень — вот все, что уделено мне от поэзии — от не присущего живой жизни совершенства, в коем самое низкое возмущение чувств представляется правдой, да еще порою и царственной. Более того — понимаю, что вашему утонченному вкусу более приличествует чтение на серебрянозвонкой латыни, а не на сем пестром языке северного простонародья, которого пока еще не облагородил, подобно флорентийскому наречию, никакой миланский петрарка...

Но, при всей неотесанности, родная речь греет мне душу, а посему — не более ли пригодно оно для родственной исповеди? Примите же это письмо, сие посильное мне изложение приключившегося со мною, как нечто пусть и не притязующее на восхищенье и волшебную новизну, но все же мнящее заслужить ваше благословенное внимание — не красотой слога, так хотя бы лишь выстрадавшим во многих отчаяньях чистосердечьем.

«Алетея есть дочь Хроноса», а иначе, всякая истина — дитя времени, писал несравненный Леон Баттиста Альберти, чью памятную книгу о зодчестве изучал я еще в ученичестве. Ныне, однако, я вижу в этом изречении сокровенный и поверенный опытом смысл: постиг я, что всякий возраст взывает к собственной истине, и блажен человек, чья юношеская истина не изменяет ему, когда он мужает и зачерствевает душою.

Veritatis profecto cognitionem dant tempora: во-истину, всякая истина поверяется лишь временем. И вот, заглядываю ли в былое, — и стесняется душа и стыдом, и печалью.

Посредственному таланту подобает усердие и смирение, и если первому обучен я с младых ногтей с избытком, то второму научаюсь ныне все более. Да и мнится мне, что все меньше становится в нашем столь рано огрубевшем веке людей, равно обладающих мудростью зрелости, изяществом слога и расчетливой прозорливостью инженерного дара. Мир и торжествующая в нем земная власть, поощряющая ради суетных выгод отдельных ремесленников, презирает кропотливый труд

остальных. Всякий князь имеет изобретательного любимца — да не на всех зодчих хватает в мире князей. Так вот и в отческом Милане пригрет при дворе герцога пресловутый Леонардо из Винчи, пришлец, который, замечу, при всех способностях и талантах не затмил еще Филарете. Впрочем — уж не ему ли и благодаря? — слышал я в своем чужбинном неведении от редких посланцев отечества, что ныне не только безродные живописцы, но и мастера нашего цеха каменщиков и зодчих якобы уравниваются в общественном рассуждении с поэтами и философами.

Правда ли сие, мне неведомо.

Разум, сызмальства приученный к строгости метрической пропорций и к расчетам сопряжения линий, ныне словно охмелел от своей внезапной отваги, ибо сие письмо требует от меня недюжинной силы... Увы, не всех наделяет Господь дарами, подобными гению прошлых людей, и не всем суждено стяжать двойную славу сочинителей и мастеров, подобных великим Альберти и Филарете. Не каждый в нашем цеху сподобится благородства слога и мысли учителя и наставника моего, познавшего и коварную ласку славы, и мелочную клевету ревнивых собратьев и при самой своей жизни изведавшего людское забвенье. Но, я уверен: вы-то не позабыли мастера Аристотеля из Болоньи — поелику вы ангел, мадонна и сестра моя, ангел, а не человек, и пишу я вам якобы ангелу, умеющему читать не столько начертанные слова, сколько сокровенные мысли и чувства.

Но нет, не спешите отстранить от себя эти листы! Не дерзаю я смутить вашу чистую память ничем — менее всего даже и легкою тенью воспоминаний о нашей последней встрече накануне моего второго отбытия в гиперборейские странствия, обернувшие впоследствии столь многими страданиями. С юношества помолвленный с вами, не возвратил ли я вам тогда, снесясь с обстоятельствами, слова, данного родителем вашим моему дяде и опекуну Пьетро Ломбардо? Но моя ли вина, что все помню я наше — о, в самой невинности своей вдохновенное щебетанье в вашем родительском доме — тогда, в глупой и незапамятной юности? Он и сейчас, полагаю, стоит на крохотной улочке Гиацинтов, омываемый зеленой водою канала Рио Мираколи? Тогда, в лета вашей девической чистоты и моего ученичества, и Серениссима, помнится, не строилась еще так бурно, как строится сейчас даже и варварский мир.

Прятки, сия игра шаловливого детства! И они, как любая игра, предназначают людей к действительной жизни — к исканиям вслепую, к скорбным утратам грез и мечтаний...

Отроковица, как проказливо подшутили вы тогда надо мною, завязав мне глаза! Как, заставив вотще искать себя в саду, сами глядели с балкона, как смешно и неловко натыкался я на кусты и деревья вашего сокровенного, спрятанного за высокой каменной оградой сада...

Вы улыбнетесь, быть может. Когда бы и я мог улыбнуться, озаренный тихим отсветом вашей улыбки, но напрасно — свет ее если и достигнет меня, то, скорее всего, уже не застанет в живых, как не застал я и вас в родительском доме.

Вконец опустелый, оставленный вами, он стоит — без души...

...оттуда, как помню, два шага до дивной в своей соразмерности площади Пресвятых Иоанна и Павла — до царственной церкви Сан Заниполо, хранящей святые останки святой Катарини Сиенской, а также столь многих преславных мужей Сеньории. Ведь и эта державная церковь завершена постройкой не столь уж давно после столетних трудов и усилий, и думаю я: всем ли было дано, как нам, в быстротечности жизни узреть перемену эпох и времен, и подлинное преображение? Или сие только мнится, что лишь нашему поколению довелось пережить и небывалые в прошлом волнения ума, и смущения души, и лицемерие бессмертья, столь настойчиво и изобильно воплощаемого смертными в камне в надежде на вечность?

Но и камень горит, о, мадонна Беттина, и камень горит, и его не щадит неумное пламя, тот свирепый огонь, что всегда наготове для смертных!

Вам ли не помнить, как в Лето Господне 1475, в том незабвенном году, когда мне впервые судьбой начерталась дорога на таинственный край ойкумены, рядом с церковью Сан Заниполо сгорела едва ль не дотла Великая Школа Сан Марко, от возрождения коей, как я слышу, ныне вследствие мелочных склок и интриг отстранен дядя мой, славный Пьетро Ломбардо, возведший совместно с родителем вашим и предивную церковь Девы Марии с Дарами близ вашего отчего дома.

Да, так помыкает судьба мастерами, чьи творенья, когда не сгорают, вызывают порою душевный восторг и раздумья, но чей образ всегда исчезает в потомстве бесследно — не в пример многовластным князьям, чья деянья так часто окрашены кровью. Вот и восстановлен уже перед

вновь возрожденным порталом Школы Сан Марко, как бронзовый призрак, тот надменный воитель, капитан-генерал Коллеоне, чьи заслуги перед вашим отечеством, среди коих случались за плату и жестокие стычки с родным мне Миланом, и вправду весьма велики? Он стоит, конный идол, над созданием которого состязались перед вашей Республикой три гордых ума и таланта, а паче — Андреа Верроккио, прославленный и прекрасный ваятель, чьим последним творением и стал сей бронзовый памятник властолюбию, насилию и тщеславной гордыне? После многих терзаний, в наитях прозренья вспоминая то глиняное — в натуральных пропорциях — изваяние, что пришлось мне увидеть накануне отъезда, уже не дивлюсь славолюбию самого кондотьера, но поражаюсь неправде судьбы, рукой исполина и гения изливающей в бронзе такую никчемную малость, как людская гордыня.

Не подобает, однако, мне и впредь изливать перед вами лишь безотрадные пени и жалобы. Многое мнится мне сообщить вам, о многом поведать, хоть и понимаю при этом, что поведающему правду как раз и легче всего прослыть изощренным лжецом. Кто, кроме вас, поверит мучительной правде? Таков тварный мир, предающийся пагубе самообмана и в страхе истины лелеющий о себе разве только приукрашенную себялюбием ложь.

Ведь всяческие фантазии и басни более милы и доступны воображению людей.

Но — словно в прощании с миром — мнится мне ныне не только достойно развлечь вас известиями о московитах, их грубых и варварских нравах, но и поведать вам также о взывающей к состраданию и сочувственной скорби кончине учителя моего мастера Фиораванти и о невероятной его судьбе и, сверх прочего, о нравах и обычаях другой страны, еще боле сокрытой от просвещенного христианского духа и носящей, по северному магометанству своему адское имя Тартарии.

И как вообще я решился на письменное занятие? Отчего не писал к вам и прежде? Признаюсь: оттого лишь, что, как тот желторотый юнец, каким — не забыли ли вы? — и я был когда-то, наивно лелеял я чаяния, что вот сам возвращусь и предстану перед вами — увенчанный лаврами мастера, вознагражденный за страстотерпье и труд. Не смейтесь же надо мною. Таково мирское тщеславье, что и матерому мужу смущает разум, увлекая в сумрак

гордыни! О труде сем — о зодчестве на краю ойкумены, надеюсь, поведаю ниже, если, конечно, на это достанет дерзостной скудости моих чернильных умений...

Полагаю, однако, что в любом мастерстве наиболее важное — связь пропорций и чисел, ибо в основе всего в нашем мире обретется число. Мастера и святые подвижники в трудах и молениях веками испрашивали у Бога прозренья — и вот не оно ли даровано нам в геометрии перспективы, каковую расчислили для нас исполины, открывшие путь подражания лучезарной древности Рима и в самом подражании своем превзошедшие замысловатости древних? Не само ли название этой зрительной техники, «prospettiva», означая по сути «проницанье», говорит нам, что ныне и нам, инженерам, дарован прием «прозревания», он же — способ прозренья? Одолженная у живописцев методика указала дорогу к приемам «манера антика» и уже потеснила в умах величье старинного стиля «манера нуова».

Как прилежный мастер старинной «манера нуова», не падкий до модных новин, не берусь рассуждать о творениях людей, взыскующих новых созвучий в размерах и соотношеньях. В своем ремесле возьмусь отстоять лишь одно — надлежащее духу и разуму осязанье чуда Гармонии, ибо в нем и живет искомая в терзаниях сердец Красота как верховная цельность исчисленных и соразмерных частей, как согласие мер и деталей, что в любом рукотворном искусстве отражает первичность единства Создателя, прозреваемую в целокупностях Им Одним сотворенной Природы.

В чем же суть мастерства, о мадонна? Скажу как ремесленник: суть мастерства — в осмысленные приема. Ведь гармония в ремесленном деле живописца и зодчего есть осознание пределов и надобности ограничений, в которых любая задача вмещается как бы в подобье окна, являющего одиночному взгляду картину всего мирозданья. Так, тайна прямой перспективы содержится в некоей точке схождения линий, параллельных вблизи, в удалении же сопряженных, и дальний предмет является нам в соразмерности малым, по сравнению с ближним предметом. Такова, согласно законным расчетам, оптика зрительной правды, указующей, что все, что нам мнится отдельным и несопряженным, на деле не может когда-то не слиться в единую сущность — там, в рассчитанной точке схождения.

О мадонна, отчего тогда моя память, храня матерьял для строительства зданья жалостной по-

вести, так строптива к расчетам ума? Подобная древним византийским иконам, она мне являет лишь ту перспективу, какую в стремлении к оптической истине называем обратной и ложной — лишенной пространственности и глубинности зренья, но словно вздымающей к небу пласты горизонтов и лишь укрупняющей вещи и лики по степени их удаленья?

Как же сложен, как непревосхитим труд вожденья пером по бумаге! Сознывая, что никак невозможно построить в уме никакую модель для рассказа, я смиряюсь и с тем, что законы прямой перспективы и немощны, и неуместны, когда и предметы, и лица являются вдруг и внезапно, и то, что казалось уму и сознанию отчаянно важным, легко уступает тому, чего вдруг же потребует нерасчетливость сердца.

...Простите, простите, простите, лучезарная, сострадательная сестра моя мадонна Беттина! Простите мне все — и лукавство пера, ибо всякие перья лукавы, норовя сокрыть малодушие тех, кто берет их с усилием в руки. Много мнит о себе человек, но вовеки не скажет всей правды, ничего ведь, по правде, не зная. Так и я, вознамерясь описать свою жизнь, погрешил изначала грехом потаенной гордыни. Что вам в жизни моей? Она оказалась случайна и не стоит вниманья, да к тому же и подходит, подбегает к концу, уподобясь течению реки по названию Neglina, той самой, что, утекая мимо двух ныне мною восставленных башен, навсегда исчезает в реке по имени Mosco... Эти башни по хитрости замысла и сложности воплощенья не уступят и башням миланского замка — тем паче, что строительство их на пропитанной влагою почве представляло немалую трудность. Я бы мог возгордиться этим честным свершеньем, но вам лишь сознаюсь, что и этот свой труд воплотил не по собственным мыслям, но согласно рисункам наставника, по его чертежам, сохраненным моим сотоварищем мастером Марко Руффо по прозвищу Россо.

Да кстати, мое окружение здесь вам еще неизвестно, и вынужден буду от малой толики убегающей жизни уделить свою часть и ему, Марко Руффо, хоть сие и претит моей сызнова обретенной богобоязни. Без него и без многих других в этой исповеди зазияют пустоты, невосполнимые никакими придумками, свойственными иным сочиненьям. Да ведь и то, что мною я вам ныне поведаю, паче всякого вымысла, мадонна Беттина...

В вашем, мною покинутом мире, столь благодатно согретом лучами классических знаний и просвещенном светом многих и разных искусств, вам тягостно было бы и мысленным взором увидеть обстоятельства моего окруженья на краю известной вселенной, в пределах, за которыми простираются одни лишь ужасные чащи, обрывающиеся на грани ледовитого моря...

В одиночестве здешней северной ночи часто я представлял, как, выйдя из семейного вашего дома, что стоит против наидревнейшего венецианского храма Святого Захарии, видите вы при ярком солнце или в дождливом тумане лагуну канала Сан Марко и монастырскую церковь на Острове кипарисов, воздымающих свои гордые, воистину башням подобные главы. На острове этом, открывающемся вашим очам ежедневно, пребывал в пору краткой опалы просвещеннейший герцог Козимо, отец-управитель своенравной и гордой Флоренции, коему одному обязана она установленьем благополучия, возрождением знаний и цветеньем искусств, из какового цветенья самым пышным и неувядаемым цветком видится мне и ныне творенье Филиппо Брунеллески — тот, в небе парящий, купол Собора, прекрасный уже и тем, что созиданье его мнилось всем невозможным...

Созидание невозможного — не в этом ли цель созиданья для смертных и не в этом ли дерзкий вызов Создателю, о мадонна Беттина? Сей великий библейский соблазн, не укрощенный упраженьями ума и упрямой поденной работой, как легко превратил он Флоренцию в подобье Содома, как легко отвратил он людей от смиренья труда и молитвы! Человек-де — венец мирозданья, о льстивое наущение, сродни наущениям Судного дня! Беспечная жизнь в вечных поисках все новых и новых веселий, гордыня язычества, возведенный в науку изощренный и лживый разврат — и неверие, неверие в Бога. О мадонна Беттина!

Но я вновь удалился от сути рассказа, смущаем виденьями прошлого и терзаньями разума, созвучными плачу души! Да, мадонна Беттина, в окружении изящных палаццо и торжественных храмов, в тиши сокровенных садов, в слепящем блеске зеленой воды благодатного теплого моря и при вящем усилии воображенья не могли б вы себе представить того мира, где я пребываю, зывая к вам через многие земли и страны!

Сей город, сплошь древесный и затерянный в чащах, похож на горячечный сон, на сновиденье

большого и ужасает, как бред, призывая в отчаянье проснуться. Строенья из рубленых бревен ютятся так тесно, что уподобляют весь град лабиринту земляных переулков, столь же и опасных во тьме, как лабиринт Минотавра. Из каменных зданий стоят только редкие храмы, сосчитанные по пальцам, ведь множественные церкви предместий, как и дома горожан, здесь от века возводятся плотниками, а не каменных дел мастерами.

Однако же, ради благородства Создателя, не подумайте, моя госпожа, что во мне говорит здесь презрение к дереву как матерьялу. Ведь дерево подобно в рассуждении строителя как бы скелету, без которого плоть человека не могла б соблюдать присущую форму, и в этом рассудительном смысле оно как сырье никак не вторично в сравнении с камнем.

Да и разве вспомогательность всегда означает вторичность?

Любое земное сырье достойно почтенья, и сноровка местных строителей в обращении с деревом вызывает порой восхищенье превосходным умением и выдумкой, — да и всякое честное ремесло должно же взывать к уваженью. Древесная плоть в изобилии здесь произрастающих северных пиний податлива и прихотлива: мастера-московиты одним топором воздвигают для местных нобилей дворцы и хоромы, каковые теплы и даже пригожи, но тленны, — о, как они тленны, мадонна Беттина!

Из более крепкого дуба, при надлежащей обработке выстаивающего, как известно, веками, здесь строят лишь только колодцы и защитные стены для княжеских замков, подобные тем, какие увидели мы, я и мой достославный учитель, по моем первичном приезде в эти пределы. Ныне же дубовые крепостные фортеции замещаются высокими стенами каменной кладки по образу фортификаций Ломбардии и Романьи, и труд этот столь велик и упорен, что в завершенье своем явит миру поистине мощную крепость.

Дух безмерных и страшных пространств воплощается в камне с огромным размахом, ибо в этих надменных краях не знают ни в чем ни предела, ни меры...

Мне же в моей горькой печали никакая безмерность не радует сердца, каковое взыскует теперь не языческого восторга дерзаний, но милости Духа Святого и божественного умиленья... ■

Публикация Лидии Григорьевой

Продолжение в следующем номере

Разиль Валеев

ИДЕЛЬ

Идель бежит, на берега ложится,
Казань следит за ней из-под ладони:
как слёзы чаек, искрится водица,
и сизы в пене волны, словно кони.

Она на берег болгарский вздымалась,
века брала за ворот жизни долгой,
звалась – Итиль, Иделью называлась,
теперь во всю длину зовется Волгой.

Земле – вертеться, рекам – течь вовеки!
Пугач и Разин в удалстве мятежном
гуляли здесь, и алой кровью предки
дастан писали на песке прибрежном!

То расширяли реку, то сужали,
по-всякому её пытались ранить,
но всё ж она могуча, хоть в печали
мелеет Каспий, как людская память.

В ней видели то счастье, то угрозу,
над ней мудрили, чтобы сжить со свету!
Давно пора оставить льды морозу,
давно пора оставить волны ветру.

Река и я. Мы не были врагами.
Мы – два героя в бесконечной драме.
Лежит Идель, зажата берегами,
как зеркало прабабки в новой раме.

НА МАЙДАНЕ ЖИЗНИ

Опясав себя кушаками,
Мы выходим, борцы, на майдан.
И совет, и завет
стариками
Нам в напутствие каждому дан.

Мы учились борьбе у Джалиля,
Против варварства выйдя на бой.
Мы крутые дороги торили
И не плакали перед судьбой.

Мы у правды прошли подготовку,
Мы мужали в суровые дни.
Были мальчики ростом с винтовку,
Когда взяли винтовку они.

Зубы сжав, на майдане сраженья
Знали точно, за что мы дрались:
Есть у жизни одно продолженье –
Молодая, растущая жизнь.

...Мчатся кони – ветра Сабантуя!
Мы с мальчишками рядом стоим,
И ликует майдан, салютуют
Новым, храбрым батырам своим!

РЕЛЬСЫ

Отходят и отходят поезда.
Так будет вечно, как и было прежде.
Они с собой уносят навсегда
Несбывшейся любви моей надежды.

В одном из них уехала и ты.
Гремит состав по дальним перегонам,
А я среди вокзальной суеты
Остался здесь отцепленным вагоном.

...Письмо твое: про звёзды, про цветы,
Про остров в одеянии зелёном...
В мечтах тот остров разыскала ты
И позвала меня – стать Робинзоном.

Я в путь собрался, взяв с тобой печаль,
Встречай меня приветною улыбкой.
Как поезд мчит в неведомую даль,
Прося прощенье за свою ошибку!..

Как жёлты придорожные цветы,
Они напились горького тумана.
Два рельса, две судьбы, как две мечты,
Вдали соединяются обманно.

Конечно, судьба не щедра на подарки...
И всё же подарки – не главный вопрос.
Бывает, продрогнешь ты в полудень жаркий
и жаром горишь в самый лютый мороз.

Бывает, ты радостно молишься небу
за то, что стоит ясных дней полоса.
Но вспомнишь, как тяжело деревьям и хлебу –
и молишь у неба, чтоб дождь пролился.

Бывает, от ветра сгибаешься вдвое,
дорога трудна, изнурителен путь.
Но вспомнишь про парус над мёртвой водою –
и ветер желанен, и думаешь: пусть!..

Ты ночи грядущей боишься и хочешь
бегущему дню натянуть удила.
Но вспомнишь влюбленных, язычников ночи, –
и просишь, чтоб ночь подлиннее была.

Бывает, что горе твое – словно море,
и кажется, ввек его не переплыть,
но ты, забывая о собственном горе,
спешишь горе друга скорей разделить.

ОБЕЩАНИЕ

Я тебе не обещаю рая.
Сам не знаю, с чем его едят.
Всё, что я умею, – предлагаю, –
всё, что я умею, чем богат!

Есть стихи в избытке, хватит хлеба.
Что ещё прикажешь для души?
Я тебе не обещаю неба.
Но звезду достану... Прикажи!

Что ещё имею за душою?
Невысок мой потолок... Прости!
Небо – высоко над головою,
значит – есть куда ещё расти.

Будешь ли счастливою, – не знаю.
Слёз твоих себе я не прошу!
Я тебе не обещаю рая...
Но и в ад, конечно, не пушу.

*На мое могучее дыханье
Отзовутся небо и земля.
Хади Такташ*

Плача и скорбя, искал свободы
Светлый разум.
Не нашел. Но пусть...
Или мир я изменю сегодня,
Или сам сегодня изменюсь.

Не поймут, когда скажу, что ветер –
Голубой, а время – Сабантуй.
Имена свои всему на свете
Дам я, понимая красоту.

Всем цветам я дам свои названья.
За день я воскресну и умру...
Но и в миг последнего дыханья
Чёрным белое не назову.

Воспою товарищество строгое.
Жить на свете – нет прекрасней слов!
После долгих, тяжких дней дороги
К нам в сердца является любовь.

Я могу обман принять за правду,
Да, бывает, что там говорить...
Мне тепла и света много надо.
Может, я наивен, может быть...

От несправедливости свободен,
Перед красотой преклонюсь.
Или мир я изменю сегодня,
Или сам сегодня изменюсь.

ЖАЛОБА СТАРЦА

Не говорите, что у старца
Остыло сердце,
Не говорите, что в душе
Иссох родник любви.
Известно ль вам:
Чем суше хворост,
Тем легче он
Огню подвержен?

Сколько стихов рождается ежечасно!
Мне говорят,
что наступит день,
и писать будет не о чем –
темы иссякнут.

Я не согласен.
Я знаю:
даже если останусь один на земле,
всё равно в моём сердце будут
звучать
сотни, тысячи стихотворений.

В крайнем случае
я напишу:
«Вот пришёл конец света,
а поэзия живёт».

*Перевод с татарского
Д.Даминова*

Мирсай Амир ТРЕЗВЫЙ РАЙОН

Дорогая редакция!

6 января 2017 года исполнилось бы 110 лет со дня рождения одного из любимых писателей татарского народа Мирсая Амира. В центре внимания его творчества: и в прозе, и в драматургии - всегда были животрепещущие вопросы своего времени. Неотъемлемая черта его многогранного творчества - яркий талант юмориста и сатирика.

Предлагаем читателям журнала «Идель» рассказ-фельетон «Трезвый район», опубликованный на татарском языке в газете «Социалистик Татарстан» сорок пять лет назад, 13 июля 1971 года. В этом рассказе автор в художественной форме выступает против пьянства, против решения финансовых проблем путём продажи спиртных напитков. На русском языке рассказ не публиковался. Он и сейчас не потерял своей актуальности и, возможно, заинтересует читателя.

Гюльшат и Ляйля Амировы.

...Что это? Вокруг так непривычно светло и красиво. Улица с рядами новеньких домов, утопающих в садах, словно озарена улыбкой. А Дворец культуры просто не узнать — убран как на праздник. Отовсюду исходит непонятное, прямо-таки сказочное сияние. На небе и солнца не видно. Не загородил ли его один из тех высоких домов? Но если так, ведь и никакой тени нигде нет... Человек в новенькой шапке из меха новорождённого тюленя удивленно озирается по сторонам и неожиданно вздрагивает — его окликнули:

— Кадыр абы! Можно вас на минутку?.. Знакомый голос. Он не предвещает ничего хорошего. Это голос местного художника, беспробудного пьяницы. Когда-то очень давно (Кадыр тогда был мальчонкой) человек этот работал в клубе, который в то время помещался в старой мечети. Хотя он был самоучкой и в специальной школе никогда не обучался, люди не уставали восхищаться картинами и декорациями, которые он писал для клуба. И вот что сделала с ним водка! Жалко смотреть,

когда на глазах гибнет талант. Пробовали по-мочь: одели, обули, дали квартиру. Теперь уж он и пенсию приличную получает. А ему все трын-трава, так забуддыгой и остался. Кадыр вообще терпеть не может пьяных... Но сегодня он почему-то не чувствует обычного раздражения, спокойно улыбаясь, оборачивается назад. Кто же это? Неужели человек, на которого все давно махнули рукой? Новый костюм, ослепительной белизны нейлоновая рубашка, на шее черный бант. Он улыбается и как будто даже смущен чем-то. А он, оказывается, ничего себе, симпатичный даже! И не такой уж старый...

— Прошу простить, Кадыр абы, что не во время помешал...

— Пустяки, только почему вы называете меня «абы»?..

— Знаю, знаю, — перебил его художник, — я старше вас на двадцать один год. Но разве в годах дело? Вы по духу мне старший брат. И остановил я вас только затем, чтобы поблагодарить...

— Постойте-ка...

— Да, да, от всего сердца поблагодарить за вашу речь. Очень мудрые слова сказали вы. Со вчерашнего вечера, как только услышал я святые ваши слова, — баста! — на всю жизнь завязал с дурной привычкой. Теперь я снова чист как дитя, а голова такая ясная, будто сроду капли спиртного во рту не было. На душе легко и весело, все равно как заново на свет белый родился...

Кадыр терпеливо слушал разглагольствования художника, с усмешкой думая про себя: «Сладко поешь, дружок, небось, денжат опять выманить хочешь. И выступления моего ты, конечно, не слышал, кто же такого, как ты, на собрание партактива пустит!..»

— Нет, нет, — горячо запротестовал вдруг «родившийся заново», будто угадав его мысли, — не думайте обо мне плохо. С прошлым покончено! Не понимаю, как это я раньше осмеливался смотреть вам в глаза. С каких ведь уж пор... Вы, небось, забыли, как в позапрошлом году после майского праздника я просил у вас два восемьдесят, а вы дали трёшку? Через два года вместо того, чтобы отдать прежний долг, я занял у вас еще три рубля. Вы до сих пор ни разу не просили вернуть! Наконец в начале этого года у меня хватило наглости снова взять у вас

в долг. А сейчас позвольте рассчитаться сполна, огромное спасибо за все, что вы для меня сделали, в особенности за вчерашний доклад...

Измученный Кадыр начал было уверять, что давно забыл о деньгах, что возвращать их не нужно, пытался поблагодарить его самого за столь трогательное внимание к его словам, но художник и слышать ничего не хотел. Он вынул из нагрудного кармана красный бумажник и насильно вложил в руку сопротивляющегося Кадыра девять рублей, говоря: «Избавьте от греха, совестно же!» — и торопливо зашагал прочь. Через некоторое время он оглянулся и прокричал издали:

— А ваши золотые слова я не устану повторять всем, кого только встречу. Я обязательно напишу портрет, увековечу вас таким, каким вы были, когда произносили свою вдохновенную речь. Этой мыслью я теперь только и живу!

— Совсем спятил, бедняга, — пробормотал Кадыр, приходя понемногу в себя. А если подумать всерьёз, то и удивляться здесь нечему. Разве первый секретарь вчера не жал ему при всех руку за то же самое выступление? А после собрания кто только не поздравлял его... Что же необычного в том, что справедливые, выстрадавшие сердцем слова так взволновали слушателей? Ведь ещё Виктор Гюго утверждал, что речь — это глагол...

И ведь всё получилось так неожиданно. Ох, как он был зол вчера!..

Началось с того, что он рано утром, не позавтракав даже, поспешил в райисполком. Вечером надо было успеть на партактив, поэтому он недолго пробыл в своем кабинете, сел в газик и укатил. Известно, куда ездит председатель райисполкома — в колхозы!

Настроение ему испортили в первом же колхозе. Бригадир третьей бригады оказался мертвецки пьян. Его колхозники сидели по домам и тщетно ждали распоряжений по радио. Ну, как тут было не выйти из себя! Не успокоился он даже в пути, пока добирался до следующего колхоза. Но и здесь, как назло, из-за пьяницы-тракториста простаивал агрегат из пяти сеялок. У Кадыра даже в глазах потемнело — от досады. Ещё бы! Время-то какое — сев! Каждая минутка на вес золота!..

В третьем колхозе его ожидал бунт колхозной скотины. Проезжая мимо ферм на околице деревни, он услышал рёв коров, истощный визг свиней, отчаянное блеяние коз и овец, возбуждённые голоса людей. Тут ни один председатель райисполкома не мог бы проехать мимо.

— Что за чертовщина! Что здесь происходит?

Ему объяснили, что скотина до сих пор не кормлена, что заведующий фермой не явился на работу, а корм, выписанный на сегодня, без него никак нельзя получить. А почему заведующего нет? Причина все та же — водка...

Кадыр весь был во власти мрачной ненависти, ненависти к злодейке — водке, которая губит наших прекрасных людей, белый свет омрачает. Народ верно говорит, добродетель всегда скромна, а зло крикливо. Тысячи людей честно трудятся на бескрайних колхозных полях, десятки мощных моторов оглашают их своим рокотом, а вот эти три отвратительных факта заслонили собой все это.

Пламя ненависти к пьянству, вспыхнувшее в груди председателя, всё усиливалось. Что делать, как избавиться от этого зла, вырвать его с корнем? Благородное негодование, кипевшее в нём, подсказывало свежие, яркие мысли, злые, меткие слова, способные растерзать, испепелить и разметать ненавистного «зеленого змия».

Взволнованный, вернулся он в районный центр, с теми же чувствами отправился на собрание партактива. Люди выступали, говорили что-то, но он не в состоянии был вслушиваться в их слова, не мог думать и о заранее подготовленном тексте своей речи. С нетерпением ждал он своей очереди выступить.

Наконец-то Кадыр на трибуне. Он забыл сказать обычное «Товарищи!..», не стал останавливаться на событиях внутри страны и международной жизни, не счёл нужным упомянуть о больших и серьезных задачах, стоящих впереди. Он начал просто: «Сегодня я побывал в таких-то и таких-то колхозах...». Перечислив факты, которые довелось ему наблюдать, он высказал все, что за день накопилось у него на душе. Нет, не о вреде алкоголя для здоровья и не об ущербе, который наносит он карману, говорил Кадыр. Главное, что он настойчиво подчеркивал, — это позор, который накликает

пьянство на наших людей, за жизнью которых с интересом наблюдает весь мир. Кадыр уже не мог бы повторить слова, в которые облёк он свои мысли, зато хорошо помнил, как легко было ему говорить, как четко работала голова и память услужливо подсказывала нужные слова. Зал слушал, затаив дыхание. Вот он закончил. В зале и на трибуне полная тишина. Люди, глубоко задумавшись, даже забыли о подходящих аплодисментах. Кадыр вернулся на своё место. Председательствующий рассеянно озирался по сторонам, забыв предоставить слово следующему оратору. Но вот первый секретарь райкома начал аплодировать. Его хлопки вывели наконец всех из оцепенения. Что тут поднялось! Стены дрожали от оваций. Кадыр затрудняется сказать, сколько это длилось, зато ему хорошо врезалось в память, как первый секретарь, сидевший рядом, громко поблагодарил его и торжественно, у всех на виду, пожал руку.

— Спасибо, Кадыр, — сказал он. — Много статей прочитал я о вреде пьянства, еще больше прослушал докладов и лекций, но такого впечатления, как сегодня от вашего выступления, не получал никогда.

— Преувеличиваете...

— Нет, серьезно говорю. Больше того, сижу вот и думаю: смогу ли я после этого её, проклятую, взять в рот? Пожалуй, и видеть без

отвращения не смогу. Очень уж убедительно прозвучали ваши слова.

— Житья ведь от нее людям не стало, — заметил Кадыр.

В своем заключительном слове первый секретарь еще раз похвалил выступление Кадыра и просил обратить внимание на особую серьезность всего, что он говорил.

Домой председатель райисполкома пошел в приподнятом настроении. Волнения, тревога, негодование — все, чем был заполнен его день, окончательно улеглось, и он уснул сладким сном, весьма довольный собой...

Пробуждение его было ещё приятнее. В движениях чувствовалась эфирная лёгкость. Не желая будить домашних, он тихонько оделся и вышел на улицу. Давно знакомые и привычные дома сегодня прямо-таки поразили его своей красотой. Чудеса! Как же раньше он не замечал этой красоты? Что за волшебная сила преобразила их городок?..

Тогда-то и окликнул его художник, «рождение вновь» которого словно озарило душу Кадыра.

— Да, не удивительно, если слова, сказанные от всей души, сотворят непостижимые уму чудеса.

— Нет, — решил он про себя, — вокруг все осталось без изменений, это я не умел смотреть. Где же я читал, будто человек не использует и сотой доли потенциальных возможностей, заложенных в его мозгу?.. И разве удивительно, если кто-то найдёт силы добром словом вернуть на путь истины заблудшую душу?

Когда он вошёл в здание райисполкома, перед ним, как живое подтверждение его мыслей, появилась уборщица Хупджамал апа.

— Ох, спасибо, — заговорила она, увидев председателя, — с утра жду не дождусь тебя.

— Случилось что-нибудь?

— Ты ведь знаешь Абдуллу, ну, мужика-то моего? Я тут не раз жаловалась тебе на скверную его привычку,

— Что, снова напился, натворил что-нибудь?

— Наоборот. Не терпится мне отблагодарить тебя поскорей...

— За что благодарить-то?

— Да вот, слушай. Явился он откуда-то — не знаю — середь ночи. Поднял меня с постели,

поставил босую на пол и — бух к ногам моим! Прости, говорит, Хупджамал, голубушка, за все, за все. Разрази, говорит, меня гром, если ещё хоть раз возьму проклятую в рот... Клянусь, говорит... Я стою, ушам своим не верю. А ну тебя, говорю, пьяный шайтан! Верь мне, — говорит, а у самого слезы так и катятся. Добрый человек, говорит, надоумил, исправиться помог.

— Кто? — спрашиваю.

— Кадыр, — говорит, — святым словом душу мне обновил. Пригляделась я получше, а он же впрямь трезвехонький. Хочешь, говорит, именем аллаха поклянусь? Вот хлеб, хлебом, говорит, могу поклясться. А если и этому не веришь, вот тебе, говорит, честное моё пионерское...

Кадыру это показалось забавным.

— А почему «пионерское»? — усмехнулся он.

— Да ведь он по партийной-то линии дальше пионеров не ушел, вот и осталась у него самая большая клятва — пионерская. Да я, если, говорит, хочешь знать, перед всем народом клятву свою повторить могу и в газету написать не побоюсь. Как уж тут не поверишь-то?

Хупджамал апа вынула из-под передника бутылку водки. — Вот, говорит, разбей своими руками, теперь уж она мне не спонадобится, говорит. А мне разбивать то жалко стало, дай, думаю, в магазин снесу, не вернут ли, мол, деньги-то.

— А почему не отнесла?

— Носила. Не берет, холера его возьми. Это я про Каюма. Уперся — и все тут. Если, говорит, я проданное назад брать стану, не то что денег, на голове волос моих не хватит, говорит. Плешивый шайтан!

— Должен принять, — сказал Кадыр, растроганный словами тётушки Хупджамал. — Другое он может не принимать, а это должен. Иди, сдай ему. Я позвоню.

— Ладно, коли так, схожу еще разок.

Она направилась было к двери, но, вскрикнув испуганно, остановилась: Ой, а поблагодарить-то я совсем забыла, дырявая моя голова! Аллах да не обделит тебя своей милостью, Кадыр. Ведь не чаяла, не ждала...

— Ну ладно, ладно, иди уж.

— Иду, иду, родной...

Оставшись один, председатель улыбнулся, с удовольствием прошелся по кабинету. Тут он вспомнил, что обещал позвонить Каюму, и подошел к столу. Взгляд его упал на газету, которая лежала возле белого телефонного аппарата. И когда только успели ее сюда положить? Постой, здесь, никак, про меня написано!.. Он пригляделся внимательней. Вот тебе раз! На первой странице уже напечатана клятва сторожа Абдуллы. Обещает больше не пить и выражает благодарность Кадыру Сабировичу, который «своими вещими словами...»

— Эти явно хватили через край! — Кадыр усмехнулся и тут же позвонил редактору.

— Алло!..

Узнав его по голосу, редактор рассыпался в благодарности, но председатель не дал ему договорить.

— Ладно, ладно, — сказал он, — не нужно этого. Ты хорошо сделал, что поместил клятву Абдуллы. Только моего имени не следовало упоминать... Нет, нет, это нескромно. Да и тебя не красит. Иные могут понять превратно... Что? Ещё тридцать пять человек? И все клянутся не пить?.. Что?.. Это просто феноменально! Надо дать. Да, реверансы в мой адрес обязательно убери, а клятвы, обещания... А? Ну, если места мало, дай текст одного письма и фамилии остальных авторов... Как? «Борьба за трезвый район»? Ну что же, чудесно. Желаю успехов.

Положив трубку, председатель некоторое время смотрел перед собой, задумчиво улыбаясь.

— «Трезвый район»! Прекрасная рубрика, — проговорил он, наконец. — Остальные районы непременно подхватят это. Областная газета тоже заинтересуется. Нет, этот удивительный почин нельзя гасить. Ни в коем случае! Постой, я же в магазин позвонить должен.

— Алло! Ты, Каюм? Почему не принимаешь водку у Хупджамал? Надо принять. А? Что? Пятьдесят — шестьдесят человек? Все запасы? Да-а-а... И все же, кажется, надо принимать. Выручка? Ну и что? Не сегодня, так завтра сдадите. Вот так. Принимай без колебаний.

Кадыр снова с минуту задумчиво смотрел перед собой.

Да, тут грандиозной кампанией пахнет! Так, пожалуй, не то, что область — центральные газеты скоро заговорят о нас!

... И фантазия Кадыра не успевала следовать за чудесной действительностью. Так быстро преобразилось всё в жизни района. От мала до велика разом перестали пить. В магазинах, и не только в магазинах — в столовых, буфетах и даже ресторанах, совсем не стало пьющих. Дни рождений и даже свадьбы проходили теперь без выпивки. Люди прямо на глазах становились лучше, чище.

— Подумать только, как мы раньше не могли понять такую простую истину? — удивлялись они. — Смотри-ка, хорошо как без водки! А ведь бывали же и прежде времена, когда в наших татарских деревнях никто капли в рот не брал. А праздники, оказывается, и без водки хоть куда! Люди нарадоваться не могли своему счастью. На полях, стройках, в культурных учреждениях — всюду работа кипит.

Но... Как-то вдруг, раньше обычного, началось смеркаться. Внезапно к Кадыру в кабинет ворвался директор школы. И мрачный такой.

— Что так сердит? Случилось что?

— Строительство приостановили!

— Почему?

— Банк денег не даёт.

— Сейчас узнаем, в чем дело.

Не успел Кадыр снять трубку, как телефон зазвонил сам.

— Алло!.. Что?

Звонили из сберкассы. Заведующий был в отчаянии и кричал в трубку так, словно его грабили:

— Помогите! Без денег... вкладчикам... позвоните, прошу вас, в банк... банк... деньги... оборот...

Ничего толком нельзя было понять. А тут невесть откуда в трубку ворвались еще какие-то раздраженные, злые голоса. Все они что-то доказывали и требовали чего-то.

— Постойте же! — взмолился Кадыр, — Не все разом!

Однако это только подстегнуло крикунов, шум в трубке разразился с удвоенной яростью. Кто-то, очень сердитый, безжалостно звонил в другой телефон, хотя Кадыр уже держал в руке одну трубку. У него трещала голова и было больно в

ушах. Вдруг среди всего этого ада он явственно услышал иступленный голос, принадлежавший, по-видимому, самому управляющему банком:

– Что вы наделали, Кадыр Сабинович?! Вы же убиваете нас! Деньги... план... магазин... водка...

Не в силах выдержать все это, Кадыр бросил трубку на рычаг.

– Безобразия! С ума они посходили, что ли?

– Дело ясное, – сказал директор школы, – нет выручки в магазинах. Торговля замерла.

– Что ж, пусть водки побольше завезут!.. – Кадыр вздрогнул, испугавшись собственных слов. – Нет, нет, не то... нельзя сдаваться!.. Резерв?.. Сейчас же позвоню в Казань...

Но не успел он протянуть руку к трубке, как его снова начали осаждать звонки. Кадыр хватал трубку одного телефона, тут же начинал нетерпеливо звонить второй, кидался ко второму, как еще неистовей звонил третий, а за ним четвертый, пятый, шестой...

– Ничего не понимаю! Откуда здесь столько телефонов?! Уж не снится ли мне все это?..

Кадыр, которому казалось, что он сходит с ума, внезапно успокоился. До сознания наконец дошло, что он видит сон.

– Звоните, звоните! – думал он со злорадством, – Сейчас я проснусь и избавлюсь от вас... Но ведь он давно уж проснулся? Нет, если он заподозрил, что это сон (с ним так уже бывало), значит, сон и есть! Но почему не умолкают проклятые телефоны?.. А, черт, это же будильник!

И он проснулся во второй раз, теперь уже окончательно. Сердце его учащенно билось, в ушах всё еще стоял звон, хотя будильник, выжав из себя последние звуки, в изнеможении умолк. Председатель облегченно вздохнул и усмехнулся. Вот чудеса! Приснится же такое!..

Постепенно улыбка сошла с его лица, сменившись выражением озабоченности. А ведь нечто подобное может произойти и наяву. Настанут же когда-нибудь такие времена! Должны настать! А готовы ли мы к этому?.. Думаем ли в должной мере о поиске других источников дохода, отвечающих потребностям народа, служащих его благу и способных заменить проклятое зелье?.. ■

1971 г.

Перевод с татарского Азалии Бадюгиной

ВНИМАНИЮ ПЕДАГОГОВ И УЧЕНИКОВ ДЕТСКИХ МУЗЫКАЛЬНЫХ ШКОЛ И ШКОЛ ИСКУССТВ!

24-25 марта 2017 года
в Казанском
государственном институте
культуры (Оренбургский тракт, 3)
пройдёт XXI Всероссийский детско-
юношеский конкурс-фестиваль
татарской фортепианной и
камерно-инструментальной музыки
«Энжелэр-2017».

Программа:

24 марта – конкурс-фестиваль для студентов колледжей и вузов культуры по классу «общее фортепиано».

25 марта – конкурс-фестиваль для учащихся по классу фортепиано детских музыкальных школ и детских школ искусств (с 1 по 8 класс включительно).

Положение о фестивале-конкурсе размещено на официальном сайте Казанского государственного института культуры <http://kazgik.ru> в разделе «Новости».

В программу впервые включены номинации для преподавателей ДМШ, ДШИ и колледжей культуры и искусств:

- * Номинация «Педагог-исполнитель – Фортепиано соло»;
- * Номинация «Педагог-исполнитель – Фортепианный дуэт»;
- * Номинация «Учитель и ученик».

Приглашаем к участию и желаем успешных выступлений!

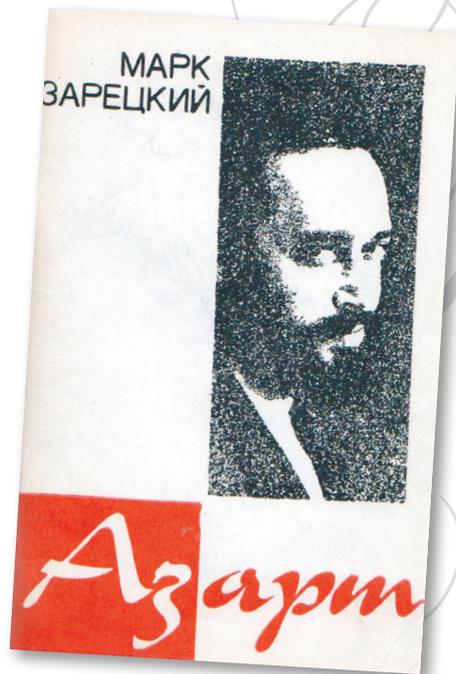
► Вячеслав Никадимус

Памяти Иосифа Бродского, Марка Зарецкого

Хоронили еврея – эпоху мою хоронили.
В грустный дождик дневной,
Проигравший на скрипке ноктюрн,
Я не плакал. Молчал. Словно это меня положили,
Пронеся меж домов и забытых асфальтовых урн,
И деревьев, целующих ветками окна,
Свет в которых за рифмой вдогонку бежал –
Кто-то был там портным, из желанья быть понятым соткан,
Ну а кто-то всю жизнь человечеству гимн сочинял.

Догорала свеча (свет давно отключили из ЖЭКа)
В одинокой мансарде под самую крышу небес...
Схоронили еврея, и боль уходящего века
Я почувствовал с Тем, кто однажды когда-то воскрес.
Хоронили еврея – эпоху мою хоронили.
В грустный дождик дневной,
Проигравший на скрипке ноктюрн,
Я не плакал. Молчал. Словно это меня положили,
Пронеся меж домов и забытых асфальтовых урн.

24 января исполнилось бы 80 лет Марку Давидовичу Зарецкому. Он был легендарной личностью – поэтом, переводчиком, редактором, а для многих и Учителем с большой буквы. Беззаветно влюбленный в поэзию, он умел вдохновить на эту любовь и других людей – не случайно более тридцати пяти лет он вел Литературно объединение при музее Горького, кстати, одно из старейших в России. Мы хотим, чтобы наши читатели вспомнили этого прекрасного поэта и человека. Стихи, представленные вашему вниманию, – из его второй и последней пока книги «Азарт».

Набира Тиматдинова

АНГЕЛЫ

1

...Странные голоса, которые называю ангелами, я слышу еще с детства. Когда в первый раз со мной такое случилось, я со страху чуть с ума не сошла, подумала, что конец мне пришёл, и со всех ног бросилась в деревню. Мама в это время во дворе доила корову, я подбежала к ней, а ноги мои никак не могли остановиться, продолжая пританцовывать на месте.

— Там... там... — захлебываясь, я рассказала о том, что со мной случилось в поле.

— Эх, наказание ты моё, — вздохнула мама и стала звать отца:

— Акмал, а ну иди сюда скорей! Скажи мне, чего мы ждем? У ребенка с каждым днём болезнь всё хуже, вот уже ангелов слышит! Перед людьми неудобно, валлахи!

Но отца эта новость не слишком удивила.

— Лябиба, жёнушка, ну что нам скрывать от своих, деревенских? И так уже кругом языком чешут, говорят, что у дочки нашей не все дома.

— Так может, Акмал, свозим её в город к доктору, который психов лечит? Пусть пропишет ей какое-нибудь лекарство.

Мама моя ничего не откладывала в долгий ящик. Как задумала, так и сделала — и вот уже меня привезли в Казань на консультацию. За голубым забором, скрываясь в глубине сада,

находилось трёхэтажное здание. Я сбилась со счета, через сколько металлических дверей мы прошли — семь, восемь, а может, и девять! Двери за нами захлопывались с грозным стуком — можно было подумать, что мы заключенные и попали не в больницу, а в тюрьму.

Старичок с седой бородкой бросил на меня всего один взгляд:

— Нечего на свою голову проблемы придумывать! Если бы их (видимо, имел в виду таких, как я) было на свете больше, а нас меньше, то они бы нас ловили на улицах и сажали бы в «желтый дом», — сказал он. — Не трогайте её, пусть живёт, как жила.

Кажется, после этой поездки мои родители смирились с судьбой. Но, впрочем, у моей мамы и отца в утешение было еще трое нормальных детей. Кому как, а мне было жалко маму, я ведь её кровиночка, последний ребёнок. Мне хотелось прижаться к ней, обнять и сказать: «Мамочка, не переживай, я у тебя умница и красавица», но когда увидела, как в её глазах гаснет последняя надежда, этот порыв утих сам собой. Сейчас будет тяжело убедить её в том, что у меня, как говорится, «все дома», да к тому же я каждый день чем-то портила ей настроение. Последний случай с ангелами был тому примером.

В том, что я была необычным ребенком, мама винила себя, хотя и ошибочно. Считала, что совершила грех, когда хотела от меня избавиться, будучи беременной мною. Однако на всё воля Всевышнего, как говорится, человек предполагает, а он располагает. Без воли Аллаха даже листик на дереве не шелохнется! Вот как всё случилось. Маме было пятьдесят, когда она узнала, что в положении. Не сказав об этом ни мужу, ни свекрови, она отправилась за три километра к врачу из соседней деревни, чтобы избавиться от плода. Подошла к лесной опушке и обмерла — на тропинке, по которой всегда спокойно ходила, сверкая глазами, сидели три волка. Не помня себя от ужаса, она припустила в свою родную Фуму. Наутро, когда страхи улеглись, мама предприняла новую попытку, но на тропинке между двумя оврагами перед ней провалилась земля, и путь оказался отрезан. Когда, не успокоившись на этом, она отправилась в дорогу третий раз, то случилось вообще невероятное: ей в ногу ударила молния, и она еле вернулась домой... Ведь можно было уже догадаться, что всё это случилось неспроста, небеса уже трижды давали знак прекратить попытки. Но мама моя продолжала упорствовать. Опасаясь, чтобы ничего не пронюхали соседи и муж, она туго-натуго перевязала себе живот, чтобы плод погиб и беременность прервалась. Моя жизнь напоминала желтый листик на дереве, готовый оторваться и улететь при малейшем дуновении ветерка...

Однажды ночью они с отцом отправились за сеном на луга. Погрузили сено в кузов и хотели уже ехать обратно, но тут сломалась машина. Отец пошел к приятелю за трактором, а ей велел оставаться в кабине.

Может, оттого что кидали сено вилами, может еще по какой-то причине, но у мамы разболелся живот. Вплотную к лугу было поле, засеянное рожью, и почему-то ее потянуло туда, чуть ли не ползком она дошла и упала на землю без сил. А в безоблачном ночном небе царил полная луна! Над самой головой, чуть не задевая ее крыльями, бесстрашно летали совы... В лунном свете кончики их крыльев казались красноватыми, словно их окунули в кровь, и от этого становилось жутко. И тут случилось то, чего так боялась моя мама и что хотела сохранить в тайне —

я решила появиться на свет! Говорят, я совсем не плакала, только тихонечко постанывала...

Отец, конечно, чуть не лишился дара речи, когда увидел завернутое в передник крошечное тельце. Потом заорал не своим голосом:

— Брось это дьявольское отродье, где родила, там и оставь!

Полуслепая бабушка Фатима, укачивая меня в коляске, ощупывала меня и бормотала:

— Что за дитя такое, маленькое, как котенок, недоношенная что ли... Видать правду Акмал говорил, и вправду чертова дочка, а не Лябибы.

Новости по деревне быстро разлетаются. Вскоре уже вся деревня знала, что Лябиба в поле попала в какую-то таинственную историю. А я продолжала всех удивлять: в отличие от других младенцев, я совсем не плакала.

Пришло время звать муллу, чтобы дать мне имя (*у татар мулла говорит имя в ухо ребенку, только после этого считается, что малыш получил имя — прим. переводчика*). Его долго пришлось уговаривать, он все находил разные причины, чтобы отказаться. Потом признался: мол, вдруг совершит грех, дав имя какому-то неведомому созданию, потом придется за это в аду гореть! Долго ли, коротко ли, наконец, собралась вся родня, соседи и друзья родителей и выбрали имя — Гашура. Маленький сверточек положили на подушку. Тут произошло то, что всех поразило: когда мулла стал шептать мне на ушко имя, то я одновременно со всеми гостями сложила ручки и подняла к лицу, как положено делать при молитве...

...Сегодня ангелы тоже спустились на ржаное поле. Кругом тишина, только мне чудится, как полные колосья, задевая друг об друга, издают еле слышный звук. Кажется, вот усилится ветер — и на землю с шорохом посыплются золотые зерна. В любое время года, даже зимой, прихожу на это место. Если прошел снегопад, то утопаю по колено в снегу, а в осеннюю распутицу приходится топтать по грязи, потому что ангелы прилетают отдохнуть только на это место. За четырнадцать лет с моего рождения я их ни разу не видела, только, затаив дыхание, слушала их нежные, сладкие, как мёд, голоса. Порой меня одолевало желание присоединиться к ним, но губы, словно намазанные клеем, словно сами смыкались. Становится боязно, а вдруг они

рассердятся? Чего-чего, а самолюбия у меня совсем нет. Если дома кто-то скажет «нельзя», а мне такое часто говорят, то я не обижаюсь. Спорить со взрослыми бесполезно, ведь всё равно в итоге правы будут они!

В своем воображении я представляла, как выглядят эти ангелы. Мне казалось, что они везде — на белых кудрявых облачках, на желтых ресничках подсолнуха, на спелых ягодах, напившихся утренней росы, на раскрывших навстречу солнцу свои венчики цветах, на зелёном ковре из трав — оставили своё прикосновение. Они поделились своими голосами с журчанием ручейка и поющими в кронах деревьев птицами... Наверно, оттого я и не могу равнодушно смотреть на прекрасную природу. Такие люди, которые, как и я, от рождения чувствуют любовь Всевышнего, возможно, есть на свете, но, видимо, они встречаются не так часто. Как сказал тот доктор с бородкой из города, если нас станет слишком много, то дело труба! С другой стороны, те, кто воспринимает мир по-своему и не подчиняется искусственно созданным правилам бытия, при встрече не поняли бы друг друга, потому что у нас, в отличие от «разумного племени», нет стремления к коллективизму, каждый сам по себе.

Однажды мама отвела меня пообщаться с девочкой Зайтуне, про которую говорили, что у нее тоже слегка «крыша съехала». Она была городской внучкой бабушки-соседки, родители привозили ее на лето. Зайтуна заливалась смехом без всякой причины, а я была серьезной и задумчивой. У нее в волосах, как в петушином хвосте, разноцветные ленточки и заколочки, одета в красивое платье с блестками. А на мне поношенный сарафан, который я сама скроила из холщового мешка. Волосы, заплетенные в косу, покрыты платком. Сразу было понятно, что мы разные, оттого мы и не сошлись с ней характерами, не понравились друг другу. В конце концов, она обозвала меня дурой, а я словно воды в рот набрала. У меня всегда так, если что-то не нравится или выводит из себя, то проглатываю обиду и не отвечаю.

...Слушая тихое, неторопливое пение ангелов, я задремала, разбудили меня прикосновения колосьев, склонившихся к моему лицу. Ах, я, засоня! Обещала же помочь Гульмарьям-апа,

а сама дрыхну посреди бела дня! Посмотри-ка, уже солнце высоко над головой, так припекает...

Что касается Гульмарьям-апа, то, бедная женщина, она своими руками испортила себе жизнь. Нашу деревню Фума превратили в современную мегафирму. Откуда-то из города прислали руководителя для этой фирмы, которого звали Шакир. Гульмарьям-апа считалась женщиной чистоплотной и хорошей хозяйкой, вот и устроили Шакира к ней на квартиру. Заявив, что «по ночам она боится привидений», одинокая женщина приглашала меня ночевать. Шакиру она отвела переднюю половину, а мы спали в другой половине — за большой занавеской. Но однажды Гульмарьям-апа отказалась от моих «услуг».

— Со мной всё хорошо, матурым, призраки больше не беспокоят, можешь дома ночевать, хорошо? — сообщила мне она. А сама глаза опустила, понятное дело, неправду говорила. Неспроста это, ох, неспроста!

Гуль-апа часто просила меня делать разные мелочи по хозяйству. Как созреет смородина, то кто собрать поможет? Конечно, я! Вот сидим, собираем в саду ягоды с куста. Вернулся с работы Шакир. Со стороны посмотреть — красавчик, каких мало. Густые брови, длинные ресницы, красиво очерченные полные губы, природа на нём не сэкономила. Говорят, нет предела совершенству, а вот и неправда — есть! Привлекательнее, чем он, мужчину, найти просто невозможно. Только красота эта была холодной, не грела она сердце. Кроме того, выскомерия в нём было хоть отбавляй.

Усмехаясь, Шакир решил меня подколоть:

— Это что за чумичка такая, в дёгте, что ли, извалялась?

— Ну, ты сказанул, Шакир! Наша Гашура просто загорела на солнце, так ведь, матурым? — поспешила ответить Гуль-апа. Голос ее, обычно властный и суровый, в этот раз звучал просто приторно. — Ай! — Вдруг она выронила емкость для сбора ягод из рук.

Шакир тут же подскочил к ней:

— Что случилось, милая? — спросил он и погладил ее по руке.

Гуль-апа при этих словах побледнела. «Милая...» А я притворилась, что ничего не слышала. Но это было всё рав-

но, что рыбка попалась на крючок. Мозг немедленно начал обрабатывать информацию. Милая — это значит... Надежное плечо, которое защитило от духов и привидений — выходит, это Шакир. Сказала бы, что желаю им счастья, но язык не поворачивался, потому что это не счастье, а трагедия. У бедной женщины, опьянённой любовью, всё еще впереди — она пока ничего не видит и не понимает...

А Шакир плотно покушал и отправился на ферму. Когда, собрав смородину, мы прилегли отдохнуть под кустом, Гульмарьям-апа сказала:

— Забирай половину, мать твоя варенье сварит.

— Спасибо, не возьму, у самих хватает.

— Говорят, чужие ягоды слаще.

— Тебе наверно, хорошо это известно, Гульапа.

— Да ладно, матурым, хватит меня подкалывать. Признавайся, ты ведь всё поняла? Ради Бога, Гашура, только никому не рассказывай, умоляю!

— Ты же меня знаешь, Гуль-апа, если я что услышу, то как будто язык проглотила.

— Ну ты, вредина, за словом в карман не лезешь!

Гуль-апа зря беспокоилась, в таких случаях я была всё равно что глухонемая. Мне бы не хотелось, чтобы по деревне разнеслись слухи, что они с Шакиром крутят шуры-муры.

Через какое-то время сияющая улыбкой «невестушка» внезапно погрузилась. Обычно я заглядывала к ней домой утром и вечером, а сегодня почему-то Гуль-апа не проводила в стадо свою корову. Зашла разузнать, в чём дело. Кажется, Шакир дома не ночевал, потому что самовар не гудит (Гуль-апа каждое утро ставила самовар для Шакира, потому что считала, что так чай получается вкуснее). Заглянула в комнату и увидела странную картину: Гульмарьям-апа на коленях стоит и бьет поклоны, стучаясь лбом об пол:

— Ведь рано или поздно встану перед судом твоим, куда деваться, — приговаривала она. — Заметив меня, всполошилась:

— Ради Бога, не подумай, что я совсем из ума выжила! Я Аллаха молила, чтобы простил нас. Мы ведь согрешили, матурым, живем с Шаки-

ром без никаха. Как потом в Судный день встать перед Всевышним? Когда прошу его провести никах, у него волосы дыбом встают. А у меня в роду были муллы, боюсь, что от такого позора мои родители в могиле переворачиваются. Да и перед детьми, которые в Казани живут, стыдно, ох как стыдно!

В один прекрасный день необъяснимым образом наш красавец соглашается на просьбу Гуль-апа. Но ставит условие, чтобы этот никах остался только между ними, при этом добавляет: «Мулла тоже будет мой знакомый».

...Я лечу в деревню, не чуя под собой ног. Гульмарьям-апа чисто-начисто прибралась в доме, на окна повесила новые занавески.

— Послушай-ка, матурым, — велела она мне, не обращая внимания на то, что я запыхалась от бега. — Помой руки и взбей-ка подушки на кровати. Не забудь перед этим «бисмилла» сказать. С тех пор, как мой Самат умер, эти подушки на шкафу так и лежали, надо их хорошенько взбить.

— Он ведь не любит тебя, Гульмарьям-апа.

— Боже мой, ты про кого говоришь?

— Про Шакира, конечно. Козёл он настоящий. Да и разница у вас в возрасте большая...

Гульмарьям-апа закрыла платком лицо. Глаза опустила.

— Эх, не сыпь мне соль на рану! Не любит, говоришь... А ты к нему в душу, что ли, заглядывала? Что ты вообще знаешь? И вообще, не твоего ума это дело. Как закончишь с подушками, иди перебери рис на пирог.

И с новыми силами хозяйка бросилась готовить угощение на стол.

— В этом году на всё, что растёт в саду, был небывалый урожай, так ведь, Гашура? И на смородину, и на вишню... Как думаешь, твоя тетя Накия приехала уже?

— Нет еще.

— Ведь самое ягодное время. И как она только терпит.

— То, что ей положено, попозже поспеет.

— Хи-хи, как будто ей отдельно посеяли! Её наверно Сибгат заждался... Они прямо как Сак и Сок! (*мифические герои, превращенные в птиц — прим. переводчика*).

— У твоего пирога низ подгорел, — сердито сказала я. Кто ей дал право сплетничать про моих родственников?!

Как ни странно, то, что я сказала в сердцах, оказалось правдой: у пирога действительно нижняя корочка подгорела дочерна.

— Много лишнего говоришь, сама виновата, Гуль-апа, — сказала я.

Никах прошёл невесело. Мулла оказался незнакомый, откуда-то со стороны.

— Какой калым приготовил, улым? — спросил он, обращаясь к жениху.

Шакир важно восседал у стола, словно петух на насесте. Не поняв вопроса, он посмотрел в сторону Гуль-апа. Что еще за калым в наше время? Опытная «невеста» быстренько вытащила из ящика шкафа золотую цепочку.

— Вот вам подарок от жениха, уважаемый хазрет!

Уф, конечно, это было неправдой. Гуль-апа эту цепочку много лет носила, у нее даже застежка уже поломалась.

Шакир довольно улыбнулся.

Говорят, браки свершаются на небесах. Но приняли ли небеса этот брак — большой вопрос... В тот вечер я не пошла на ржаное поле, сильно болела голова. Когда утром отправилась к Гуль-апа, то увидела, что подушки, которые я старательно взбивала, так и остались нетронутыми, а постель неразобранной. «Новобрачная» сидела с красными глазами и всхлипывала, хотя уже надо было идти на свою почту работать.

— Он сегодня у меня не ночевал, матурым. Не зря пирог мой подгорел, не к добру это было.

Я ничего не стала ей говорить тогда. Если бы сказала: «Вы как два берега у реки, никогда не будете вместе», то лишь подлила бы масла в огонь.

Как-то увидела ее с кровоподтёком на лбу.

— Это я о дверной косяк ударилась, — объяснила она.

— С каких это пор кулак Шакира зовётся косяком? — спросила я. Гуль-апа с опаской посмотрела на меня.

— Это кто тебе сказал, Гашура?

— Никто, сама знаю.

— Боже мой, я уж подумала, что кто-то видел. Говорят тебе, ударилась, и всё тут!

Глаза её медленно наполнились слезами.

— Да, ударил, — призналась она с тяжелым вздохом. Когда спросила его, почему он от меня отдаляется, он как заорёт: «Кто ты такая, что я

тебе должен давать отчёт?» и как накинудся на меня! Я ему ответила: «Муж». Он еще больше разозлился: «Ты меня насильно заставила этот никах провести, стерва проклятая!» Ты же помнишь, матурым, он меня раньше «милой» называл, а сейчас я стала «проклятой».

— А ты не послала его куда подальше?

— Ты что-о? — Глаза у Гуль-апа округлились. — С какой стати я его буду посылать? Я же своего Шакира люблю! А ты чего тут расселась? Иди, разноси свои газеты и журналы. Если спросят, куда делась Гульмарьям, то скажи, что уехала в центр с отчетом. У меня тут одна курица захромала, придется наверно зарезать.

Для меня говорить ложь казалась тяжелее набитой до отказа сумки, с которой приходилось ходить по улицам. Впрочем, кто меня заставит отвечать на вопросы? Если спрашивали, куда подевалась Гульмарьям-апа, то я просто отмалчивалась.

Кабинет директора Дома культуры Фазылии был закрыт. Открыли только после моего стука. У Фазылии прическа была растрепана, а лицо покраснело. Лица «зятка» я не видела, он сидел ко мне спиной. Обращаясь к этой широкой спине, я сказала:

— У Гуль-апа обед давно стынет.

«Зятек» понял, что я имела в виду, бросил на меня неприязненный взгляд из-под густых бровей — словно плетью огрел.

— Конечно, идите, Шакир Ихсанович, нельзя голодным ходить. Гульмарьям-апа хорошо готовит, — затататорила директор.

Когда вышли из кабинета, Шакир угрожающе прошептал мне на ухо:

— Эй ты, деревенская дурочка! Если кому-нибудь проболтаешься про наш никах, язык тебе отрежу!

Я не стала заходить к Гуль-апа, опустевшую почтальонскую сумку оставила на ступеньках. Из открытого окна до меня донеслось радостное воркование молодой «жены», потом послышался ложка застучала о тарелку, это Шакир сделал одолжение и согласился пообедать. Кажется, суп из той хромоногой курочки, которая еще утром бегала по двору, оказался вкусным!

Парочка «новобрачных» где-то с неделю жила мирно. Шакир прямо с работы возвращался домой.

Когда мне пришло время идти в первый класс, то я, чтобы не учиться в нашей деревенской школе, упираюсь руками-ногами. Тому было две причины: во-первых, Хайрия апа, которая должна была обучать и воспитывать малышей, жила с нами по соседству, и я слышала, как она то и дело материлась. Поэтому я никак не могла ее признать своей учительницей. А во-вторых, мальчишки из нашей Фумы при встрече постоянно дразнили меня и доводили до слез. Да и с девочками, скорее всего, мы бы не поладили. А уж директор и вовсе был озадачен: «Что мы будем с дочкой Акмала делать, она в нашей школе всё равно что лысому расческа!» Мои родители не хотели отпускать меня учиться в Салкын Чишме, хотя вроде и пять километров всего, но неожиданно оттуда приехала наша дальняя родственница бабушка Минзифа с гостинцами — привезла нам мёд. Узнав о моём желании, бабушка сразу одобрила его:

— Не волнуйся, Акмал, — сказала она отцу, — у нас в школе много приезжих детей учатся, а я за вашей дочкой присмотрю, жить у меня будет.

Мама давала мне наставления:

— Что другие делают, ты тоже веди себя так же. А своё прозвище выкинь из головы, пусть останется здесь.

Но ее советов хватило только на три урока. Я, как и мои одноклассники, старательно читала по слогам, писала в тетрадке числа. На мне, как и на остальных девочках, была форма с белым фартуком, и белые бантики в волосах. В переменку мы побежали в столовую, там нам дали картофельное пюре, которое мы торопливо съели. Стоял погожий день, на дворе ласково пригревало солнышко. А я тут сижу, как будто привязанная к парте. Мне стало так тоскливо... Где вы, мои родные улицы, по которым я бегала с ветром наперегонки? Где вы, мои поля, раскинувшиеся до самого горизонта? Откликнитесь скорее!

Тут через окошко в класс послышалась протяжная мелодия, от которой мое сердце чуть не разорвалось на части. Едва сдерживаясь, чтобы не расплакаться, я не выдержала и бросилась к окну.

— Если на моей кровати спать не будешь, то не буду готовить, — сказала я ему, — вот он хвост и поджал. — Что-что, а вкусно покушать он любит, очпочмаки, плов, фаршированная курица — его любимые блюда. А я не ленюсь, на каждый его заказ отвечаю «Есть, шеф, будет сделано!», — радостно рассказывала Гуль-апа. Но вскоре ее начали одолевать подозрения.

Позавчера я была на поле. По краю поля мимо меня пробежала Гуль-апа, но вскоре вернулась и присела возле меня на корточки.

— Уф, запыхалась я... Думала, что Шакир, а это не он оказался, — сказала она, почесывая царяпину на ноге. — Говорят, их видели вдвоём с Фазылией за старыми стогами. В машине. Кажется, я с ума сойду от ревности. Мы теперь с тобой вдвоём будем деревенскими дурочками.

— Тихе, — сказала я ей. — Слушай...

— Кого слушать-то? — Гуль-апа покрутила головой. — Никого здесь нет. Ах, да, ты ведь у нас... — Она с жалостью посмотрела на меня. А я, напротив, жалела её. Ангелы как раз читали нараспев суру «Альхам», а эта несчастная не слышит! Не дано этой бедной женщине слышать священные молитвы...

— Исламова, а ну сейчас же сядь на место, на уроке нельзя без разрешения ходить по классу, — прикрикнула на меня учительница. Но я её не слышала. За моими плечами как будто выросли крылья, я вскочила на подоконник и выпрыгнула из окна на улицу — туда, куда меня манила волшебная мелодия. У здания с увенчанным полумесяцем минаретом я споткнулась и упала. Меня подняла старушка в платке.

— Дитя, отчего плачешь? Больно ударились?

— Не могу больше, домой хочу-у-у!...

— Чья же ты дочка будешь?

— Мамина и папина-а-а...

— А как их зовут?

— Акмал и Лябиба-а-а...

— У нас такие не живут, дитя мое.

— Я из Фумы приехала-а-а...

— Ах, ты из соседней деревни? Вытри глазки, давай пройдем в мечеть. А после намаза мы с тобой чай попьем.

— Бабушка, кто сейчас только пел?

— Это звучал азан, дитя моё. У вас в Фуме нет мечети, вот дети и путают азан с песней. Меня зовут Гульмия абыстай, дитя. *(Абыстай — женщина с глубокими религиозными познаниями, часто жена духовного лица, обучавшая женщин и девочек — прим. переводчика)*. Раз приехала сюда учиться, не просись обратно, терпи. Аллах — он любит терпеливых.

— А тех, кого не любит, дедушка Аллах палкой наказывает?

Абыстай всплеснула руками, словно мух отгоняла:

— Астагфирулла! Разве можно так говорить? Аллаха никогда дедушкой не называй, если в ад не хочешь попасть. Не обижайся, дитя, что поругала тебя. Не зря тебя, видимо, Аллах к мечети направил. Будешь у меня уроки религии брать?

— Да, буду, — ответила я.

— Хорошо. Тогда с этого дня на голову повязывай платок, дитя моё.

Моё бегство с урока через окно не прошло бесследно: меня вызывали воспитывать в кабинет директора и вклеили «двойку» по поведению. Велели срочно ее исправить, но мое поведение только портилось. Странные волшебные слова, которые произносила абыстай, проникали в мой мозг. Скорее всего, будучи ребенком, я полно-

стью даже не понимала их значения, но старательно заучивала их. Когда учительница в классе спросила: «Дети, какие вы знаете слова, начинающиеся на «А»?», то я раньше всех выкрикнула: «Аллах!». На «Б» — «бисмилла», на «Г» — «Газраиль»! Учительница скривила рот, ведь таких слов не было в учебной программе. Видно было, что она злилась, но заткнуть мне рот почему-то не смела. Может, опасалась абыстай? А может, считала, что это у меня со временем пройдет? Одноклассники меня тоже обходили стороной, как-то раз увидев, что в столовой я читаю молитву, они дружно загоготали...

В деревне Салкын Чишме недалеко от мечети построили здание для медресе, но на нем висел замок. Поговаривали, что директор школы не пускал туда учеников под предлогом того, что отстанут в учебе.

— Иншалла, как только наша вера наберет силу, позовут меня и попросят обучать детей, — сказала абыстай. — Коммунисты не смогли погасить огонь веры, он всё равно разгорится.

Моя квартирная хозяйка, бабушка Минзифа, не одобряла того, что сразу после уроков я бегу заниматься в мечеть:

— Детка, у тебя ведь в школе успехи не ахти какие. Зачем тебе нужны эти уроки у абыстай? Эта Гульмия ещё та вредина, если с ней повстречаешься на улице, она тебе обзовет неверной, не соблюдающей обряды, всё настроение испортит. Мы с утра до вечера в колхозе спину гнули, куда там пять раз в день намаз читать. А она, как жена муллы, от одного застолья к другому ходила, как сыр в масле каталась.

— Но ведь сейчас у тебя времени хватает, бабушка Минзифа, — ответила я, — вы с соседками весь день на лавочке сидите и сплетничаете.

Абыстай похвалила меня за такой ответ.

— Всё верно сказала ты, дитя мое. Они свою лень оправдывают трудностями. Если бы знали, что их ждет в аду, то уже сегодня же побежали бы читать намаз. Мы на этой брэнной земле лишь гости, когда уходим, оставляем после себя нажитое добро. А с собой забираем свое духовное богатство и веру. Ты, дитя, сейчас начала собирать несметные сокровища души. Каждая молитва, сошедшая с твоего языка, сохранится у тебя в душе. Завтра разбуду тебя к утреннему намазу, оставайся у меня ночевать. Человек

без веры живёт, как будто в избе без окон и без дверей, а человек без намаза — это тот, в ком нет искры Божьей.

Хоть и говорят, что утренний сон самый сладкий, я встала раньше солнышка. А может, просто услышала покашливание абыстай.

— Первым делом соверши омовение, дитя, — велела моя наставница. Прежде чем спойт азан, ты уже должна быть готова...

Днем я уснула на уроке, положив голову на парту. Стояла осенняя распутица, дороги между Фумой и Салкын Чишме развезло, поэтому учительница не могла вызвать моих родителей и отчитать их за мое поведение. После этого случая между бабушкой Минзифой и абыстай разгорелся нешуточный скандал.

— Что тут делает этот ребенок? Родители мне поручили за ней присматривать, — заявила моя квартирная хозяйка абыстай. — Я Акмалу слово дала, что глаз с нее не спущу. Хватит уже, перестань надоедать Гашуре!

— Если это дитя встало на верный путь, то ни за что не дам ей заблудиться в темном лесу! — сразу отрезала языкастая абыстай. — Сам Аллах направил эту девчущку ко мне. Молодая веточка хорошо гнётся, не то, что вы, старые ветки, которые чуть что сразу ломаются. Вас уже не исправить, как были неверными, так и останетесь!

Бабушка Минзифа обиделась на последние слова.

— Ты чего это меня обзываешь? Я чистокровная татарка, — возмутилась она.

— Неверные в смысле те, у которых нет имана — веры, я это имела в виду, — словно оправдывалась абыстай.

— Это с какой стати у меня нет имана? Я ничего не крада, никогда никого не обижала, грехов на мне нет. А пенсию получаю за то, что много лет в колхозе пот проливала, спины не разгибая!

И верно, язык не поворачивался назвать бабушку Минзифу словом «кяфэр — неверный». Только повзрослев, я поняла, в чем была ошибка абыстай: она была слишком резкой и непримиримой, а к вере надо направлять мягко, не жалея добрых и ласковых слов. Меры, которая она применяла ко мне, могли запросто оттолкнуть других. Если собираешься разбить красивый сад, то не ленись, надо посадить цветы, дающие аро-

мат и ласкающие глаз, чтобы душа радовалась. А если твой сад зарос репейником, кому тогда он нужен? Если колючки репейника больно впиваются в кожу, кто захочет зайти в твой сад? Немного позже я ведь сумела найти ключик к сердцу бабушки Минзифы. Когда она стала учить наизусть молитвы и в доме ее как будто стало светлее, то я случайно услышала, как она приговаривала: «О, Всевышний, ради всего святого умоляю, считай нас своими подданными, преврати тех, кто тебе тянется, в своих верных слуг, вразуми нас, как и где молиться, прими наше покаяние и благослови нас. Милость твоя безгранична, только ты можешь принять наше покаяние.»

Ни в коем случае мне не хотелось бы представить абыстай злобной и неприятной женщиной! Она прежде всего была моей наставницей, а наставников нельзя судить. Ее искренняя религиозность и непреклонное следование принципам перевешивали все ее недостатки. Она не взвешивала «за» и «против», никогда ни в чем не сомневалась, а если высказывала свое мнение, то всегда прямо и без обиняков.

В течение восьми лет я усваивала от нее знания. Настало время, когда она стала шутливо называть меня «Маленькая абыстай». Попробуй-ка заслужи такое прозвище, в нем был и уважительный оттенок. Только в школе мои дела шли неважно. Мой табель состоял из одних троек, да и те учителя «натягивали» как могли. Но меня это не беспокоило. «Что за беспечность, Исламова, — все время повторяла учительница, — бери пример с отличников, видишь, у твоего соседа по парте одни пятерки!»

Со мной за партой сидел директорский сын по имени Шамиль, которого все готовы были носить на руках. Особым умом он не отличался, но держал в подчинении весь класс: домашние задания списывал у девчонок, отличницы исправляли ему ошибки в сочинениях. Мужская половина класса ему тоже подчинялась, кто-то таскал ему вкусняшки из буфета, а кто-то носовым платком протирали обувь. Только я одна держалась независимо. За это он дал мне обидное прозвище. Больно ткнув меня в бок ручкой, со злостью прошипел: «Тупица!»

Тупица... В младших классах меня это прозвище не слишком задевало, оно казалось обыч-

ным, но когда я перешла в восьмой, мой мозг отказался воспринимать это слово. Хотя учительница нас рассадилась, меня на первую парту, а Шамиля — на последнюю, он не перестал обзывать. На перемене он вместе со своими прихвостнями не давали мне проходу, вдобавок Шамиль «радовал» всех новостью:

— Отец в конце года отправит эту тупицу в Мензелинск, в интернат для слабоумных!

Теперь мне ничего не оставалось, как мучительно ждать окончания года. Но, видимо то, что, читая намаз, каждый раз я лила слёзы, не прошло бесследно: в предновогодний вечер к абыстай приехала из Москвы ее невестка, яркая блондинка Сурия. Мужа ее отправили работать за границу, и она приехала к свекрови.

Она приняла решение пожить в деревне на свежем воздухе. А спустя некоторое время стало известно, что Сурия-апа в положении. Мне было интересно за ней наблюдать: она варила только что снесенные яйца, пила парное, из-под коровы, молоко и каждое утро, растопив печку, пекла картошку в кожуре.

— Нужно есть только то, что дает нам природа, — объясняла она, к магазинным продуктам даже не притрагивалась.

Несмотря на то, что москвичка, она не смотрела на меня свысока и даже не стеснялась со мной ходить на вечерние прогулки по деревне. Однажды на столе нечаянно остался мой дневник. Полистав его, Сурия-апа округлила глаза:

— Ну, ты даешь, Гашура! Почему у тебя такие низкие оценки? Неужели ты так училась все восемь лет?

Я только плечами пожала. А моя наставница абыстай, разгорячившись, ответила:

— На кой ей сдалась эта учеба! Все молитвы наизусть знает. Вот сегодня, когда у меня в горле пересохло, вместо меня читала, без запинки и без единой ошибки.

— Нет, мама, ведь Гашуре и мирские знания тоже нужны, — не согласилась невестка. — В наше время молодые люди должны получить хорошую школьную базу.

Краем глаза замечаю, что абыстай аж лицом покраснела от недовольства. Да, наставница моя не любила, когда ей перечили. Только ее слово должно быть решающее, только она всегда права! Я слова поперек ей не говорила, она для

меня была той, которая в отсутствие родителей пригрела меня, как котенка, и я была ей от души благодарна.

— Невестушка, Сурия! Не вноси разлад в душу ребенка, я ее хочу вместо себя обучить. Мне уже не так много осталось, если покину этот мир, кто будет хранителем веры в Салкын Чишме?

— Матушка, зачем сердитесь? Я в Москве видела многих молодых людей, которые ходят в мечеть. Почти все они учатся в вузах. Вот взгляните, к примеру, на птиц — смогли бы они взлететь, если бы у них было только одно крыло?

Будучи людьми из разного времени, они не могли прийти к согласию. А мне хотя и была симпатична Сурия-апа, я не встала на ее сторону. Насмешки Шамиля сильно меня задевали, только почему-то процесс учебы в школе никак не вдохновлял. Может, несмотря на мою молодость, душа моя была уже прожившей не одну жизнь? Ах, моя душа... Ей с самого начала было тесно в школьных классах, напоминавших клетки. А учительницы, которые считали свое мнение непреклонным и не допускали никаких возражений, не вызывали никакой любви к своим предметам... Казалось бы, абыстай тоже была такой же, но от нее душа моя не съеживалась, наоборот, казалось, что от тех сур и молитв, которыми она меня учила, она всё выше поднималась над горизонтом, и каждое слово или буква в них казалась чудом, проливаясь бальзамом на мою душу. В своем мире я была самым счастливым и свободным на свете человеком!

Всё же, проявляя лояльность к абыстай, не считаться с мнением Сурии-апа было бы неуважением. Да и спорить с ней было сложно, она все верно говорила. Гостья из Москвы была не только милой, приятной молодой женщиной, она еще была современной и продвинутой и много времени проводила за своим ноутбуком, общаясь с мужем. До этого я смотреть не могла на компьютеры. Все как будто свихнулись на них, мальчишки каждую перемену утыкались в свои ноуты и планшеты, скачивали оттуда неприличные картинки и подсовывали в портфели к девчонкам. Сколько учительница ни гнала меня в компьютерный класс, я ее не слушала. Директор сказал: «Да бросьте с ней возиться, просто в конце четверти нарисуйте ей троечку в табеле», — и от меня отстали.

Сурия-апа, кажется, сразу почувствовала мою неприязнь к компу и не стала меня неволить, упрашивая научиться на нем работать. Но вопрос с занятиями поставила принципиально.

— Сама тебя буду учить! Ты только не упрячься, — сказала она. — Знаешь ли ты, что Сурия Усмановна считается одним из сильнейших репетиторов в Москве? Мы будем заниматься по специальной программе для старших классов.

Глядя в глаза Сурии-апа, я пыталась найти ответ на сложный вопрос. Зачем ей тратить время на деревенскую девочку, к которой с детства приклеились клички Дурочка, Полоумная и Тупица? Насчет абыстай было всё ясно как Божий день: она готовила себе замену. А на что надеется москвичка Сурия-апа, чего добивается? Можно было предположить, что ей в деревне тоскливо и нечем заняться, но она всегда находила себе занятия — каталась на лыжах, убирала снег, не сидела без дела. Да и с компьютером дружила, довольно много времени сидела за своим ноутом. В общем, я не смогла ответить на свой вопрос, но в одном была уверена: ее намерения были искренние...

Короче говоря, мы начали с химии. «Самая главная наука», — так называла ее моя учительница, а мне все предметы были неинтересны в одинаковой степени. Сейчас у меня график изменился — после школы бежала к абыстай, там перекусывала и, закрыв глаза на ворчание абыстай, шла в другую комнату заниматься с Сурией-апа. Хотя и считала себя равнодушной к учебе, в результате занятий крупинцы знаний мало-помалу оседали где-то в моем мозгу, я сама не знала, как это происходит. Однажды я сразила учительницу химии, получив четверку за контрольную. Она не поверила своим глазам и на весь класс заявила, что я у кого-то списала. С этого дня у меня возникло желание получать хорошие оценки, чтобы доказать, что это была не случайная четверка. Что касается Сурии-апа, то она всегда называла меня «умницей» и то и дело хвалила, кажется, хотела сделать из меня «ботаника».

Уже до летних каникул я начала довольно прилично «тянуть» по всем предметам.

— Гашура, не уезжай к себе на каникулы, давай продолжим заниматься, — предложила моя добровольная учительница.

А меня, как магнитом, тянуло в свою деревню. Я уже так давно не слышала голосов своих ангелов, мне просто необходимо было их услышать.

— Останься, Гашура, — не унималась Сурия апа.

— Я соскучилась, — отвечаю.

— По кому соскучилась?

— По ангелам. Сейчас в поле тепло, можно лечь на землю и слушать их.

— И что же они рассказывают? — осторожно спрашивает Сурия-апа.

— По большей части молитвы поют, а иногда рассказывают о событиях в деревне? Им всё на свете известно.

— Должно быть, галлюцинации, — сказала про себя Сурия-апа.

— Нет, я правду говорю! — воскликнула я.

— Гашура, тебе хорошо бы книги читать, с ровесниками общаться. А от старушек подальше надо держаться.

Абыстай сидела, перебирая чётки. Сурия-апа обратилась к ней с некоторым укором в голосе:

— Мама, ты своими рассказами про рай и ад совсем девочке голову задурила. Смотри, ей уже голоса ангелов чудятся!

Абыстай даже не шелохнулась. Спокойно положив четки на колени, она ответила:

— Могущество Аллаха не имеет границ, ну и что, подумаешь, голоса слышит? — а у самой в глазах заиграли хитрые огоньки. — Невестушка, пойдём-ка во двор, посмотрим, дело у меня к тебе есть. — А закрыв за собой дверь, предупредила:

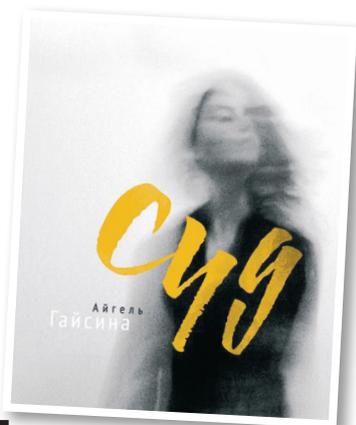
— Ты, невестка, поосторожнее с ней, в ее родной Фуме не зря говорят, что у нее «не все дома»!

Но я всегда была очень чуткой, если бы глубоко под землей прошла волна, я бы ее почувствовала. Всё, что говорила абыстай, дошло до моих ушей. Эх, ты, предательница-наставница! ■

*Перевод с татарского
Фариды Ситдиковой.*

Окончание в следующем номере.

► Фарид Хайруллин

«СУД»

(Издательство «Геликон плюс»)

На днях вышел под названием «Суд» первый сборник стихотворений замечательного поэта и музыканта, нашего земляка Айгель Гайсиной. В сборник вошли все стихи и тексты песни, написанные ею за последние 10 лет. За творчеством Айгель я слежу уже много лет и не устаю удивляться тому, насколько мастерски, изобретательно и талантливо она пишет, всякий раз умея открыть для тебя какие-то новые эмоции и смыслы. Мой восторг, между прочим, разделяет и вездесущий Дмитрий Быков, написавший предисловие к этой книге: «Айгель Гайсина — не просто хороший, а значительный поэт. Сегодня российские литераторы в массе своей брезгливо отворачиваются от жизни, и в ней действительно нечем любоваться. Тем больше заслуга человека, который умудряется писать о том, что происходит здесь и сейчас, и не сваливаться при этом ни в публицистику, ни в плакат. Стихи Гайсиной трезвы и серьезны, свободны от девчачьего надрыва и эстрадной прямоты. В общем, это хорошая русская поэзия, и мало что так спасает и обнадеживает, как она. И находится автор этих стихотворений там, где надлежит находиться в такие времена серьезному поэту: в тюремных очередях...». Впрочем, о тюремных очередях вскользь говорить не хочется. Да это и не главное. Главное, что перед нами долгожданный дебют значительного казанского поэта. Поддержим его своим вниманием. Поверьте, оно того стоит. ■

*«Тогда я любила тебя за то, что тебя родила,
За то, что была ты мала бесконечно и все же жила,
Но вот тебе два — и ты так бесподобна, и я твоя мать,
И как повезло мне, что ты согласилась со мною играть».*

«FECIT»¹

(Издательство «Free poetry»)

У дебютной книги казанского поэта Андрея Абросимова я нашёл лишь один существенный недостаток. Она очень короткая (32 страницы). Только начинаешь входить во вкус, проникаясь ритмом и звучанием стихов, как сборник подходит к концу. Зато практически каждое стихотворение здесь бьёт прямо в цель, заставляя забыть о повседневной суете и посмотреть на мир новым, «незамутнённым» взглядом. Вот послушайте только: «Слезы лезут из глаза, толкаясь в глазном проёме — вся вселенская горсть ну никак в меня не влазит. Я про всё догадывался на этой планете, кроме одного пустяка: кто там, на первой базе». Здорово, правда?! Или вот, например: «И вот эта истерика, злоба, невыносимая усталость, удивительно даже, смотри, позади осталась. Всё всегда образуется, если внутри кристалл, если эту страницу ты мимо не пролистал». По-моему, такие строки может написать только зрелый поэт, а ведь таких удач в сборнике немало.

Забыл сказать, что книгу издал чебоксарский подвижник Игорь Улангин (здесь же использованы его иллюстрации), а предисловие написал замечательный казанский филолог Никита Васильев. Надеюсь, что следующая книга Андрея Абросимова не за горами. И будет она куда толще предыдущей. ■

*«...ведь хуже нет существа в мире,
чем мужчина-филолог-мудак-поэт,
знаешь, если ты снова очутишься в этой квартире,
значит, и вправду нет».*

¹В переводе с латинского «сделал».

16+

**РКАИЛ
ЗАЙДУЛЛА**

**МЕЧ ТЕНГРИ.
– 671 с.**

В книгу вошли переведенные на русский язык рассказы и повести, эссе и заметки знаменитого писателя, лауреата Государственной премии Республики Татарстан им. Г. Тукая Ркаила Зайдуллы.

12+

**НАТАЛЬЯ
ХАРЛАМПЬЕВА**

**КӨЗГЕ ЯҢҒЫРЛАР
(ОСЕННИЕ ДОЖДИ).
– 94 с.**

Книга народного поэта Республики Саха (Якутия) Натальи Харлампьевой увидела свет в рамках серии «Тюркская литература». Здесь представлены стихотворения разных лет в переводе на татарский язык. Руководитель проекта и составитель книги – Ленар Шаех. Переводы с якутского – Ленара Шаеха, Алисы Зариповой, Алины Галиевой, Гелюси Шигаповой и Рифата Салаха.

16+

**РОМАН
ПОЧЕКАЕВ**

**«ЧИНГИЗОВО ПРАВО».
– 311 с.**

В книге впервые анализируется влияние правового наследия Великой монгольской империи на правовое развитие тюрко-монгольских государств, возникших после ее распада. Автор выявляет основные источники «чингизова права», прослеживает эволюцию его основных институтов, таких как право на верховную власть на основе принадлежности к «золотому роду», процедура избрания в ханы, налоговое регулирование и т.д. Также рассматривается действие имперских правовых институтов в отдельных государствах позднего Средневековья и Нового времени.

Адреса магазинов Таткнигоиздата:

Казань, ул. Баумана, 29/11;

Казань, ул. Баумана, 19;

Казань, ул. Декабристов, 2.

12+

**МАРГАРИТА
НЕБОЛЬСИНА**

**РУСТЕМ КУТУЙ.
– 76 с.**

Книга Маргариты Небольсины – попытка заглянуть в сложный, противоречивый, но удивительно яркий и ни с чем не сравнимый мир поэта, прозаика и переводчика Рустема Кутуя. Книга вышла в рамках серии «История татар в лицах». Автор идеи серии – Булат Хамидуллин.

► Рустем Сабиров

О Николае БЕЛЯЕВЕ

Университетское литобъединение АРС было нашим Лицеём. Туда приходили совсем ещё школяры, студенты, тридцатилетние, вроде меня тогдашнего, и даже, случалось, — вроде меня нынешнего. Полутёмная комнатуха редакции многотиражки «Ленинец» напоминала грот- грот, в котором жила поэзия. Просто поэзия. Никакая не божественная. Порой — корявая, неуклюжая, несуразная. Но жила.

Научить писать стихи немислимо, это ясно как божий день. Но можно научить учиться писать. Научить отличать истинное от подделки. Научиться читать собственные стихи отстранённо, без самолюбования. И вот это — особый дар, которым наделены немногие и который невозможен без широчайшей эрудиции, влюблённости в поэзию, безукоризненного вкуса, терпимости и ещё многих-многих черт, называемых обаянием. И вот этим даром Николай Николаевич был переполнен до краёв, с верхом.

Стихи в ту пору писались «к средам». И главным было: что скажут там, на АРСе. Вот и всё! О публикациях тогда не думали, какие тогда ещё публикации!

Я думаю, на книжных полках у Николая Беляева сыщется не один десяток книг с дарственными надписями, в которых неизменно присутствует простое и прекрасное слово: «Учитель». Он и был Учителем. С заглавной. И не только в стихах.

Лично для меня Николай Беляев, да просто Коля, был не только Учителем. Как-то незаметно и естественно ученичество переросло в дружбу. Дом Николая и Вилоры на Габишева был неким аквариумом тепла, стихов и доверия. Уходили за полночь, шли домой вдоль линии трамвая №11...

Когда Коля вернулся наконец в Казань, всё как будто бы обещало восстановиться. Да, они остались прежними, и Коля, и Вилора. Но...

Я уже говорил: нам ещё предстоит понять, как многое ушло из нашей жизни вместе с Колей.

Но как много он нам оставил.

Парфразируя классика, скажу: «Отечество нам АРС». Так было. Так есть. ■

ЖОНГЛЁР

*Памяти художника Алексея Анিকেенка
и поэта Николая Беляева*

Позабудьте серость буден цвета пыли и свинца,
У жонглёра волос скуден, но румянец в пол-лица!
У жонглёра на жилетке — расписные петухи!
У него грудная клетка как гармонные мехи!

Мир податлив и воздушен, всё прозрачно и легко.
Плащ на нем темно-лиловый и пурпурное трико.
На ремне стальная пряжка, в шляпе — перья и цветок.
На руке — татуировка, будто сизый голубок —
будто весточка от жизни, что уходит за кормой:
Чайка в небе, имя «Вера» и сердечко со стрелой.

Но струятся кольца-звенья, как уснувший водопад.
Как застывшие мгновенья — подхвати, верни назад,
Будто стелется туманно укрошённая пурга.
То цепочка, то гилянда, то «восьмёрка», то дуга.

Проступает профиль детский, всё собою заслонив.
Жизнь проходит под простецкий трехаккордовый мотив.
Детство — солнце.
Юность — ветер.
Старость — темный гололёд.
Только сердце. Только вера. И — полёт, полёт, полёт...

ПРОЩАЙ, страна ОГРОМНАЯ

Ровно двадцать пять лет назад с политической карты мира исчезла страна под названием СССР. Мы попросили наших экспертов порассуждать на тему причин и следствий распада Союза.

Считаете ли вы, что распад СССР был объективно неизбежен?

Айдар Равилевич ТУМАШЕВ,

профессор кафедры экономической теории КНИТУ-КАИ им. А.Н.Туполева:

Я убежден, что фатальной неизбежности развала Советского Союза не было. В 80-е годы наблюдались кризисные явления в экономике, снизились до 3 % темпы роста, но и о таких темпах сегодня большинство стран могут только мечтать. Кризис носил структурный характер, такие экономические болезни в своей истории преодолевали многие страны, включая США и Китай. Причины развала видятся в другом. Государства идеократического типа, к каким относился СССР, легко сломать «сверху», если подорвать систему ценностей, на которых оно держится. Причем критиковать их можно и с «левых» позиций – «больше социализма, больше демократии». Когда страна мечтателей и ученых стала превращаться в страну искателей счастья в потреблении, количество ее защитников стало снижаться, вероятность разрушения страны стала реальной.

Каковы основные последствия, на Ваш взгляд, от распада СССР?

Резеда Мухтаровна КУНДАКЧЯН,

профессор, зав. кафедрой экономической теории ИУЭиФ К(П)ФУ:

На мой взгляд, экономические последствия от распада СССР носили для России в основном негативный характер: распад СССР привел к развалу большей части традиционных связей между хозяйственными субъектами в бывших республиках и резкому сокращению производства. Разрушение этих связей было также предопределено различиями в сроках, глубине и масштабности рыночных преобразований, изменении структуры цен и т.п. в постсоветских государствах. Резко возросла экономическая и социальная цена реформ в экономике для всех государств. Отделение среднеазиатских республик устранило один из традиционных рисков ускоренной модернизации: аграрное перенаселение на фоне постиндустриальной невозможности использования избыточных трудовых ресурсов. Развал СССР способствовал значительному уменьшению как в России, так и в других государствах СНГ возможности для экономического маневра финансовыми, производственными, природными и другими ресурсами вследствие обособления экономик этих государств и повсеместного экономического кризиса. Но необходимо заметить, что в этой ситуации Россия проиграла меньше других государств, в силу сравнительной мощи и диверсифицированности своей экономики, а главное – относительной самодостаточности ее экономического потенциала. Кроме всего, на несколько лет стал затрудненным доступ

на рынки ряда государств, часть из которых утрачена безвозвратно, что стоило России значительных потерь в виде недополученных доходов, а также имело серьезную социальную цену из-за временной утраты возможности снабжать внутренний российский рынок относительно более дешевыми потребительскими товарами из стран бывшего СССР. Но вместе с тем нельзя не сказать о том, что Россия в ряде отношений имела и позитивные последствия от распада СССР, например в том, что постепенно отпала необходимость субсидировать бывшие советские республики, а также и от изменения структуры цен.

Как отразился развал СССР на отраслях бывшей социалистической экономики?

Рустем Лукманович САХАПОВ,

профессор, доктор технических наук, член-корреспондент Академии наук РТ:

Я могу показать последствия распада СССР на примере сельскохозяйственного машиностроения. К началу 90-х годов в СССР в отрасли было более 230 заводов. Кроме того, выпуском сельхозтехники занимались многие предприятия других отраслей, в том числе ОПК. Распад СССР практически привел к развалу отрасли. Заводы, расположенные в национальных республиках, оказались зарубежными предприятиями. Разорвались кооперативные связи. Образовавшуюся нишу сразу заняли тракторы американской фирмы «John Deere», сеялки и плуги немецкой фирмы «Lemken», немецкие комбайны «Claas». Да, в технологическом плане они были более передовые, но не учитывали ни особенности почв, ни погодных условий, быстро изнашивались и ломались. К тому же были в разы дороже отечественных. Сегодня, несмотря на острую необходимость в сельхозтехнике отечественного производства, возродить отрасль вряд ли удастся: разрушены научные школы, система подготовки инженерных кадров и рабочих специальностей, утрачены производственные площадки.

Как Вами был встречен распад СССР и как сегодня Вы бы отнеслись к этому процессу?

Светлана Германовна АБСАЛЯМОВА,

доцент кафедры территориальной экономики ИУЭиФ К(П)ФУ

Тогда, 25 лет назад, известие о распаде СССР было встречено достаточно спокойно. Все ждали перемен и были уверены, что они будут только к лучшему. Никто не ожидал, к каким социально-экономическим последствиям это приведет. А впереди был развал советской экономики, разрушение интеграционных процессов, стремительное расслоение населения, разбазаривание социалистической собственности, рост безработицы, смертности, межнациональные конфликты, война в Чечне. Я думаю, сегодня многие хотели бы вернуться назад, в восьмидесятые. И реакция на распад СССР была бы иной. Легко решили лишь одну проблему – дефицита. Но и она сегодня видится в другом свете. Нехватка отдельных товаров в советские времена с лихвой компенсировалась умением семей готовить, шить, вязать. Сейчас в магазинах есть все, но это уже никого не радует, даже детей ничем не удивить, у людей пропало ощущение Праздника. И это тоже очень печально. ■

► Марат Шакирзянов

«Делай ДОБРО, слушай «DABRO!»

В середине 90-х годов рэп становится частью всемирной массовой культуры и сверхпопулярным на музыкальных телеканалах. Синглы быстро набирают обороты, активно используется криминальный сленг, а СМИ наперебой обсуждают и освещают новинки гангсты, джи-фанка, басовых линий и прочие прелести клубной культуры. Появляются порталы и сайты, продвигающие рэп-культуру в широкую молодежную аудиторию. Рэперы носят широкие штаны и свисающую до колен рубашку, бейсболку, развернутую козырьком на затылок, цепочки, модные рюкзаки.

РЭП можно назвать мелодекламацией, потому что смысл текста в нем играет решающую роль. В нем велика возможность самореализации для талантливой молодежи, а условия жизни в большом городе создают предпосылки для неформальных объединений и выражения новых социально-культурных ценностей. Простые гармонии и короткие музыкальные фразы рэп закольцовывает в непрерывный рефрен. Это очень импонирует подросткам, которые декламируют текст на концерте в такт любимому исполнителю и прихлопывают в ладоши, от чего мгновенно возникают симпатии к той или иной группе. Активно повлияла на хип-хоп электронная музыка. «Продвинутые» ди-джеи активно внедряли новинки

Вдохновляет вся жизнь вокруг. Мы стараемся поделиться со слушателями теми эмоциями, которые есть в нашей жизни.

«брейк-бита» в технику ямайского «даба», развивая хип-хоп.

Группа «Dabro» – популярная музыкальная группа, продюсерами и исполнителями которой являются два родных брата – Иван и Михаил Засидкевичи. «Dabro» – это стильные танцевальные песни с актуальными темами. Это новое явление современной музыкальной индустрии, которое вдохновляет своим примером десятки тысяч людей по всему миру!

Расскажите о переезде в Казань, о своих родителях, и музыкальной деятельности. Есть ли у вас музыкальное образование?

Иван: Родом мы из Украины. В 2015 году мы выступали в Лужниках (г. Москва). После концерта познакомились с певцом BahhTee (Бахтияр Алиев – российский певец, автор многих песен, который получил известность через социальные сети и которому позже удалось донести свое творчество до телезрителей и радиослушателей – М.Ш.) Он предложил, чтобы мы написали для него альбом. Мы решили, что на период написания музыки нам удобнее переехать в Казань, так как у Бахтияра здесь много друзей. Всего за полтора месяца нам удалось написать 10 песен для студийного альбома BahhTee, после чего он вернулся в Москву, а мы решили остаться.

Мы пишем песни и музыку для многих популярных исполнителей. Также к нам обращаются и молодые артисты, с которыми мы тоже с удовольствием сотрудничаем в свободное от гастролей время.

Михаил: У нас есть музыкальное образование. Мы оба закончили музыкальную школу по классу аккордеона.

Иван: А я еще и музыкальное училище, где освоил игру на гитаре, барабанах, трубе, фортепиано и получил специальность преподавателя аккордеона, артиста и дирижера оркестра.

Михаил: Наши родители сейчас тоже живут в Казани. Они артисты, многие их знают как Светлану и Николая Донецких. Мероприятия, на которых они выступают, всегда проходят на «Ура!». Благодаря им, мы начали писать песни, ведь именно родители нам привили любовь к музыке!

Это новое явление современной музыкальной индустрии, которое вдохновляет своим примером десятки тысяч людей по всему миру!

Как приходит вдохновение и из чего вы черпаете сюжеты для песен? Или это глубоко личное?

Иван: Если честно, я не знаю, как приходит вдохновение, ведь оно от меня и не уходило (смеётся).

Михаил: Вдохновляет вся жизнь вокруг. Мы стараемся поделиться со слушателями теми эмоциями, которые есть в нашей жизни. А темы подбираем так, чтобы они максимально точно передали настроение и наши мысли.

Иван: Мы всё делаем искренне, люди чувствуют это!

Михаил: На наши концерты люди идут за положительными эмоциями и получают их! Они подпевают нам, танцуют вместе с нами, что, кстати, тоже очень вдохновляет.

Вы пишете песни вместе или раздельно? Что изначально – мелодия или слова?

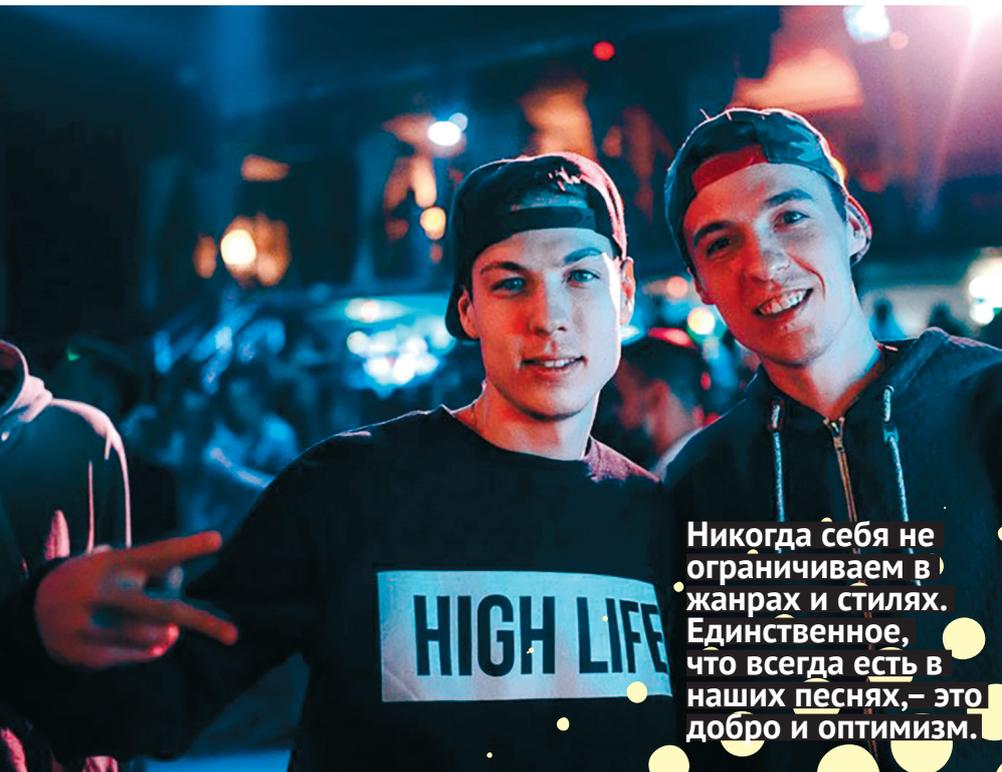
Михаил: Всегда по-разному. Бывает, что первыми появляются слова, а иногда наоборот – сначала придумывается мелодия.

Иван: А бывает такое, что слова приходят вместе с мелодией. Или я начал работать над музыкой, а в это же время Миша сочинил к ней подходящие слова.

Сколько песен сегодня в вашем репертуаре?

Иван: Если честно, мы никогда не считали. В интернете можно найти более 100 песен, но написано их гораздо больше. Мы начали писать в то время, когда еще интернет не был настолько доступен. А сейчас мы не хотим выкладывать старые песни, ведь мы подготовили много новых, которые скоро все услышат!

Сколько альбомов уже вышло? Когда следующий?

Никогда себя не ограничиваем в жанрах и стилях. Единственное, что всегда есть в наших песнях, – это добро и оптимизм.

Михаил: Если ранние альбомы тоже считать, то у нас вышло 4 полноценных альбома и два мини-альбома. Свежий мини-альбом «Работа подождет» мы выпустили этим летом.

Иван: В сентябре мы выпустили новую песню «Кажется». Помогла нам в этом компания «MakeitMusic» (компания лейбла *BlackStar*, главой которого является известный рэпер *Тимати*). Сейчас мы снимаем клип на эту песню. Это планы на ближайшее будущее.

У вас есть стилевой ориентир?

Михаил: В каждом стиле есть классные песни, вот мы и стараемся написать эти классные песни.

Иван: Никогда себя не ограничиваем в жанрах и стилях. Единственное, что всегда есть в наших песнях, – это добро и оптимизм. Но это потому, что мы сами добрые и оптимистичные парни (улыбается).

Вам хватает креатива в жизни и в музыке?

Иван: Креатив – это наша жизнь, записи, гастролы, интервью. Уверены, что это только начало.

Какие сложности возникают при работе в студии?

Иван: Иногда мы не сразу можем определить манеру исполнения песни, долго репетируем, пробуем различные варианты.

Часто ли вы используете синтезатор?

Михаил: Безусловно, мы часто используем синтезаторы, но виртуальные. Их множество. Нам повезло, что мы живем в 21 веке.

Есть ли у вас друзья среди казанских исполнителей?

Иван: Мы знакомы с Диларой Вагаповой из группы «Мураками», группой «Прогульщики», «Doratti», хорошо общаемся с Хабибом Шариповым.

Самые удачные ваши песни, которые знают все?

Иван и Михаил: «Фиолетово», «Кажется», «Ты мой мур». Эти песни – наша визитная карточка. Они очень популярны в интернете и активно ротируются на радиостанциях не только в России, но и за рубежом.

Нет желания написать рок или рэп-оперу?

Иван: У нас много планов, но об опере пока не думали. Просто нет времени, мы все время на гастролях. Есть большое желание спеть свои песни с Государственным симфоническим оркестром Татарстана.

Любовь – вечная тема. Она близка братьям Засидкевичам?

Михаил: Конечно, близка. Любовь бывает разной. Любовь к родителям, детям, природе, музыке. Если говорить о любимой девушке, то ни у меня, ни у брата её пока нет.

Приходилось сталкиваться с завистью?

Иван: Так складывается, что мы всегда встречаемся и работаем с добрыми и очень искренними людьми, от которых не чувствуем зависти. Может, тайне кто-то и недоброжелателен к нам и нашему творчеству, но мы этого не ощущаем.

Иногда вы впадаете в депрессию?

Михаил: Я никогда не впадал в депрессию. Считаю, что плохого настроения не бывает, бывает отсутствие хорошего.

У вас есть любимые композиторы?

Иван: Очень люблю Моцарта, Вивальди, Чайковского, творчество

RAP

М.И. Глинки. Из современных композиторов выделю Игоря Матвиенко, Константина Меладзе и Алексея Потапенко, которого вы все знаете под псевдонимом Потап.

Вы общаетесь с поклонниками в Интернете?

Михаил: Да, мы стараемся уделять время общению в интернете и по возможности отвечаем на сообщения. Так же делаем видео-трансляции в YouTube, где в прямом эфире отвечаем на вопросы слушателей.

Иван: А еще мы снимаем видеоблог, который можно посмотреть в нашем официальном сообществе ВКонтакте. Там мы рассказываем о своих планах, показываем, как проходят наши концерты, делимся впечатлением о них.

Как вы относитесь к музыкальному пиратству?

Иван: Охрана авторских прав – важная сторона творчества. Но не

у всех есть возможность купить новый альбом или песню, поэтому свои творения мы так же выкладываем в сообществе ВКонтакте. Там их можно послушать и скачать бесплатно. А желающий купить всегда может это сделать в iTunes, GooglePlay и т.п.

Публика в Украине и в России чем-то отличается?

Михаил: Лично мы не видим отличий. На наши концерты всегда приходят очень хорошие и позитивные люди!

В каком городе концерт был самым запоминающимся?

Иван: Каждый город запоминается по-своему. Где-то было больше людей, где-то приятные подарки, где-то необычная и интересная сцена. Мы давали концерты на крыше, на пляже. Выделить один город просто невозможно, ведь в каждом было что-то своё.

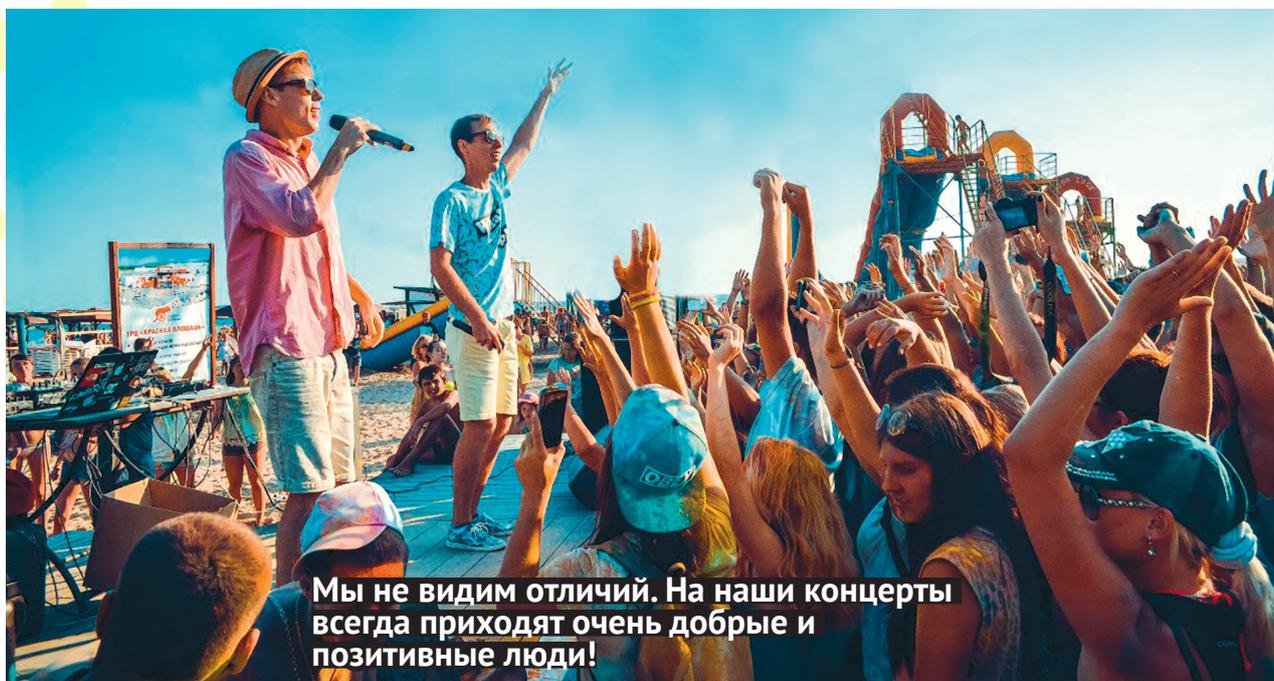
Случались ли у вас интересные истории, о которых можно рассказать?

Михаил: Таких историй немало. Однажды мы ехали в московском метро и мне позвонил Баста (*известный рэп-исполнитель, судья шоу «Голос» на Первом Канале*). До этого мы с ним переписывались, и он знал о нашем приезде в Москву. Баста пригласил нас к себе в студию Газгольдер, где мы смогли посмотреть на его работу, оборудование, обменялись опытом и получили множество положительных эмоций.

Меняя взгляды на мир, мы полностью меняемся?

Иван: Конечно, мы меняемся. Мы учимся, набираемся опыта! На человека влияет его окружение – люди, город. Сейчас мы живем в Казани, здесь нам нравится и очень комфортно.

Михаил: Очень хочется, чтобы все люди менялись только в лучшую сторону. ▀

Мы не видим отличий. На наши концерты всегда приходят очень хорошие и позитивные люди!

► Рустам Имамов

Потери и обретения ВАЛЕРИИ МИКШИ

Кёрлингистка сборной Голландии встретила в Казани с семьёй после трёхлетнего перерыва.

Недавно в Казани закончился чемпионат мира по кёрлингу. Не только в нашем городе, но и в России в целом впервые проводились соревнования такого уровня, по этому необычному, но довольно древнему виду спорта, в котором тяжёлые снаряды («камни») пускаются по льду в сторону размеченной мишени («дома»), а спортсмены для придания снаряду нужной траектории трут щётками ледовое поле, по которому он катится. Все мы, конечно, видели соревнования по кёрлингу в трансляциях с олимпиад, и вот теперь в беседе с нашей героиней появилась возможность приобщиться, углубиться в суть, узнать профессиональные термины, названия бросков в кёрлинге: «хит-энд-ролл», «хит-энд-стэнд», «хаммер» и прочие.

История Валерии Микши оказалась тесно связанной с Казанью! Здесь она делала первые шаги в кёрлинге. Затем спортсменка переехала в Челябинск. Выступала за юниорские и молодежные сборные России, но так и не нашла себя во взрослой команде. Последовал трудный, с оттенком скандальности её отъезд в Нидерланды. Валерия почти 3 года не видела свою семью, оборвав практически все связи с близкими в России. Но именно в Казани, в городе, где она делала свои первые шаги в спорте, воссоединение с родными, наконец, произошло. Это случилось, как можно догадаться, в дни проведения казанского чемпионата мира по кёрлингу. Там же мы и встретились с нашей героиней и её родными.

Фото из архива Валерии Микши

– Валерия! Каково это, после столь долгого перерыва вновь иметь возможность обнять свою семью?

– Это невообразимо. Каждый день здесь для меня как праздник.

– По Казани скучали?

– Не буду врать, я не так хорошо помню места, где гуляла, по правде говоря, и времени не было на прогулки. Но я хорошо помню людей, с которыми я здесь была, с кем мне было хорошо. Казань для меня – это прежде всего люди: друзья, одноклассники, ребята из секции, соседи. Семья, безусловно. Казань – родной для нас город, здесь выросла я, мои родители, бабушка с дедушкой. Это больше чем просто город. Это наша фамильная ветвь. Здесь родилась семья Микша. Сотни случайностей, тысячи условностей привели к тому, что я сейчас говорю с вами. Именно Казань сделала все это возможным. Вот что для меня значит Казань.

– Но сейчас вы живёте далеко от Казани, у вас новые друзья. Родите-

ли живут в Челябинске. Что сейчас вас связывает с Казанью?

– Здесь мои бабушка с дедушкой, они так и не переехали. Есть несколько старых знакомых, иногда переписываемся в соцсетях. Но, прежде всего, для меня Казань – это дорогое воспоминание, связь с детством – лучшей порой нашей жизни. Здесь я стала человеком, здесь прошли первые годы жизни... Это нельзя переоценить. Казань сейчас – это огромный ме-

Звонили из Нидерландов. Приглашали в Высший Университет Утрехта на любую специальность. Помогут возобновить карьеру. Предоставят жилье, оплатят все трансферные и миграционные расходы, будут платить ежемесячное довольствие.

Отец Валерии Михаил:

Мы гордимся своей дочерью. Не потому что она керлингистка, не потому что она играет на Чемпионате мира. Потому что она хороший человек. Она честно выполняет свою работу. Пусть она сменила бело-красные рубашки на оранжевые, пусть переехала из России в Голландию. Она осталась такой же кудрявой Варей, которую мы любили и растили (Варя – домашнее имя Валерии). Пусть она совершила ошибки. Но мы ее всегда любили и будем любить. И поддерживать. Не важно, за кого она играет, важно как. А играет она сердцем.

Мать Валерии Анастасия:

Варя, наша маленькая Варя! Как же мы по ней соскучились. Не спорю, в свое время мы на нее злились, и, право, было за что. Мы же ее любим, мы же переживаем за нее. А она нам ничего не сказала, убежала и не давала о себе знать. Но мы по ней соскучились и сейчас наслаждаемся такими редкими минутами общения друг с другом. Это и есть истинное счастье.

Алексей, дедушка Валерии:

Варечка, как же я рад ее видеть! Все, что нужно старому человеку, чтобы вся семья была рядом.

гаполис, сотни автомобилей. Вокруг чисто, красиво. Высотные дома, метро. Прекрасные спортивные объекты. Казань, все же, не Европа, но очень близка по комфорту к тому же Утрехту. При этом не потерялся тот самый восточный колорит. Казань, действительно прекрасное место. Я счастлива быть здесь.

– Вернёмся к тому драматичному моменту, вашему отъезду...

– Я тогда уже почти год не выступала на крупных турнирах, хотя за Челябинск (Челябинск – столица российского кёрлинга, куда Валерия переехала из Казани на заре своей карьеры – Р.И.) я показывала хорошую, наверное, даже отличную статистику. Но стоило мне появиться на сборах в Новогорске – то травма, то плохая физическая форма... Постоянно не везло. А тренер нас не поддерживал: «не можете, не хотите – не надо». Мы были лишними, я с этим мириться не хотела. Уважаю Гудина, но мы с ним не сработались. Об этом знали все, это и не скрывалось. Хотела завершать профессиональную карьеру, пойти учиться. И тут звонок. Звонок, который изменил мою жизнь.

– Из Утрехта?

– Звонили из Нидерландов. Приглашали в Высший Университет Утрехта на любую специальность. Помогут возобновить карьеру. Предоставят жилье, оплатят все трансферные и миграционные расходы, будут платить ежемесячное довольствие. Как от такого откажешься?

– Но ведь ничего в мире не делается просто так. Вам пришлось поменять гражданство. Это было обязательным условием?

– Конечно, напрямую мне об этом не говорили, но иначе я поступить

не могла. Получилось так: с одной стороны, есть государство, которое стремится сделать свой кёрлинг более конкурентоспособным, а с другой – я. Я хотела вернуться в большой спорт, комфортно тренироваться и учиться в престижном университете. При этом жить в хороших условиях и не жаловаться на финансы. В общем, наши интересы совпали.

– А как отнеслись родители?

– Они бы не отпустили. Поэтому я им ничего не сказала. Я никого не предупреждала. Собрала документы и убежала. Многие друзья от меня отвернулись. Друзья по сборной, вообще почти все друзья по кёрлингу перестали со мной общаться. Наверное, то и не друзья были во все. Теперь у меня много друзей в Голландии, не только спортсмены, но и ребята из университета, они очень помогли мне освоиться в не-

знакомой стране. Но я быстро стала своей. По родителям скучала, я не из тех, кто забывает своих родных, но я боялась им звонить, не знала, как объяснить, чтобы не ранить, не обидеть, не шокировать их.

– И как в итоге решились?

– Так и не решилась. Они узнали обо всем через моего бывшего тренера. Думали, что я на сборах, но долго не возвращаюсь. Решили уточнить, что да как, и получили весьма развернутый, как я поняла, ответ. Родители мне позвонили, и это был, наверное, самый тяжелый разговор в моей жизни.

– Почему?

– Говорила с отцом. Он всегда строг, но справедлив. Не ругал, не кричал, просто спросил: «Почему не сказала сама? Почему не спросила? Мы бы поняли, приняли все, все, кро-

Кёрлинг – это смесь физиологии и интеллекта, кёрлинг – спорт благородных людей, спорт интеллигентов.

ме такого побега». Мне было стыдно, да, невероятно стыдно, я плакала. Не могла сдержать слез, пропустила потом несколько дней тренировки, пеняя на температуру.

– Как смогли прийти в себя?

– Сходила на прием к психологу. В России так делать не принято, а зря. Хороший психолог проникает в душу, видит тебя насквозь, помогает решить нравственные проблемы, понимая их суть. Мой «мозгоправ» посоветовал подготовиться к новому разговору и снова поговорить. На этот раз позвонила сама. Говорила с мамой. Вместе поплакали, посмеялись, рассказали, что да как. Стало гораздо легче. Потом стали каждый вечер созваниваться.

– А что лично для вас керлинг? В чем видите философию игры?

– Керлинг – это смесь физиологии и интеллекта, нужна невероятная выдержка, умение сдерживаться и раскрываться, готовность биться и трудиться, не жалея себя. При этом керлинг – спорт благородных людей, спорт интеллигентов. В нем нет места насилию, ненависти, дискриминации, ксенофобии. Это спорт для всех и каждого, спорт без ограничений, спорт, делающий нас сильнее, умнее, добрее и лучше. Спорт великих людей.

– А как вы попали в керлинг?

– Случайно. Классическая история: хотела пойти заниматься фигурным катанием – секции были забиты... А тут я встречаю своего первого тренера, Валерию Николаевну. Она рассказывает мне про керлинг, говорит, что это перспективный, интересный спорт, для грациозных и умных девушек. Я решила попробовать, сначала не понравилось, если честно.

– А почему?

– Мне показался керлинг медленным, степенным. Я тогда была горячей, энергичной, эмоциональной. Но стоило нам сыграть пару матчей с достойными соперниками, как я включилась в процесс, у меня загорелись глаза.

– Все-таки в керлинге важнее уметь сдерживать себя, а не выплескивать силы и эмоции. Как справлялись на первых порах с этим?

– Силы я оставляла в тренировочном зале, на ОФП. Эмоции после матчей и эндов были как положительные, так и отрицательные – в зависимости от того, как шла игра. А вообще керлинг очень многое дал в плане становления меня как личности. Это сейчас я уверенная в себе, спокойная и статная девушка. В десять лет я была совсем другой.

– А что же заставило юную Валерию покинуть родной Татарстан?

– В те годы особенных перспектив развития керлинга в Татарстане не было. Абсолютно. Сейчас, насколько я знаю, подвижки есть, президент ваш обещал сделать Казань центром российского керлинга... Но на тот момент, да и сейчас всё ещё, столица российского керлинга – это Челябинск. Несколько сильных команд, финансирование, хорошие условия для тренировок – неудивительно, что там почти весь «бомонд» нашего керлинга. Хотя в последнее время многие предпочитают Москву, Подмосковье и Сочи.

– А вам как жилось в Челябинске? Не скучали?

– Конечно, Челябинск, это не Казань, пусть и начала нулевых. Типичная русская провинция, хотя жителей немало, город достаточно большой. Но у меня не было времени скучать,

я тренировалась, выступала, ездила с командой, училась.

– В тот переезд с вами были родители?

– Конечно, огромное им спасибо! Очень многое они мне дали тогда, в плане поддержки, моральной, психологической, да и финансовой тоже. Без них я бы не справилась.

– Они переехали исключительно ради вас?

– Не совсем. Так совпало: предложили работу моему отцу в Челябинске на заводе «Мечел». И мама имела возможность сменить место жительства. То есть процесс нашей миграции был практически безболезненным. Думаю, они бы в любом случае переехали. Уж слишком они меня любили, не хотели отпускать меня одну.

– Как вы попали в молодежную сборную России? Ключевую роль в этом сыграл переезд?

– Хм, думаю можно было бы, конечно, заявить о себе и в Казани, но это было бы гораздо сложнее. В Челябинске я была под присмотром всего тренерского состава национальной сборной, всегда на виду. Со своей командой выиграла юниорский чемпионат, я была скипом. Позвали на сборы в Новогорск, начала заниматься в Подмосковье. Поехали в Финляндию, затем на турнир в Чехию. Под конец года поехали в Канаду на чемпионат мира до 19-ти лет.

– Вы волновались?

– Конечно, еще бы! Это был часик для меня. Решалась моя дальнейшая карьера, моя судьба. Помимо выступления за родную страну, что, безусловно, честь для меня, это был отличный шанс заявить о себе как о профессиональной керлингистке.

– **И вы им отлично воспользовались.**

– Да, в последний момент меня назначили скипом, мы неровно прошли группу, но в плей-офф уже взяли свое.

– **Мало кто верил, что вы победите Шотландию, Канаду...**

– Мы вышли, собрались и сделали это. И это было потрясающе.

– **В вас, действительно, мало кто верил перед турниром и стартом игр на вылет. Что изменили в своей игре?**

– Возможно, это прозвучит пафосно, но за две недели в Квебеке мы стали гораздо взрослее, ответственнее. Мы стали профессиональными атлетками, именно атлетками. У нас было мастерство, мы знали тактические тонкости, но не было профессионального подхода к делу.

– **Вы вытащили несколько, казалось бы, потерянных матчей. Это благодаря тренеру? Вере в себя? Характеру? Или же это просто удача, случай?**

– Без удачи в нашей жизни, тем более в спорте, никуда. Но на фортуна надеяться, а сам не плошай. Когда проигрываешь в матче плей-офф, когда нет права на ошибку... Просыпаются новые силы, то самое «второе дыхание». Ты перерождаешься, отдаешь себя игре без остатка. Только там рождаются великие победы.

– **Ту победу, действительно, многие считали «великой». Однако после нее у вас, да и у других девочек начались проблемы...**

– Все-таки взрослый спорт сильно отличается от молодежного, юниорского. Нам сложно было сразу перестроиться, а тренеры не

хотели давать нам время. Требовался сиюминутный результат, никто не хотел менять накатанные 4ки и 2ки, дать шанс молодым. Как же это по-русски: лучшее враг хорошего... Не хотели рисковать, пробовать новое.

– **Опишите голландский керлинг? Развивались ли вы как спортсменка, много ли потеряли?**

– Ничего не потеряла, а приобрела немало. В России меня ждало, похоже, забвение. А в Нидерландах я стала главной звездой, на меня равнялись, надеялись, видели потенциал. Вообще, в Голландии керлинг развивается даже дольше, чем в России, очень давно уже, более 70 лет. А нет результатов, нет спортсменов. Поэтому решили попробовать звать иностранную силу, начали с тренеров, затем уже самих керлингистов начали «вербовать».

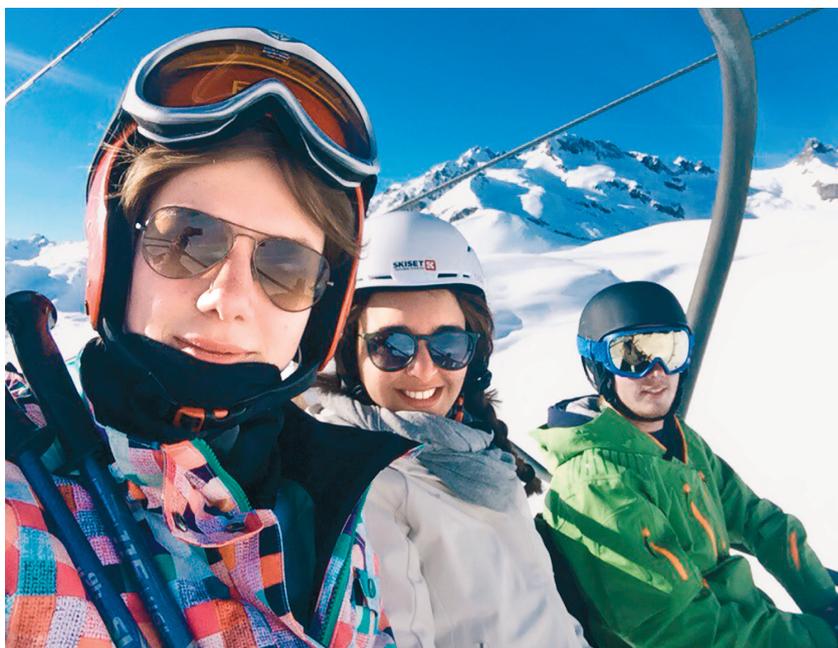
– **Вы не единственная?**

– Есть еще два шотландца в мужской команде.

– **А как вас приняли партнеры по команде, соседи, тренера?**

– С соседями я мало общалась, не так много времени, да и не принято в Европе много общаться с соседями. Но они всегда учтивы, приветливы, готовы помочь, если нужно. Никогда не будут лезть, куда не следует, обсуждать, «песочить» как у нас принято. Тренерам была интересна только моя игра – и я была на голову выше голландок, на меня смотрели как на мессию. Местные керлингисты поначалу завидовали, смотрели искоса, но это только на первых порах. Вскоре мы нашли общий язык, ребята и девочки поняли, что я мало чем от них отличаюсь.

– **Вы много говорите о пренебрежительном отношении россиян к Западу, о наших стереотипах. Но неужели их нет на самом Западе, стереотипов о России? Знаменитая концепция медведь-водка-шапка-ушанка? Как вообще представляют Россию на Западе, в Голландии?**

– В первую очередь, бояться. Влияние СМИ, газет, телевизора. Есть опасения по поводу собственной безопасности. Они удивляются нашей милитаризованности, поклону оружию, силе. Про водку, шапку и медведей меня не спрашивали, так, пару раз шутили. На самом деле много хорошего знают в Голландии о России, например о нашей культуре. Правда, Достоевского и Толстого в Нидерландах читают лучше, чем в родной России. Мне лично так показалось. Не так любят поэзию – ее сложно перевести, но с большим уважением относятся к прозе. Художникам. Композиторам. Я бы не сказала, что смотрят на нас как на исключительно дикарей. Знают, что есть разные русские.

– Вы говорите по-русски с акцентом, красивый язык, но говор присутствует. Это из-за отсутствия практики?

– Да, до Казани мне редко приходилось говорить на родном некогда языке. А с кем? Где? Зачем?

– Связывались ли с вами Федерация керлинга России, наши чиновники из мира спорта, дипломаты?

– А зачем им со мной было связываться, а мне с ними? Им известна моя позиция, мне – их. Они различные, весьма различные. Но в чьей-то помощи я так нуждалась.

– Вы вернулись в ритм тренировок, перелетов и бесконечных турниров. Побывали в разных странах. Думали, что рано или поздно приедете в Россию?

– Календарь строится заранее, я за два года до чемпионата знала, что он будет в Казани. Но я не думала, что меня заявят в сборную категории «микст». Я обычно выступаю только с девушками, но тренеры

еще в начале года стали пробовать меня в смешанной сборной. У нас неплохо пошло, и пока я остаюсь в «миксте».

– Ходят слухи, что у вас есть отношения с партнером по сборной.

– На то это и слухи. Всему свое время, я скажу, когда будет нужно, когда будет что сказать. Но в дыхателях я недостатка не чувствую.

– А молодой человек, бывший с вами в Челябинске? И он от вас отвернулся?

– Да, но я и не удивлена. С Лешей у нас были странные отношения, я не расстроена, я все понимала.

– Что испытали, когда окончательно попали в списки участвующих Чемпионата мира в России?

– Безудержную радость. Я очень соскучилась по родным, бабушке, дедушке, родителям, по брату с сестрой. Вот как получается, керлинг нас разлучил, но он же потом нас здесь всех и собрал, пусть и ненадолго. Действительно, о спорт, ты мир! Великая вещь керлинг. Так влияет на жизни людей.

– Сейчас вы в родном городе, в Казани, занимаетесь любимым делом, среди родных, любимых и близких. Это и есть счастье?

– Абсолютно верно. Я на седьмом небе от счастья. Не думала, что скажу когда-либо такое.

– И даже неудачи сборной Голландии на вас не давят?

– Нет-нет. Конечно, хочу показать себя на родной публике, но это сейчас не самое главное. Завистникам и злословам все равно ничего не докажешь. Да и смысла нет доказывать.

Великая вещь керлинг. Так влияет на жизни людей.

– Сборная России же идет весьма уверенно.

– Я рада за них. Честно. Без иронии. Мы до золота не дойдем, пусть победит Россия. Ребята заслужили, особенно Саша Крушельницкий. Я искренне желаю им счастья.

– Что планируете делать дальше?

– Жить, тренироваться, играть в керлинг, учиться. Но, прежде всего, жить и наслаждаться каждым прожитым днем. Ведь нам не так много отведено дней на этом свете. ■

► Инзиля Шакирова

ГИМНАСТИКА — ЖИЗНЬ!

Спорт, здоровое питание и отказ от вредных привычек – это то, что интересно подрастающему поколению именно сегодня. Все больше людей «находят» себя в этом, отдавая предпочтение здоровому и светлому будущему. Алсу Шарипова – кандидат в мастера спорта по художественной гимнастике. Спорт для нее – это образ жизни и бесконечные эмоции.

«В гимнастику меня привела мама. Однажды она увидела объявление о занятиях и решила меня туда отдать. С того момента я и занимаюсь этим видом спорта, чему очень рада!» – говорит Алсу.

Девочка с первых занятий полюбила гимнастику. Она упорно старалась делать все правильно, подражая своим кумирам, тем самым двигалась к успеху. Первое соревнование Алсу прошло в самом начале спортивного пути, где ей присвоили звание юной гимнастки. Это помогло ей еще больше испытать себя и получить опыт. Через некоторое время спортсменка поняла, что гимнастика – это увлечение на всю жизнь.

Сейчас Алсу продолжает терпеливо заниматься и достигать вновь поставленные цели. Она объездила много городов России, участвуя в различных соревнованиях. Прошла через победы и падения. Спорт помогает Алсу находить новых друзей, развиваться в разных направлениях и просто получать заряд положительных эмоций на весь день.

Спортсменка ведет здоровый образ жизни, категорически против вредных привычек и сидячего времяпрепровождения.

«Я стараюсь не забывать про учебу. Часто это получается, а иногда требуется больше упорства и терпения. Я даже ставлю перед собой вопрос: образование или спорт? Много времени проводишь и там, и тут!» – говорит Алсу.

Действительно, как найти свободное время при таком графике?! Начало дня юная спортсменка проводит за партой в школе, а конец посвящает любимому делу. Если выдается свободная минутка, Алсу общается с друзьями и семьей. Так-

же она любит рисовать, мастерить и мастерить поделки. Любимый школьный предмет спортсменки – английский язык, ведь нужно уметь общаться и со спортсменами из других стран. Но уезжать из России Алсу не планирует – патриот!

Конечно, она задумывалась о том, что хочет бросить спорт. Иногда она просто уставала и не успевала ничего, но упорство все-таки победило.

«Я ведь столько всего преодолела! И просто опустить руки я не могу. Буду идти до конца! Через все переживания, проблемы и препятствия на моем пути», – говорит Алсу.

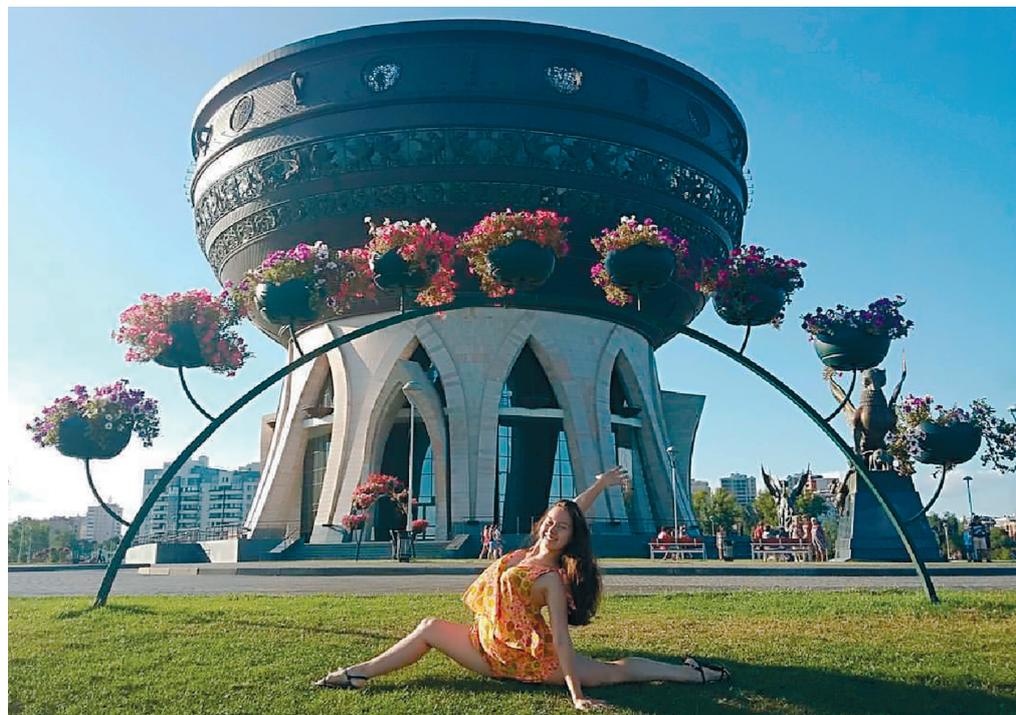
В будущем спортсменка хочет посвятить себя тренерству и учить детишек гимнастике. Хотя родные думают, что будет лучше, если она станет врачом и займется спасением чужих жизней, будет помогать людям, которым нужна поддержка.

«Я очень люблю детей, и мне даже удавалось вести у них пару занятий. Это приносит удовольствие. Я еще не знаю: может, буду тренером, а может, пойду по стопам родных и стану врачом!» – говорит Алсу.

Все начинается с родителей. Мама и папа вовремя заметили в девочке потенциал и отдали ее на занятия, а сейчас ею можно только гордиться.

Спортсменка отметила, что в наше время довольно трудно оттащить детей от компьютера и всевозможных гаджетов. Но нужно стараться родителям и пытаться завлечь ребенка. А сами дети должны понять, чего они хотят достичь в этой жизни и чему себя посвятить.

В скором будущем девочка получит заслуженное звание мастера спорта. Пожелаем Алсу удачи, терпения, и пусть все ее цели и мечты будут реализованы! ■

Сергей Циханович

Страна, где сохранились чудеса, или по дороге в Мандалай

В далеком советском детстве мальчики обычно мечтали стать летчиками, милиционерами, пожарными, самые продвинутые – учеными, космонавтами или путешественниками. Но время раскладывало свои прозаические пасьянсы, и где-то на экваторе жизни вдруг выяснялось, что идти в космонавты уже поздно, а в пожарные уже и не хочется. И только давние грезы о далеких робинзовых островах, о сверкающих вершинах Гималаев, затерянных в джунглях храмах и верблюжьих караванах, идущих по кромке бархана, – все это в новом изменившемся мире стало реальностью. Надо заработать немного денег и начать убивать одну мечту за другой. Нет, все-таки они не исчезают бесследно, в лучшем случае мечты превращаются в легенду – твою собственную легенду.

30-метровую бетонную статую Будды около города Маламьянг строят уже 10 лет.

*Еще минута – и наши «Тойоты»,
наконец-то, окажутся на земле
Мьянмы.*

МЬЯ – ИЗУМРУД. НАЧАЛО ПУТИ

Что вы знаете о Мьянме? Да ничего вы не знаете! Если только самые эрудированные подсказут, что до 1989 года эта страна называлась Бирмой, то кто-то, может, и вспомнит про давние колониальные войны англичан, другие слышали про «Золотой опиумный треугольник» на границе этой страны с Таиландом и Лаосом, третьи найдут в глубинах памяти строки Киплинга, написанные здесь: «Так везите от Суэца меня прямо на восток в глушь, где заповеди наши человеку невдомек. Там и колокол церковный обо мне поет давно, там у пагоды девчонка все еще глядит в окно. По дороге в Мандалай, где была не жизнь, а рай...»

С чего начинает турист, отправляющийся в незнакомую страну? Сеть пестрит рекламой турагентств, перепечатающих одну и ту же однажды удачно сочиненную справку о стране, перечисляющую основные географо-статистические данные и несколько популярных бренд-объектов. «Мьянма – государство в юго-восточной Азии. Её название переводится как «быстрый» или «сильный» и перекликается со словом «мья», имеющим значение «изумруд». Население 55 миллионов человек. С ноября по январь здесь самое холодное время 22-24градуса». Уточняющие детали и какое-то более достоверное ощущение страны появляется после знакомства с блогами немногочисленных туристов, не поленившихся описать свои впечатления. Понемногу прорисовывается образ государства, имеющего достаточно неопределенную политическую структуру и еще робко открывающегося всемирной армии отдыхающих. Так как после предыдущего путешествия две наших машины остались на хранении в Малайзии, в октябре 2013 года мы стартуем от

южной границы Мьянмы с этой страной. Точнее, от всероссийской, если судить по пассажирам самолета, здравницы – тайландского острова Пхукет, недалеко от которого стыкуются границы Малайзии, Таиланда и Мьянмы.

Первой серьезной задачей стала переправка наших «тойот» через пятикилометровый залив Кра Бури, отделяющий Таиланд от Мьянмы. Заезд на баржу-платформу в тайландском порту Раронг не вызвал проблем, но

вот выгрузка на практически необорудованном мьянманском берегу навела на размышления, что извечная надежда на «авось» присуща не только русскому народу. Как ни странно, с помощью нескольких досок, ржавых листов железа и без упоминания какой-то там матери невозмутимые шоколадные мьянманцы за час решили, казалось бы, безнадежную задачу. С раскадровки этого события, съемки рук, лиц, напряженных взглядов и началась

Стать послушником можно с 10 лет. Подаяние будущим монахам – благое дело для каждого буддиста.

Загадочная процессия из сотни позолоченных гипсовых монахов – знак священного места.

наша видеoversия путешествия. Снимаемая такой фильм, режиссер-оператор (чаще всего один в двух лицах) все время решает неизменный вопрос: что в этой быстротекущей и насыщенной событиями жизни является сутью происходящего и в будущем станет эпизодом фильма? В те времена, когда все кино снималось на пленке, ее, эту самую пленку, на киностудиях выдавали в соотношении 4:1, где единицей была длительность готового, смонтированного фильма. Метр «Кодака», пролетавшего в камере за две секунды, стоил около двух долларов. Один мой знакомый режиссер, в девяностые годы преподававший в институте кино и телевидения, доходчиво объяснял это соотношение голодным студентам: «Нажал на кнопку, и каждая секунда стоит килограмм сосисок». Сейчас, в эпоху видео, многие документальные фильмы снимаются с соотношением исходного и полезного материала 50:1 или даже 100:1. Режиссер переносит отбор и осмысление материала на стадию монтажа. В путешествиях каждая секунда может стать началом нового, непредсказуемого эпизода.

ПЕРВОЕ УТРО В БОКПИНЕ. СТРАННОЕ, НО ПРЕКРАСНОЕ

Покинув мьянманский порт Каутонг, две «тойоты» устремились на север. По данным турагентства, наша команда Уральского клуба путешественников была первой, начавшей маршрут по Мьянме от ее южной границы. Этот район, узкой полосой вытянувшийся вдоль Андаманского моря, не слишком приспособлен для обычной туристской братии. Дороги где-то асфальтированные, а где-то и

Шведагон – главный храм Мьянмы. «Безумный космодром» из 70 пагод-ступ.

нет, надежно проходимы только в сухой период. Особо выдающихся памятников истории и культуры немного, зато можно наблюдать обычную, повседневную жизнь мьянманцев. Итак, первая заправка вне города:

Старшеклассники в Бокпине хором распевают периодическую систему элементов Менделеева.

из придорожной лавки выносят мешок пивных бутылок, наполненных желтоватой жидкостью, и поштучно сливают их в бездонные баки наших машин. По этим дорогам ездят, в основном, на мопедах. До ближайшей нормальной заправки еще 500 км. Но, как ни странно, наши дизельные «тойоты» поехали дальше, не поперхнувшись. Все склоны окружающих дорогу холмов покрыты плантациями масличной пальмы. В конце ствола у метелки веерных листьев громоздится двадцатикилограммовый бугор из зеленых или оранжевых орешков. Из них-то и отжимают проклятие XXI века – пальмовое масло, которое теперь заменяет нам натуральный молочный жир в сливочном масле, твороге и других молочных и кулинарных продуктах.

Наряду с Малайзией и Индонезией, Мьянма – один из крупных экспортеров пальмового масла. Отжатое на мини-заводах, оно отправляется отсюда более чем в 150 стран мира. А еще здесь добывают натуральный каучук. Сок бразильской гевеи собирается в воронки и, застывая, превращается в латекс, который потом на вальцовых прессах раскатывают в виде небольших полотенец. Потом их, как белье, развешивают на просушку около дома. С одного дерева за год можно собрать 7,5 кг каучука, а с гектара гевеи – до 2-х тонн.

Первая ночевка в небольшом приморском городке Бокпин – несколько улиц легких одноэтажных домов. Рано утром, пока спутники еще досыпают, выхожу из отельчика в поисках мьянманской повседневности. Навстречу попадают, в основном, женщины, грациозно несущие на голове тазики с какой-то мелкой морской живностью. Из открытых дверей соседнего дома на всю улицу разносится нестройный хор детских голосов. Похоже на

Раскраска «танакой» – давняя традиция для всех женщин и детей.

молитву. Заглядываю и оказываюсь в единственном классе скромной сельской школы. Старшеклассники вслед за молодой учительницей во весь голос выкрикивают какие-то заклинания. Взглянув на доску, понимаю, что попал на урок химии, где сегодня изучают нашу родную, всемирно известную систему элементов Менделеева, к тому же еще и на английском языке. С репортерской бесцеремонностью, но и стараясь не мешать, начинаю снимать. Все безропотно воспринимают это как должное. В результате урок продолжается с еще большим усердием. Выйдя на улицу, встречаю стайку играющих малышей, с лицами, разукрашенными какой-то желтоватой краской. Наш гид Мо объяснил, что раскраска «танакой» – пастой из древесины одноименного дерева – давняя мьянманская традиция. Для детей раскрашенные мордашки – это выражение маминой любви, а для женщин – ежедневный ароматный макияж, к тому же защищающий от жгучего солнца. Зачастую им пользуются и мужчины, половина из которых, кстати, предпочитает носить вместо брюк легкие юбки-лоунж.

БЕСКОНЕЧНОЕ БЛАГО БУДДЫ

Как и в России село отличается от деревни наличием церкви, так и в

Мьянме в любом селе-городке есть своя пагода-ступа со скульптурами медитирующего Будды. Очень популярны многометровые изваяния лежащего в нирване Будды Швехалуна. Храмы и города страны буквально соревнуются, чей Будда будет огромнее. В конце нашего пути в городе Баго мы побывали около тысячелетнего лежащего Будды (длина 55 метров) с очаровательной трехметровой улыбкой. Впрочем, встретился нам и сидящий Будда высотой около 30-ти метров. Пересекая заливы и горные перевалы, мы движемся на север. Около города Моламьян отправляемся на остров Шампу в буддийский монастырь. В Мьянме, где 80% населения исповедует буддизм, около миллиона монахов. Прийти в монастырь, чтобы готовиться к монашеству, можно с 10 лет. Юные послушники каждый день по 9 часов читают священные книги. Их жизнь состоит из учебы, молитв и основ медитации. Будда позволил монахам иметь всего 8 личных вещей – 3 смены одежды, ложку, бритву, пояс, иголку и сосуд для подаяний. Монахи должны исполнять 227 правил, предписанных Буддой. Главные пять: не лгать, не воровать, никого не убивать, не заниматься сексом и никому не рассказывать о том, что ему открылось во время медитаций.

Зато монаху не надо работать, чтобы прокормиться. Подаяние монаху – благое дело для каждого буддиста. Но есть можно только до полудня или уже в сумерках.

По пути на север заезжаем к одному из чудес Мьянмы – пагоде Чайтхо или Золотому камню. Она находится на вершине большой горы, куда паломников и туристов доставляют на специальных грузовичках. Последний километр – только пешком. Пожилых доставляют носильщики. Пагода построена на огромном камне, в неустойчивом равновесии зависшем на склоне горы. От падения в пропасть, по преданию, его удерживает находящийся в пагоде

Чайтхо или Золотой камень, чудом задержавшийся на склоне горы.

священный волос Будды, привязывающий камень к небесам. В качестве приношения паломники-мужчины покрывают камень листочками сусального золота, год за годом наращивая золотой панцирь. Женщины же могут только наблюдать за этим, к камню их не допускают. На дорогах Мьянмы мы несколько раз встречали процессии паломников, отмечающих в это время буддийский праздник фонариков Тадингуйт – конец затворничества монахов. Но некоторые шествия напоминали импровизированный гей-парад, так как танцующие парни были нарядными и явно изображали женщин. Позади

98-метровая пагода Шведагон. На ее золочение ушло 55 кг золота, а вершина украшена тысячами бриллиантов.

около полутора тысяч километров, въезжаем в Янгон, крупнейший шестимиллионный город, бывший в течение многих столетий столицей страны и называвшийся Рангуном. В 2005 году военное правительство из соображений безопасности решило перенести столицу в глубь Мьянмы, где был специально выстроен современный, достаточно безликий город Нейпидо. Янгон же остался историческим центром, заповедни-

ком архитектуры разных времен и стилей – от древней бирманской до колониальной английской, неоклассической и арт-деко. Увы, но мы успеваем посетить только главную пагоду страны Шведагон. По преданию, 2500 лет назад два брата-купца получили в дар от Будды 8 волосков. Для хранения их они решили построить в Мьянме пагоду. С тех пор она многократно перестраивалась и сейчас достигает высоты 98 метров, напоми-

Поливание Будды – это особый обряд очищения.

ная какой-то безумный космодром. Устремленные в небо 70 золотых спилей малых пагод окружают главное сооружение. Силуэт храма – это философия и линия взлета буддийского духа в бесконечную высоту.

Малое доступно многим, к вершинам устремляются посвященные, достигают их избранные. На золочение ступы ушло более 55 килограммов сусального золота. Пагода увенчана флагом с 1100 бриллиантами. На вершине ступы находится золотая сфера с 4351 бриллиантом с сияющим наверху еще одним 76-каратным камнем. В одной из беднейших стран мира с ВВП около 1200 долларов в год (в 20 раз меньше, чем в России) мьянманцы выставили свои драгоценности на всеобщее обозрение. Складывается впечатление, что основной золотой запас страны – это бесчисленные сияющие пагоды, на стены которых верующие наносят новые и новые слои золота. У подножья храма посетители благоговейно поливают водой изваяния различных Будд. В жаркой Юго-Восточной Азии омовение водой всегда считалось благодеянием. А поливание Будды – это особый обряд очищения. Как выяснилось, в буддизме каждому дню недели и дню рождения соответствует свой Будда и свое животное. Но вот мы уже, как в песне, мчимся по главному шоссе страны из Янгона в Мандалай. Не доехав до него, по проселку сворачиваем в древний город Баган. Построенный в IX веке королем Пьянбой, он уже в 1287 году был разрушен монгольским ханом Хубилаем. По преданию, к этому времени в нем было возведено 4,5 миллиона пагод. Правда, археологи допускают реальное существование 10000. До наших дней в зачарованном городе-призраке на площади в 40 квадратных кило-

Древним храмам Багана уже более тысячи лет.

метров сохранилось около 4 тысяч храмов. Многие из них были разрушены сильным землетрясением 1975 года, к настоящему времени восстановлено около 2500. Чтобы проникнуться величием древнего Багана, надо обязательно встретить восход, взобравшись на стены одного из храмов. Повсюду, куда достигает взгляд, из тающего тумана встают первозданные силуэты пагод. Еще одно чудо Мьянмы – гора Попа, потухший вулкан высотой 1500 метров, возвышающийся над лесными долинами. На самом деле Попа переводится с языка пали как «цветок». Считается, что на вершине ее живут наты – воинственные духи, охраняющие дома и города. Застроенная монастырями и ступами гора привлекает толпы паломников со всей страны. Чтобы не дразнить натов, посетители не должны надевать черную или красную одежду, не говорить о чужих болезнях и не приносить с собой мяса.

Ну вот уже и пора возвращаться. По пути к тайландской границе успели побывать в пещерном храме в глубине горы Бэинт, на рисо-

вом покосе помочь с уборкой урожая мьянманским крестьянам, покорить вершину Звекабин, у подножья которой увидели фантастическое поле с 1080 изваяниями сидящего Будды. На всем пути в деревнях и столицах нам улыбались совсем небогатые, но неизменно приветливые люди. Практически нигде мы не встречали нищих, живущих подаянием. Конечно же, мы увидели страну не очень пристальным взглядом туриста. В своем экономическом развитии Мьянма отстает от многих соседей, но, похоже, так еще и не проснувшись, она и не спешит это делать. У нее есть еще какие-то другие сокровенные ценности, не всегда понятные нам. Оказавшись в Таиланде, наши суровые мужики первым делом отправились в обычный торговый центр, где в кондиционированной прохладе, наконец-то, заказали себе кофе с пирожными. Надо было как-то снять передозировку экзотики. Еще через 700 километров нас встретил железобетонный монстр Бангкок, на фоне которого Мьянма стала казаться наивной, деревенской, но... все-таки волшебной сказкой. ■

► Марат Шакирзянов

To Kazan.
I love you.
God Bless You.
♥ Nick W.

НИК ВУЙЧИЧ В КАЗАНИ

В ноябре 2016 года Казань посетил легендарный Ник Вуйчич – человек, у которого миллионы людей во всем мире учатся быть счастливыми.

Сегодня Ник Вуйчич – самый известный мотивационный оратор, директор некоммерческой организации «Жизнь без конечностей», созданной для помощи инвалидам, автор бестселлеров «Жизнь без границ», «Неудержимый» и «Будь сильным». Он получил два высших образования, научился печатать на компьютере со скоростью 43 слова в минуту, занимается серфингом, играет в гольф, увлекается рыбалкой, плавает и даже ныряет с трамплина в воду. А еще Ник Вуйчич – любящий муж и счастливый отец. И он не только живет полноценной насыщенной жизнью, но и помо-

гает другим людям обрести веру, надежду и любовь. Он выступает с лекциями 250 раз в год. Он посетил 60 стран, встречался с 13 президентами, рассказывал о самом главном с трибун восьми парламентов, сегодня его аудитория насчитывает свыше 9 миллионов человек. Он даже установил мировой рекорд, обняв (без рук и без ног!) 1749 человек за один час. Ник считает, что нет ничего лучшего в этом мире, чем помогать другим людям. Он твердо уверен, что, даже когда случается упасть и кажется, что подняться нет сил, нужно помнить: неудача – это еще не конец! ■